

Н. А. МЕЛЬГУНОВ — ГЕРЦЕНУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО К. Д. КАВЕЛИНА К ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. Н. Захарьина

1

Среди корреспондентов Герцена можно было бы назвать многих литераторов и политических деятелей, оставивших гораздо более значительный след в истории общественного движения, чем автор печатаемых ниже писем — второстепенный писатель Николай Александрович Мельгунов (1804—1867). Бывает, однако, что литератор не первого плана, по своим связям и отношениям с многочисленными участниками общественной жизни, оказывается для изучения эпохи весьма интересным и характерным. Именно таков Мельгунов: в силу разнообразия своих занятий он был связан с деятелями самых различных областей культуры. Он был романистом и литературным критиком, музыкальным рецензентом и композитором, публицистом и историком литературы. Поэтому мы неизменно встречаемся с Мельгуновым при изучении русской литературы и искусства тридцатых-пятидесятых годов. В пятидесятых годах он был в довольно тесных сношениях с Герценом и сообщает в своих письмах немало существенных данных, характеризующих литературно-издательскую деятельность Герцена, в особенности в первый год существования «Колокола». К концу прошлого столетия Мельгунов оказался уже совершенно забытым. Ему посвящена единственная статья; это — статья А. И. Кирпичникова «Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгунов. Историко-литературный очерк по неизданным документам» («Русская старина», 1898, №№ 11 и 12). Автор вынужден был специально оговорить, что Мельгунов «проч-но забыт», собрать о нем достаточно материала не удалось, и очерк поэтому страдает неполнотой, особенно в той части, где речь идет о деятельности Мельгунова в пятидесятых и шестидесятых годах («Русская старина», 1898, № 11, стр. 299). Поскольку переписка Герцена с Мельгуновым возникла во второй половине сороковых годов и закончилась в начале шестидесятых, мы сочли необходимым обследовать этот период жизни и деятельности Мельгунова заново, привлекая материалы, не использованные Кирпичниковым.

Николай Александрович Мельгунов родился в Орловской губернии в семье состоятельного помещика. Получив порядочное домашнее образование, юноша в пятнадцатилетнем возрасте был отдан в благородный пансион при Педагогическом институте в Петербурге, затем в сопровождении профессора Д. Е. Василевского отправился за границу. После возвращения в 1824 г. Мельгунов выдержал экзамен, полагавшийся по указу, и поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. К этому времени относится сближение Мельгунова с братьями Д. В. и А. В. Веневитиновыми, С. П. Шевыревым, А. И. Кошелевым, С. А. Соболевским, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, В. П. Титовым и другими представителями московской дворянской молодежи.

Большинство перечисленных сослуживцев и приятелей Мельгунова, как и он сам, чуждались политической жизни, и нараставшая гроза 1825 г. прошла мимо, не задев сколько-нибудь серьезно почти никого из них. Философские и литературно-эстетические интересы и занятия, как им казалось, вполне оправдывали это странное для тогдашней образованной молодежи равнодушие. Впрочем, недаром Пушкин назвал их в «Евгении Онегине» «архивными юношами», а в черновиках седьмой главы даже «архив-

выми франтами» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.—Л., 1937, т. VI, стр. 160 и 457).

Особенно близок был Мельгунов с М. П. Погодиным и с М. И. Глинкой; с первым его связывали общие литературные интересы — сотрудничество в журнале «Московский вестник», а со вторым — любовь к музыке и близкое товарищество. Дружбу и близость с Погодиным сохранил Мельгунов в течение всей жизни, как и дружеские отношения с Глинкой. Дальнейшие опыты литературной деятельности Мельгунова были осуществлены им совместно с С. П. Шевыревым и В. П. Титовым. В 1826 г. эти «архивные юноши» перевели на русский язык книгу Л. Тика и В. Вакенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком» (Москва, 1826). В следующем, 1827, году, по совету известного статистика Кеппена, Мельгунов совершил путешествие по России, главным образом южной, с образовательными целями (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, стр. 105 и сл.). В последующие годы, вплоть до начала тридцатых, Мельгунов, продолжая поддерживать прежние связи, познакомился и сблизился также с Баратынским, Чаадаевым, Д. Н. Свербеевым и другими представителями литературной Москвы. К 1831 г. относится первое выступление Мельгунова в качестве беллетриста: его повесть «Кто же он?» напечатана в журнале «Телескоп». В 1834 г. эта и другие его повести и роман «Да или нет?» вышли в Москве в двух книгах, озаглавленных «Рассказы о былом и небывалом». Однако не отмеченная печатью художественного дарования ультраромантическая беллетристика не стяжала автору славы. Ему принесла известность книга совсем в другом роде и притом написанная не им, а только с его слов. Книга эта — «Literarische Bilder aus Russland» — nach mündlichen Mitteilungen des Russen Melgunow, 1837 — явилась результатом совместной работы Мельгунова с немецким писателем Кёнигом (Heinrich-Joseph König). Предпринимая в тридцатых годах поездки за границу, главным образом в Германию и Францию, Мельгунов познакомился с несколькими иностранными литераторами, в том числе с известным немецким критиком Варигагеном фон Энзе, со знаменитым французским писателем Проспером Мериме, с Кёнигом, с немецким переводчиком В. Вольфзоном и другими. Все эти лица живо интересовались русской литературой, проявляя к ней искреннюю симпатию. Мельгунов постарался ввести своих собеседников и новых друзей в курс литературной жизни и борьбы, развивавшейся на русской почве, мало знакомой европейцам. Кёниг, относившийся к русской литературе с особенным интересом, стал, приходя к Мельгунову, записывать его рассказы. Этюды и очерки, посвященные русской литературе, напечатанные по-немецки, как указано выше — в 1837 г., привлекли к себе внимание и в Западной Европе и в России. Книга была переведена на многие языки. В России эта работа подверглась жестокому нападкам со стороны реакционной печати. Н. И. Греч выступил против Кёнига—Мельгунова со специальными брошюрами на русском и немецком языках; «Северная пчела» в двух анонимных статьях (1838, №№ 35 и 232) и затем Н. Полевой в «Сыне отечества» (1839, № 1, отд. «Критика», стр. 44) тоже напали на книгу. Главной причиной этого ожесточения была та весьма резкая характеристика, которую, со слов Мельгунова, дал Кёниг деятельности Булгарина, Греча и Сенковского, характеристика, впервые показавшая европейскому читателю действительное лицо этих полицейских литераторов.

В ответ Мельгунов выпустил брошюру «История одной книги» (М., 1839), в которой опроверг инсинуации Греча и других.

«Очерки» Кёнига—Мельгунова сыграли положительную роль в ознакомлении европейских читателей с общей картиной развития русской литературы *. Герцен в этом смысле и отметил книгу Кёнига в своей статье «Россия» (V, 338). Белинский тоже знал историю «Очерков», полупутливо называл Мельгунова «суфлером Кёнига» и нападал на него, повидимому, за похвалы, воздаваемые в книге литературной деятельности Шевырева (см. В. Г. Белинский. Письма. СПб., 1914, т. I, стр. 211 и 409).

* На русском языке под названием «Очерки русской литературы» книга Кёнига впервые появилась только в 1862 г., в Петербурге.

В тот же период, т. е. в 1835 г., Мельгунов начал сотрудничать в «Московском наблюдателе», а с 1839 г. в петербургских «Отечественных записках». При этом он не порывал связей с Погодиным и Шевыревым, занимая промежуточную позицию между различными направлениями общественной мысли и литературы. Точно так же и впоследствии, в сороковые годы, Мельгунов, оставаясь сотрудником «Москвитянина», сблизился с литераторами, объединявшимися вокруг Белинского и Герцена сперва в «Отечественных записках», а затем и в «Современнике».

В 1846 г. Белинский, собирая в Москве, с дружеской помощью Герцена, материалы для альманаха «Левифан», напечатанные впоследствии в «Современнике», получил от Мельгунова статью «Иван Филиппович Вернет — швейцарский уроженец и русский писатель» и одобрительно отозвался о ней в письме к Герцену от 20 марта 1846 г. (В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 104—105). «В этой статье много мемуарного интереса», — писал Белинский и, указывая на достоинства первой части статьи, замечал: «Статья мне очень понравилась». Однако уже в следующем году Белинский дважды высказался против Мельгунова. В письмах к В. П. Боткину от 17 февраля и 22 апреля 1847 г. (В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 177, 200 и сл.) Белинский резко и насмешливо отвел предложение Мельгунова привлечь к более близкому участию в «Современнике» Н. Ф. Павлова, а во втором письме дал критическую характеристику личности Мельгунова и его литературной деятельности. «...Николай Александрович, — пишет Белинский, — человек умный и образованный, с копытливym усердием он следит за всем новым, и нет ничего нового, чего бы не принял он к сведению. Но, по своей натуре, он не в состоянии усвоить себе никакого резко-определенного, *характеристического* образа мыслей. Он *примиритель*, московский Одоевский. Он чуть не плачет, когда у нас, при нем, Шевырева называют подлецом (я сам был свидетелем этому), и я уверен, что он тоже чуть не плачет, когда Шевырев, при нем, честит меня по-своему. Ему хотелось бы всех нас свести и помирить. Он не понимает антипатии убеждений и натур. Поэтому роль его жалка: обе крайние стороны смотрят на него как наполовину своего, а в сущности ничьего. Это отражается и в его статьях: он хлопочет, чтобы в них не было односторонности, пристрастных убеждений, нетерпимости, узкости в созерцании и понятиях, — а достигает только того, что в них нет закваски, крепости, что они бесцветны, ни то ни се».

Эта характеристика, сделанная не только с точностью, но и с необыкновенной прозорливостью, вполне может быть отнесена и к позднейшей общественной деятельности Мельгунова. В течение двух десятилетий он занимал в острой общественно-политической борьбе позицию «примирителя», поддерживая и личные и литературные связи с деятелями разнородных и даже противоположных лагерей. Свой путь он окончил как автор дюжинных и пошлых статей в либерально-буржуазной печати.

Белинский в цитированном письме резко аттестовал «Московский фельетон» Мельгунова, сообщил об отказе редакции напечатать его статью «Бурши и филистеры», перепечатать статью о Берлиозе и принять многие другие его предложения. Он пишет далее: «Мы решились несколько расхолодить усердие Мельгунова». «Печатай все это, — говорит Белинский, — и журнал сейчас примет характер умной, честной, добросовестной и благородной посредственности» (там же, стр. 202 и 204).

Иронические отзывы о Мельгунове встречаются также в письмах Некрасова и Панаева той же поры, свидетельствуя о том, что в оценке Мельгунова редакция «Современника» была единодушна. После майской книги журнала 1847 г., насколько нам известно, Мельгунов сотрудничать в «Современнике» перестал.

С Герценом Мельгунов познакомился в конце 1845 г. Переписка Герцена, начиная с апреля 1846 г., содержит неоднократные и разнообразные упоминания о Мельгунове. В 1846 г. Герцен воспользовался посредничеством Мельгунова, чтобы довести до сведения М. П. Погодина свой «громкий протест» против появления в альманахе «Первое апреля» выступления Некрасова по адресу К. С. Аксакова и Погодина

(см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. 8. СПб., 1894, стр. 355, а также «Лит. наследство», т. 53-54, 1949, стр. 66). Когда Герцен в 1847 г. уезжал за границу, Мельгунов провожал его до станции Черная грязь вместе с ближайшими друзьями. Хорошо зная Германию и Францию, он снабдил Герцена многими советами и указаниями. Повидимому, именно Мельгунов рекомендовал его Варнгагену фон Энзе специальной запиской (см. «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 28, 32). При посредничестве Мельгунова и по его инициативе готовились первые переводы произведений Герцена на немецкий и французский языки. Эти вопросы в переписке Герцена и Мельгунова обсуждались с самого начала пребывания Герцена за границей. Так, в конце 1847 г. Герцен сообщил В. П. Боткину: «...Получил от Мельгунова письмо с известием о том, что какой-то волчий сын (шутка: Герцен имеет в виду упомянутого выше немецкого писателя-переводчика Вильгельма Вольфсона. — Н. З.) меня хочет печатать в переводе на германском диалекте с присовокуплением ноты биографической. Мериме я просил доставить „Кто виноват?“, а не пошлет ли Мельгунов „Крупова“ Вольфсону, благо его хвалят. Поклонись ему от души» (там же, стр. 41—42, 44).

В письмах к московским друзьям за 1847—1848 гг. Герцен неоднократно упоминает о Мельгунове в столь же дружеских тонах (V, 181, 245; «А. И. Герцен. Новые материалы», цит. изд., стр. 49).

После приезда Мельгунова в 1850 г. за границу *, сближение его с Герценом продолжалось. В самую тяжелую для Герцена пору, в 1851—1852 гг., Мельгунов оказался одним из немногих дружественно расположенных к Герцену лиц, на сочувствие которых Герцен мог рассчитывать в той сложной, трагической обстановке, в которой ему пришлось действовать (см. VII, 15, 22). По выражению Герцена, это был период, когда «общее, частное — все несло куда-то в пропасть...» (XIII, 542). В это время Герцен и Мельгунов писали друг другу довольно часто. «Его письма, — говорит Герцен, — всегда служат мне отрадой и отдыхом. Я ничего не знаю противоположнее его теплоту, полному любви вниманию, как такового Ник. Иван. (Сазонова), который, наконец, вывел меня из терпения: фраза, холод и гранит» (VII, 51). И далее Герцен вновь прибавляет: «письма его утешительны» (там же, стр. 52).

Одно из этих писем, — от 16 апреля 1852 г., — сохранилось в «празжской коллекции» и публикуется ниже. Оно свидетельствует о том, что Мельгунов действительно относился к Герцену с искренней любовью и горячо принимал к сердцу несчастья, постигшие его. В этом и была основа их сближения за границей в начале пятидесятых годов. Но уже в 1853 г., едва только Герцен немного оправился от тяжелых утрат и бедствий и снова вернулся к литературно-политической деятельности, он убедился, что звать к Мельгунову как к соратнику в общественно-литературной борьбе в такой же мере тщетно, в какой тщетно ждать отклика от других московских либералов. Основывая русскую типографию в Лондоне, Герцен обращался к Мельгунову и А. В. Станкевичу с просьбой принять участие в этом деле, участие хотя бы только номинальное, — внести по небольшой сумме — хоть по двести франков, — чтобы дать ему, Герцену, право сказать, что типография учреждается не единолично им, а на средства нескольких русских, ради вольного русского слова. Герцен, разумеется, и не думал объявлять в печати имена жертвователей. Но Мельгунов отмолился, так же как и Станкевич, как и все бывшие друзья Герцена, оставшиеся в России. И объяснялось это не только отсутствием гражданского мужества; нет, дело было в прямом отрицании революционной пропаганды Герцена.

В 1853 г. сношения Герцена с Мельгуновым, насколько нам удалось установить, прервались на долгий срок — вплоть до лета 1856 г., когда Мельгунов, очутившись впервые после окончания Крымской войны за границей, вновь вступил в переписку с Герценом, причем переписка их приняла иной, чем прежде, менее личный характер.

* Мельгунов, согласно справке Министерства внутренних дел, сделанной по требованию III Отделения, «был для излечения болезни его и жены его уволяем за границу в 1846, 1848 и 1850 гг., через год он просил об отсрочке отъезда (...) В октябре 1852 г. ему высочайше разрешено остаться за границей еще на один год. В августе минувшего 1852 г. Мельгунов находился в Париже» (ЦГИАМ, ф. III Отделения, «Всеподданнейшие доклады 1853 г.», т. I, лл. 43 об.—44).

После войны и явственно обозначившегося крушения режима Николая I Мельгунов, как и другие представители либерально-дворянской интеллигенции, стал принимать в общественно-политической борьбе гораздо более активное участие — «... с тех пор как я прозрел...», — писал Мельгунов Герцену 9 октября 1856 г. Дело было, конечно, не в «прозрении»: изменилась политическая обстановка, и Мельгунов, никогда не занимавший определенной общественной позиции, был на время поднят и захвачен волной общественного возбуждения, ни на вершок не выходя, однако, за пределы «либеральных надежд».

В нашем распоряжении имеется несколько архивных документов, характеризующих взгляды Мельгунова накануне Крымской войны. Взгляды эти были весьма умеренны. Во всеподданнейших докладах III Отделения о Н. Ф. Павлове и Н. А. Мельгунове, представленных А. Ф. Орловым и Л. В. Дубельтом Николаю I 11—13 марта и 5 декабря 1853 г., содержатся любопытные сведения о Мельгунове. Первый доклад был составлен в результате рассмотрения бумаг Павлова. «Большая часть бумаг Павлова, — говорится здесь, — состоит из писем к нему Мельгунова (...) Письма Мельгунова были рассмотрены с наивеличайшим вниманием. Из них видно, что Мельгунов обладает умом довольно основательным; он не только не согласен с превратными суждениями московских славянофилов, но и всегда спорил против преступных мнений Герцена еще в то время, когда этот последний (ныне изгнанник) находился в России. Равным образом из писем Мельгунова незаметно, чтобы он сильно был занят политикой...» *.

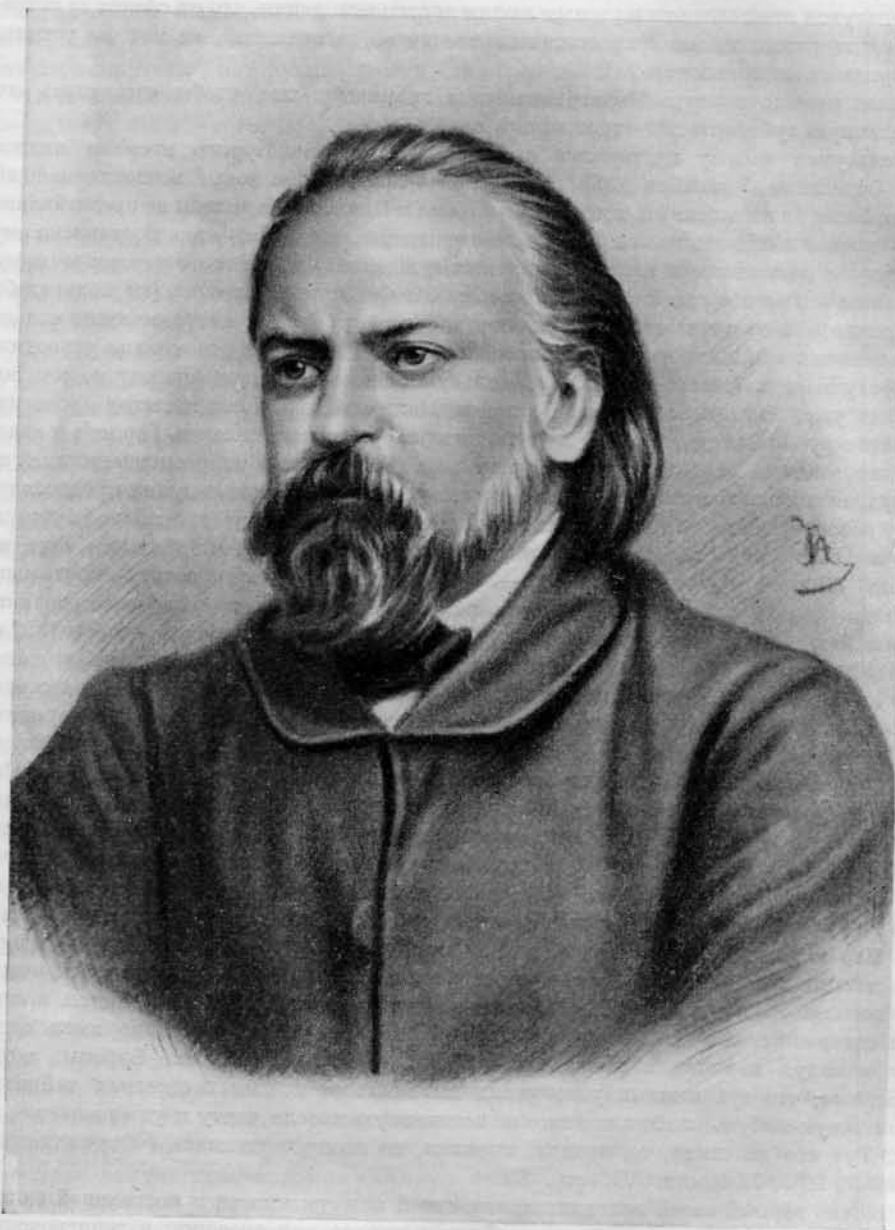
Итак, основное впечатление жандармов оказалось для Мельгунова благоприятным. Оно было подкреплено следующими соображениями: «В одном письме 1848 г., — отмечается в докладе, — спрашивая Павлова, приготовляются ли русские к походу против венгерских мятежников, Мельгунов показал даже мысли благонамеренные, ибо спрашивал в том смысле: неужели русские не противопоставят преграды революционному потоку Западной Европы. Вообще Мельгунов в суждениях своих умерен и чрезвычайно осторожен».

Политический портрет Мельгунова, набросанный канцелярией Дубельта, был бы, с точки зрения жандармов, вполне благополучным, если бы не настойчивое обвинение Мельгунова в «самом противозаконном образе мыслей», выдвинутое против него московским генерал-губернатором А. А. Закревским. Поэтому III Отделение продолжало «рассматривать» письма Мельгунова и нашло только одно, которое привлекало внимание своей «крамольностью». Отрывок из этого письма, относящегося к сороковым годам, включен в доклад, и мы воспроизводим его полностью:

«Хочешь ли знать мой идеал, — пишет Мельгунов, возражая славянофилам, — для меня существуют только племена и народы. Они одни живые организмы. В них заключается и церковь и государство. Другими словами: не должно быть ни церкви, ни государства, а только живой народ. Исторический процесс христианского мира Восточного и Западного) тот, что сначала преобладала церковь над государством; теперь, после долгой борьбы, преобладает государство над церковью. Но уже настает время борьбы отвлеченного государства с живым народом. Еще недавно говорили, что не народ для царя, а царь для народа, теперь следует говорить: не народ для государства, а государство для народа. Что мне в сильном государстве, когда каждый из его членов, отдельно взятый, лежит под бременем нищеты и неправды? Мне дорого не отвлеченное понятие, а живой человек. Я иду дальше и говорю: не человек для народа, а народ для человека, потому что и само понятие о народе есть, так сказать, живая отвлеченность в сравнении с живым человеком. Что мне до сильного народа, когда отдельно взятые сочлены его слабы. Для меня силен и поистине жив лишь тот народ, который способен восстать за каждого из своих сочленов. Коли один за всех, то и все за одного!»

Как ни отвлеченно, как ни общо звучала эта декларация Мельгунова, III Отделение усмотрело в ней отражение «вредных учений» социалистической мысли, которые

* Здесь и далее цитируем «Всеподданнейшие доклады 1853 года», т. I, лл. 35—45 «О титулярных советниках Павлове и Мельгунове» и «Всеподданнейшие доклады 1 и 2-й экзп. 1853 г.», т. II, лл. 207—208 об., ЦГИАМ, ф. 109.

ГЕРЦЕН

Фототипия с рисунка И. А. Астафьева
Местонахождение оригинала неизвестно

получили столь большое развитие в сороковых годах: «Невозможно (...) не видеть, что Мельгунов принадлежит к ученым людям нового поколения, что он следит за современными теориями и, живя продолжительное время за границей, не мог не усвоить себе вредного направления».

Было решено вызвать Мельгунова из-за границы с тем, чтобы «отправить его в отдаленную губернию под строжайший надзор».

Мельгунов вызову подчинился и по прошествии некоторого времени явился в III Отделение. 5 декабря 1853 г. о нем был представлен новый всеподданнейший доклад, более благосклонный, в котором и письма к Павлову объявлены не представляющими «ничего к обвинению его в неблагонадежности», и быстрая явка поставлена ему в заслугу, и раскаяние «в непослушительных суждениях» признано «чистосердечным», сделанным «со всей честною открытостью». А. Ф. Орлов заключал: «Я полагаю бы возможным не подвергать его высылке в отдаленную губернию, а ограничиться только учреждением за ним строгого секретного надзора». Николай I это мнение утвердил.

Сразу же после заключения мира, Мельгунов вновь поехал за границу и, как мы говорили уже, восстановил связь с Герценом. Мало того, он сделал попытку пропагандировать в русской цензурной печати литературную деятельность Герцена и изложить его взгляды на европейскую буржуазию. Работая над корреспонденциями из Парижа, предназначенными для «Русского вестника», Мельгунов задумал предпослать своему обзору французской общественной жизни характеристику европейской буржуазии и мещанства и воспользовался для этого знаменитым «Post scriptum'ом» Герцена (V часть «Былого и дум», XIII, 390—397). Намеревался он провести сквозь цензуру также и свои собственные мысли по поводу этих острых герценовских страниц. Об этом намерении он сообщал Герцену 9 октября 1856 г. и в начале января 1857 г. Ни в 1857, ни в 1858 г. осуществить свой замысел Мельгунову не удалось; однако намерения своего он не оставил — и осенью 1859 г. (в сентябре — ноябре) в «Отечественных записках» появились три его статьи под названием «Заметки русского в Париже», из которых первая содержит в себе указанные страницы Герцена и изложение его взглядов на буржуазию Запада. Полностью перепечатав пять страниц «Post scriptum'a» (см. ниже примечания к письмам №№ 8, 9, 25), он заключил их следующими словами: «Если за такую длинную выписку мне придется просить у кого-нибудь извинения, то уж, конечно, не у читателей, которые скажут за нее спасибо, а разве у автора. Приведенные мною страницы заключают в себе, по-моему, поразительно верное, хоть и резкое определение современного западного и по преимуществу французского общества. Кто коротко знаком с теперешней Францией, того невольно остановит своею верною и глубиной эта беспощадно правдивая характеристика. Издали в ней может иное показаться преувеличенным и даже неточным, но когда вблизи видишь и слышишь совершающееся на Западе, во Франции, которую автор очевидно имел всего более в виду, наконец в центре их — Париже, этом микрокосме Европы, тогда сознаешься, что тут каждый удар резца выхватывает из самых скрытых тайников жизни какую-нибудь слабо или вовсе не замеченную доселе черту и утверждает ее на меди. Тут что ни слово, то правда, горькая, но неопровержимая» («Отечественные записки», 1859, № 9, отд. VI, стр. 8).

Однако верный своей половинчатости, своей межеумочности и постоянной склонности к «примирительству», Мельгунов далее вносит ряд оговорок в герценовскую характеристику буржуазии, показывающих, как он, в сущности, далек от прогнозов Герцена. Признавая, что европейское буржуазное общество именно таково, каким его изобразил Герцен, Мельгунов в то же время берет буржуазию под защиту, становится ее апологетом и утверждает, будто она сможет преодолеть свой «коренной недуг», так как «в буржуа сидит» якобы «прежний лучший человек». Прямо наперекор суждению Герцена он говорит, что именно этой «лучшей, чистой, прежней стороною» только и держится «здешняя общественность», и выражает надежду, что «зловещие диагнозы» ошибутся — «здоровые соки во французской нации и вообще на Западе» одержат победу над глубоким историческим недугом. Причем здоровыми соками он считает отнюдь не демократические слои французского народа (на которые рассчитывал, например, Чернышевский), а существующую якобы здоровую часть буржуазии.

Таким образом, и эта статья, являющаяся как бы попыткой пропагандировать взгляды Герцена-изгнанника в России, в то же время дискредитирует эти взгляды, подтверждая своей половинчатостью и двойственностью ту характеристику Мельгунова-«примирителя», которую за десять лет перед тем дал ему Белинский.

Печатаемые ниже письма Мельгунова прекрасно иллюстрируют справедливость утверждений Белинского.

3

Переписка Герцена с Мельгуновым за 1856—1858 и последующие годы сохранилась лишь частично и односторонне. Письма Герцена, кроме короткой записки от 22 февраля 1859 г. (IX, 514), в печати неизвестны. По всей вероятности, Мельгунов, возвращаясь в Россию, писем Герцена взять с собой не решился.

Из писем Мельгунова сохранилась приблизительно половина. Неизвестны письма за все первое десятилетие знакомства Герцена с Мельгуновым (1846—1855), кроме одного письма 1852 г., упоминавшегося выше. Период их переписки, начинающийся в 1856 г., представлен тридцатью девятью письмами Мельгунова к Герцену и одним письмом, адресованным Огареву. Из них тридцать шесть писем печатается почти полностью (мы опустили лишь подробности денежных счетов Мельгунова с Герценом), а три письма приводятся в настоящем томе в разделе аннотаций. Среди перечисленных писем имеются четыре, которые были ранее известны в извлечениях. В настоящей публикации они воспроизводятся полностью по автографам.

Публикуемые письма имеют значительный историко-литературный интерес. Они относятся, как сказано, главным образом к 1856—1858 гг., освещаая знаменательный период литературно-издательской деятельности Герцена — период выработки политической программы и первого года существования «Колокола».

Важнейшими источниками для изучения этого периода являются письма Герцена к М. К. Рейхель и его переписка с И. С. Тургеневым; наряду с этими первоклассными документами, публикуемые письма представляют несомненный интерес: они открывают перед нами многие стороны отношений Герцена с представителями российского либерализма, к которым принадлежал и Мельгунов.

Как раз в середине 1856 г., после выхода в свет второй книги «Полярной звезды», начал с необычайной быстротой расти спрос на все издания Вольной русской типографии. Герцен справедливо увидел в этом факте сочувственный отклик общества на его политическую проповедь. 10 июня 1856 г. в письме к Рейхель он с удовлетворением отмечал: «... с заключения мира (т. е. после подписания Парижского трактата 30 марта 1856 г. — *Н. З.*) Трюбнер продал на чистые деньги моих книг слишком на *две тысячи франков*. — Каково чешем?» (VIII, 317). К концу того же года названная Герценом цифра выросла до десяти тысяч (VIII, 373), а к середине следующего, 1857 г., на складе Трюбнера не осталось ни одного экземпляра изданных Герценом книг. Это был крупный политический успех. В дальнейшем он был закреплен основанием «Колокола». Вскоре потребовалось повторение большинства изданий, выпущенных за все время существования типографии. Были в их числе переизданы книжки небольшого формата — сборники статей и корреспонденций, выходившие под названием «Голоса из России». «Голоса» впервые были выпущены летом и осенью 1856 г. (части I и II), следующие — в 1857 г. (части III и IV). Сборники эти в силу своего либерально-монархического характера резко не соответствовали направлению основанного в 1857 г. «Колокола». Печатаая в «Голосах» одну из статей Мельгунова, Герцен заявил: «Мы громко протестуем против всякой солидарности между направлением статей, нами печатаемых, и нашими мнениями» («Голоса из России», кн. IV, Лондон, 1857, стр. 158).

Именно к «Голосам из России» имел ближайшее отношение автор публикуемых писем. Мельгунов, как оказывается, привез из России Герцену летом 1856 г. несколько рукописей, вошедших во вторую и последующие части «Голосов». Кроме того, он был автором и одной из статей первой части («Мысли вслух об истекшем тридцатилетии»). В так называемом «Первом выпуске второй части» напечатана его статья «Приятельский разговор», а в четвертой — статья «Россия в войне и мире». Как известно, задачей

«Голосов из России» было обнародование той рукописной литературы, которая возникла к концу царствования Николая I. «Статьи, печатаемые нами, — писал Герцен в издательском предисловии к первой части, — особенно важны потому, что они принадлежат к той письменной литературе, которая развивалась с необыкновенной силой во время последней войны и после смерти Николая I. Это — первые опыты, еще робкие и непривычные, русской речи о русском общественном деле, являющиеся после тридцатилетнего молчания. По этим статьям можно отчасти судить об общественном мнении России в 1855 г., о вопросах, занимавших тогда и теперь умы» (VIII, 321).

Герцен, однако, не только не солидаризировался с тем «общественным мнением», которое выразилось в статьях «Голосов из России» (особенно в первой части), но и в предисловии, и в письмах того времени, и позже резко и определенно подчеркивал свое несогласие с этими статьями. О своем несогласии с основным, программным документом «Голосов», с так называемым «Письмом к издателю» (оно было составлено К. Д. Кавелиным вместе с Б. Н. Чичериным и подписано «Русский либерал»), Герцен заявил в цитированном предисловии «От издателя». Кроме того, Герцен и здесь и позже, говоря о «Голосах из России», не раз напоминал читателям: «...прошу не забывать, что я — только типограф».

Несмотря на свое несогласие с российскими либералами-монархистами, вроде К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и примкнувшего к ним Н. А. Мельгунова, Герцен все же считал полезным опубликовать и эти статьи, поскольку авторы их тоже критиковали, со своей точки зрения, «современный порядок дел в России» (VIII, 321). Он печатал эти статьи прежде всего потому, что в то время не получал еще из России других, критиковавших «порядок дел в России» с последовательных революционных позиций.

Однако Герцен отчетливо видел и отрицательные стороны либеральных писаний и, начав публиковать некоторую часть присланных ему рукописей, вскоре же приостановил печатание. Сохранился даже любопытный след этих издательских колебаний Герцена. Дело в том, что в первом выпуске «Голосов из России» напечатано «Оглавление первой части» с подзаголовком «Статьи 1855 года», содержащее названия одиннадцати статей и заметок, из которых только первые три фактически вошли в эту часть. Остальные же Герцен либо вовсе не напечатал, либо включил поодиночке в следующие выпуски *. Герцен прекратил на время печатание статей 1855 г., так как получил возможность сравнить их с новыми рукописями, привезенными Мельгуновым (см. упоминания о привезенных Мельгуновым из России пакетах в письмах Герцена к М. К. Рейхель от 23 и 26 июня 1856 г. — VIII, 319 и 320), и предпочел сперва напечатать статьи 1856 г., хотя и они далеко не удовлетворяли его. В предисловии ко второй части «Голосов» Герцен следующим образом объяснял читателям причины изменения первоначального плана: «В продолжение печатания первого выпуска мы получили ряд статей, по большей части писанных в 1856 г. Разница их тона со статьями 1855 так резка и так замечательна, что мы решились немедленно напечатать некоторые из них. Они послужат дополнением, объяснением, поправкой статьям 1855 года» (VIII, 325). В каком смысле говорил Герцен о большей приемлемости новых статей? Ответ на этот вопрос мы находим в письме Герцена к Н. М. Щецкину от 8 января 1857 г. Опровергая

* Приводим текст оглавления, сообщая, по возможности, о судьбе каждой статьи. Заметка Герцена «От издателя». Напечатана в первой части.

1. «Письмо к издателю в виде предисловия»; подписано «Русский либерал». Стр. 9—20 печатного текста принадлежат К. Д. Кавелину, стр. 21—36 — Б. Н. Чичерину. Напечатано в первой части.

2. «Занеска о письменной литературе»; автор неизвестен; возможно, что это — К. Д. Кавелин. Напечатана в первой части, стр. 40—66.

3. «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии»; статья приписывалась Т. Н. Грановскому; действительный автор — Мельгунов. Напечатана в первой части, стр. 67—164. Принадлежность статьи Мельгунову указана Б. Н. Чичериным в книге «Воспоминания. Москва 40-х годов», М., 1929, стр. 159—160.

4. «Связанный союз и австрийская политика»; статья Б. Н. Чичерина. Герценом не напечатана.

5. «Об аристократии, в особенности русской»; статья Б. Н. Чичерина. Герцен перенес ее в третью книжку «Голосов», Лондон, 1857, стр. 1—113. О своем авторстве сооб-

«либеральные надежды» своего корреспондента, Герцен писал: «Ведь, это детей утешают в болезнях конфетами, — нам нужны операции, горькие лекарства; не отдадимте нашего негодования, наших стремлений, выстраданных под лапой Николая, за барскую ласку... Ряд статей, полученных мною из России и напечатанных в 1-й книжке „Голосов“, совершенно ложен, и через несколько месяцев я получил совсем иные статьи, практически дельные (II книжка)» (VIII, 386). Герцен, следовательно, с самого начала, с первого выступления либералов в бесцензурной печати, считал позицию Кавелина и Чичерина совершенно ложной. Огарев, в полном согласии с ним, рассматривал статью-письмо «Русского либерала» как прямое проявление политического «лакейства», развитого в России «незабвенным», т. е. Николаем I (см. «Избранные социально-политические и философские произведения», т. I. М., 1952, стр. 195). К статьям, присланным позже, т. е. привезенным Мельгуновым, Герцен тоже отнесся, в конечном счете, отрицательно. Почти одновременно с цитированным выше предисловием ко второму выпуску «Голосов» (оно датировано 19 августа 1856 г.) в письме к М. К. Рейхель от 16 августа Герцен писал: «Статьи русские печатаю, а плохи (то есть часть их очень подло написана), с нашими-то выражениями, напоминающими переднюю и Епифанова» (VIII, 325). Таким образом, и в некоторых статьях второй части Герцен усматривал тот же дух лакейства и раболепия, какой был присущ первой части, все то же «воззрение осиплых „Голосов“ 1-го ливрезна», по его выражению (VIII, 372). К числу этих отрицательно оцененных Герценом статей, несомненно, относилась и статья Мельгунова «Россия в войне и мире». Она была отложена, а позже, печатая ее, Герцен особо оговорил свое решительное с нею несогласие (см. выше, стр. 315).

Но и первая статья Мельгунова, напечатанная в том же «1-м ливрезоне» «Голосов из России», проникнута раболепным духом. «Мы все простираем руки к престолу и молим: простору нам, державный царь!» — восклицал Мельгунов и, обращаясь к молодежи, декламировал: «Время радикализма, кажется, прошло даже для западной Европы. У нас же ему и не следует возникать, ибо у нас всякое начинание истекает сверху (...). Попытки снизу к насильственному изменению существующего вызвали одно лишь усиление строгости. Покажем полное доверие к молодому царю...» и пр., и т. п.

Что же касается «практически дельных» статей, то во второй книжке «Голосов» к ним может быть причислена только одна — «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях». Это — разоблачение фактов казнокрадства и ограбления солдат начальниками, написанное с отличным знанием предмета. Автором статьи был брат Б. Н. Чичерина — Владимир Чичерин, имевший личный опыт службы в армии (см. Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминания. Москва 40-х годов, цит. изд., стр. 163—164).

Герцен в 1856 г. считал Кавелина автором программной статьи «Голосов» (см. VIII, 338). Из воспоминаний Б. Н. Чичерина и писем Кавелина, адресованных Погодину (см. Н. П. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 202 и сл.), мы знаем, что инициатором объединения либералов для совместных литературно-

рует сам Чичерин («Воспоминания. Москва 40-х годов», цит. изд., стр. 161—162; он же указывает, что статья эта приписывалась Ю. Ф. Самарину).

6. «Россия в войне и мире»; автор — Мельгунов; статья датирована: «1855, накануне Рождества». Герцен перенес статью в четвертую книжку «Голосов», Лондон, 1857, стр. 130—158. Публикуя статью, он сделал специальное примечание. См. его текст выше, стр. 315.

7. «О крепостном состоянии»; статья Б. Н. Чичерина, Герцен перенес ее в первый выпуск второй части. Лондон, 1856, стр. 127—229. (См. Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминания. Москва 40-х годов, цит. изд., стр. 163.)

8. «Государственное крепостное право»; статья К. Д. Кавелина. Герцен перенес ее в третью книжку, Лондон, 1857, стр. 138—171.

9. «Самодержавие и неограниченная монархия»; статья неизвестного. Герценом не напечатана.

10. «Шнуровая книга обличений» — несколько обличительных заметок, дополненных материалами, привезенными Огаревым из России в апреле 1856 г. Перенесены в третью книжку, где напечатаны с примечанием Герцена, подчеркивающим полезность этого отдела «Голосов» (см. VIII, 522—523). Отдел этот — прямой предшественник обличительной «Смеси» «Колокола».

11. «Исповедь русского помещика»; автор неизвестен. Герценом не напечатана.

публицистических выступлений, в результате которых и возникли «Голоса», был действительно Кавелин; он же был одним из первых распространителей программных документов «умеренных» в виде рукописной литературы. Вероятно, он же в декабре 1855 г., сообщив в письме Погодину дошедший до него слух о смерти Герцена, предложил использовать якобы освободившуюся лондонскую типографию для напечатания этих рукописей. В воспоминаниях Чичерина рассказано о том, как он и Кавелин объединились для распространения «рукописной литературы», как явилось к Кавелину Третье лицо, предложившее со своей стороны принять участие и в написании и в распространении статей. Этим лицом был Мельгунов. Можно не сомневаться в том, что Мельгунов вошел в сношения с Кавелиным не без ведома Погодина.

На основании всех данных, содержащихся в переписке названных лиц, можно заключить, что «Голоса» возникли не в результате более или менее случайного доставления Герцену рукописей из России, а в результате продуманного и подготовленного шага, сделанного представителями умеренного либерализма, которые намеревались создать свой орган за границей.

Несомненно, что полемика против «Полярной звезды» и Герцена, начатая в первой части «Голосов» Кавелиным и Чичериным (см. «Письмо к издателю в виде предисловия»), должна была быть продолжена. Либералы желали иметь орган, который противостоял бы социалистической и революционной пропаганде Герцена в «Полярной звезде» *. Само собой разумеется, Герцен только до поры до времени мог мириться с ролью издателя книг, направленных против него же. Программа блока либералов, создававшегося за спиной Герцена и против Герцена, была сформулирована Кавелиным в одном из упоминавшихся писем к Погодину: освободить крестьян с той землей, которою они владеют, «без обиды для барина, т. е. с выкупом», «сохранить неограниченную власть государя, основав ее на возможно широких местных свободах»; далее — реформы «центрального, местного, земского и сословного управления и суда» и, наконец, «участие выборных в делах управления». Средством к достижению перечисленных целей должны были служить пропаганда реформ и обличение правительственных безобразий. Располагая (по близости к царскому правительственному аппарату и к разным канцеляриям) сведениями и материалами разоблачительного характера, такие лица, как Кавелин и Милютин, Погодин и Чичерин и т. д., действительно могли организовать либеральную обличительную кампанию и даже создать специальный орган для этой цели; этими органами и должны были стать «Голоса из России» и та обличительная газета, которую Кавелин настойчиво советовал Герцену создать на французском языке **.

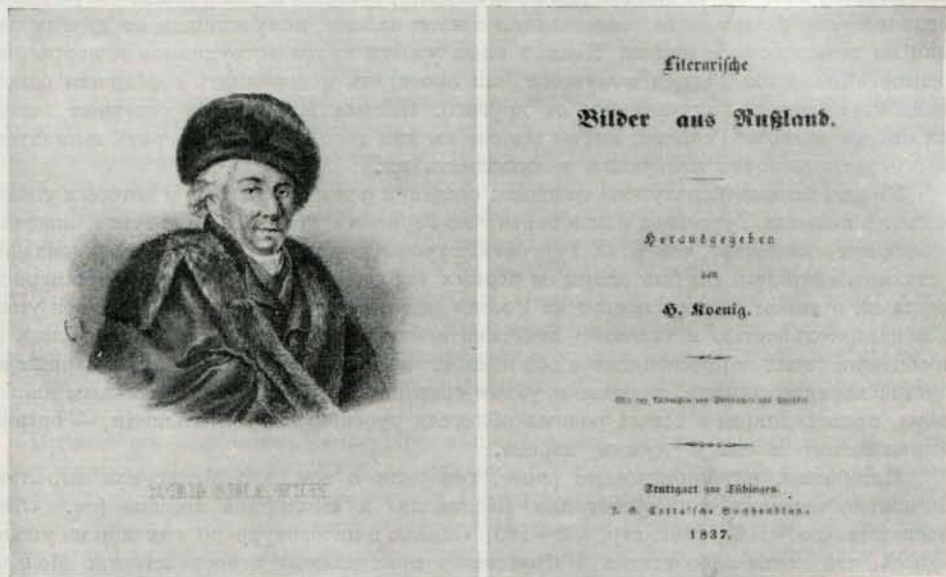
Созданная Герценом и Огаревым газета «Колокол», несмотря на умеренность выставленных издателями политических требований, приняла, однако, направление, ненавистное Кавелину и его компании. Герцен и Огарев создавали «Колокол» как орган общественного мнения демократических кругов русского общества, настроенных революционно, а не реформистски. Апелляция к «верхам», либеральные отступления от демократизма возникали на его страницах из-за недостаточной в отдельных вопросах и, особенно, в отношении тактики, революционной последовательности Герцена и Огарева. К тому же, редакция «Колокола» находилась в особо трудном положении: наиболее осведомленные ее корреспонденты, снабжавшие заграничную политическую газету материалами и информацией, принадлежали в течение первого года существования «Колокола» преимущественно к лагерю либералов. Кавелин был среди этих корреспондентов одним из влиятельнейших. Он, клянясь в дружбе и любви к Герцену, в преклонении перед ним, как перед великим человеком, «первым человеком в целой Европе» (из письма 1859 г.), не оставлял с 1856 г. попыток навязать Герцену антидемократическую и антисоциалистическую, либерально-монархическую программу. На этой почве многократно и возникали те расхождения и разногласия, которые уже в конце 1858 г. привели к полному разрыву Герцена (и редакции «Колокола» в целом) с Чичериным, а в 1859 г. — к крупным расхождениям с Кавелиным. Эти расхождения

* «Колокола» тогда еще не было.

** В письме, написанном в конце 1856 или в начале 1857 г., М. П. Драгоманов ошибочно датировал это письмо августом 1857 г. См. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 3 и 8—9.

заставили Кавелина прибегнуть к весьма лицемерным маневрам. Их разоблачил Чичерин, сообщив Герцену в письме от 13/25 февраля 1859 г. следующее: «Мельгунов писал вам, что я — автор письма в первой книжке «Голосов из России». Об этом мы с вами поговорим при свидании. Надобно знать историю этого письма, чтоб извинить то, что могло показаться вам в нем оскорбительным. Теперь же скажу вам только одно: половину письма писал Кавелин, и я воздерживал слишком верноподданнические его излияния. Вот и судите!»* (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 42—43).

Приведенные данные позволяют заключить, что Мельгунов был в курсе весьма многих фактов и вопросов, касавшихся «Голосов из России», сам ближайшим образом

КНИГА Г. КЕНИГА «ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», НАПИСАННАЯ
ПРИ УЧАСТИИ Н. А. МЕЛЬГУНОВА, 1837 г.

Фронтиспис и титульный лист

участвовал в «Голосах», вел переговоры и переписку с Кавелиным, Погодиным и Чичериным и, выполняя обязанности, так сказать, представителя этой группы за границей, находился в сношениях с Герценом. Как видно из печатаемых писем, он, подобно Кавелину, был сторонником объединения с теми славянофилами, которые сочувствовали реформам, и вел об этом переговоры с И. С. Аксаковым — переговоры, которые практически ни к чему не привели (см. письмо № 21).

Мельгунов, кроме того, в начале 1858 г., когда известные рескрипты Александра II (от 20 ноября и 5 декабря 1857 г.) возбудили и усилили либеральное движение, постепенно превращая это движение в опору правительственной и помещичьей реакции, принял участие в одной из самых типических попыток либералов воздействовать на Герцена и призвать его к умеренности и к сотрудничеству с Александром II. Мы имеем в виду письмо к Герцену, опубликованное М. П. Драгомановым в качестве письма неизвестного («Вольное слово», 1883, № 58); Мельгунов отметил в конце этого письма, что он вполне солидаризируется с автором. Впоследствии это письмо по недосмотру М. К. Лемке случайно было приписано Мельгунову (IX, 243). Письмо это, печатаемое нами по автографу (в приложении), в действительности оказалось принадлежащим Кавелину.

* Упомянутое Чичериным письмо Мельгунова к Герцену неизвестно в печати. Нет его также и в «пражской коллекции».

В 1857—1858 гг. Мельгунов принимал также некоторое участие в «Колоколе» и в других изданиях лондонской типографии. Как видно из печатаемых писем, он сообщал Герцену сведения о литературно-общественной жизни в России, о крестьянском движении, о мерах, предпринимаемых правительством, о поведении помещиков-крепостников, о мнениях и настроениях различных кругов общества. Эти сведения, как ни были они случайны и отрывочны, имели все же, без сомнения, существенное значение для Герцена, потому что круг его корреспондентов, осведомленных о положении дел в России, был в это время весьма узок. В нескольких случаях удалось установить факты использования Герценом сообщений Мельгунова в «Колоколе». В других случаях, если и нельзя утверждать, что именно данные Мельгунова послужили Герцену или Огареву материалом для той или иной заметки, остается несомненным, что редакция использовала их косвенно, сопоставляя с материалами, полученными от других лиц или из печатных источников. Именно из-за узости круга сотрудников и корреспондентов «Колокола» Герцен вынужден был проверять и дополнять сообщения одного лица сведениями, получаемыми от другого. Письма Мельгунова содержат ответы на многие вопросы Герцена, поставленные им для того, чтобы проверить имеющиеся в его распоряжении материалы и пополнить их.

Многие письма Мельгунова содержат сведения о тех же фактах, о которых упоминается в письмах Тургенева или в переписке Герцена с Рейхель. Мельгунов, конечно, в меньшем количестве, чем И. С. Тургенев, но тоже доставлял Герцену интересовавшие редакцию сведения. Он был одним из первых корреспондентов Герцена в тот период, когда ни о каком «потоке писем» из России еще не могло быть и речи. Герцен умел, с проникательностью и талантом поистине исключительными, не только извлекать из сообщений своих корреспондентов все ценное, но и придать «Колоколу» с первых же листов характер органа, прочными узами связанного с родиной, с реальным движением, происходящим в самых разных областях русской действительности, — органа, выражающего мечты и нужды народа.

Материалы, опубликованные ранее, говорили о том, что Мельгунов выполнил несколько переводческих работ для «Колокола» и «Полярной звезды» (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 598—599). Однако в литературе до сих пор не указывалось, что какая-либо статья в «Колоколе» принадлежит непосредственно Мельгунову. Основываясь на косвенных данных, содержащихся в публикуемых письмах, мы предполагаем, что фельетон «Русские в Париже в 1858 г.» с подзаголовком «Сцены для комедии», напечатанный без подписи в «Колоколе» от 15 марта 1858 г. и занимавший почти целиком 11-й лист, написан Мельгуновым*.

* Основания для этого заключения следующие. В печатаемых письмах Мельгунов несколько раз упоминает статьи и корреспонденции, которые он готовит для «Русского вестника». Статьи эти фигурируют под разными названиями: «Заметки русского в Париже» (письмо от начала января 1857 г., см. № 8) или «Статьи о французах» (см. письмо от 1 сентября 1857 г., № 25). Ни одна из корреспонденций не была напечатана в «Русском вестнике». Как рассказывает Мельгунов, рукопись, отправленная им в начале лета 1857 г. в Москву, была потеряна редакцией, а другого экземпляра у него не осталось, так как писал он набело (см. письмо от 3 февраля 1858 г., № 28). Не навели ли злключения статьи автора на мысль поместить свои парижские впечатления в «Колоколе», редакцию которого могли заинтересовать, конечно, в первую очередь русские, а не французы? По содержанию и основной идее рассматриваемые «Сцены для комедии» вполне совпадают с мыслями, постоянно провозглашавшимися Мельгуновым. Так, например, там выведены двое молодых людей, «окончивших курс в Московском университете», — славянофил и западник. Оба олицетворяют излюбленную мысль Мельгунова о том, что в борьбе с крепостниками рознь и разногласия между «восточными» и «западными» должны быть отброшены и силы объединены. В этих же сценах выведен «полковник кавалерийской гвардии». Этот персонаж доказывает своим собеседникам, что полковые командиры обязаны своими «доходами» отнюдь не злоупотреблениям, а «благоразумным распоряжениям» — подобные же мнения подвергались критике в статье «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях» (Владимира Чичерина), привезенной Мельгуновым из России для «Голосов». Наконец, в фельетоне действует некий «господин Х., дворянин средней руки, путешествующий для удовольствия». Этот любитель веселого Парижа, переведший свои капиталы подальше от греха за границу, проявляет, главным образом, знание значных и увеселительных парижских заведений. Заканчивая сцены, автор выводит этого господина Х. на ули-

Сношения Мельгунова с Герценом продолжались и в 1860—1862 гг. Мы, однако, не располагаем письмами Мельгунова к Герцену или Огареву этого времени, кроме двух. Ниже печатается записка Мельгунова к Огареву от 19 марта 1860 г. и, повидимому, одно из последних писем Мельгунова к Герцену — от 17 апреля 1862 г. Оба эти письма относятся уже к тому времени, когда связь между редакцией «Колокола» и Мельгуновым ослабела и близилась к обрыву.

Расхождение Герцена и Огарева с Мельгуновым становится совершенно отчетливым в период революционной ситуации 1859—1861 гг. Как и все бывшие либеральные приятели и друзья Герцена, Мельгунов, с приближением революционного кризиса начала шестидесятых годов, отшатнулся от Герцена и затем перешел в лагерь его врагов: он примкнул к одному из самых ожесточенных противников Герцена, Чичерину, уже в самом начале 1860 г. В архиве Б. Н. Чичерина (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей) хранится неопубликованное письмо Мельгунова от 3/15 января 1860 г. из Гомбурга. Приведем строки, подтверждающие сказанное: «Молю журнального бога, чтоб ниспослал свою милость на „Наше время“, об издании которого с 15 января уже объявлено в газетах (...) Еще не знаю хорошенько, почему Кошелев прекращает „Русскую беседу“. Жаль. Видно подписчиков мало. И это в то время, как Александр Иванович (Герцен) открыто переходит на сторону славянофилов. Читали ли вы пять последних номеров за прошлый год? Там его большая статья. (Речь идет о статье Герцена „Русские немцы и немецкие русские“, напечатанной в „Колоколе“, лл. 53-54, 56, 57-58 и 59 за 1859 г.). Я счел нужным по старой дружбе отправить мотивированный протест. Они оба (т. е. Герцен и Огарев), отвечают мне, что вы — Гизо, я — Кузен, мы с вами — опасные доктринеры, и потому они моего протеста не напечатают. Я извинился в ошибке, считая „Колокол“ вечевым, а не церковным, теперь же вижу, что он созывает не на совещание, а на проповедь» (ЛБ, Чич. II, 28).

Враждебное отношение Мельгунова к «проповеди» Герцена и Огарева в дальнейшем усилилось. С середины 1860 г., вернувшись в Россию, Мельгунов сделался ревностным сотрудником «Нашего времени» и вместе с Павловым повел яростную борьбу против Герцена и Чернышевского, против «Колокола» и «Современника», против демократической молодежи. Нарастающему революционному подъему он пытался противопоставить идеологию разоружения перед силами крепостников.

В 1861 г. Мельгунов в своих статьях уже открыто поддерживал помещичью реакцию. 3 октября 1861 г. Герцен, возмущенный крепостническими выступлениями бывшего либерала, писал Огареву: «Отдай мне Варавву на пропятие, и не жалей. Подари мне его... Кого? Мельгунова. Его письма делаются плантаторской клеветой русского народа. Можно быть дураком, кривым, блудить (...), но — мужика не тронь (...) Я его в гроб (...), Демосфена, заколочу» (XI, 246).

В «Колоколе» от 1 ноября 1861 г. (л. 110, стр. 923) была напечатана заметка, направленная против «Шляхетных статей и писем в русских журналах». Автор заметки (вероятно, Огарев) резко выступал против крепостнических писем, в особенности против «Писем» Мельгунова, напечатанного в № 218 «С.-Петербургских ведомостей» — именно того письма, которое так возмутило Герцена.

Герцен не раз в эти месяцы поминает «глухие письма» Мельгунова в своей переписке (XI, 275, 276; XV, 128). Но статьи Мельгунова были выражением общественной реакции и требовали ответа в печати. Получив публикуемое ниже письмо Мельгунова от 17 апреля 1862 г., Герцен нашел в нем повод для выступления. Мельгунов взял на себя смелость заявить Герцену, что его деятельность больше не встречает сочувствия в Москве, что его радикализм читателям ненавистен, что от Герцена отвернулся

ду и заставляет прокричать во всеулышание кучеру адрес одного из таких заведений: «Эй, cocher! Rue Joubert, № 4». В письме Мельгунова, который тоже, кстати сказать, был весьма неравнодушен к парижским удовольствиям, упоминается тот же адрес: «Только в Rue Joubert, 4 ездят люди втихомолку» (см. письмо от 19 марта 1857 г., № 18).

Разумеется, ни одно из приведенных наблюдений в отдельности не может быть признано достаточным, бесспорно доказывающим принадлежность «Сцен» Мельгунову. Но в совокупности все эти совпадения подтверждают вероятность авторства Мельгунова.

«не один какой-либо кружок», а все, «исключая, разумеется, небольшой части молодежи» (см. письмо № 36). Герцен ответил на эти строки статьей «Москва нам не сочувствует», напечатанной в «Колоколе» в июне 1862 г., л. 135 (XV, 183—186); он заклеил отход бывших друзей Белинского, Грановского и своих от верований и надежд юности. В сентябре 1862 г. в письме к Н. М. Сатину он дал беспощадную характеристику «клеветов Чичерина», «приятелей Павлова», московских «абсолютистов» и среди них назвал Мельгунова (XV, 473).

Это был разрыв, такой же полный и окончательный, как разрыв с Кавелиным, происшедший в том же 1862 г. Мельгунов — подголосок Павлова и Чичерина, автор дюжины статей — для Герцена перестал существовать.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 92); одно письмо (№ 3) — по автографу ЛБ (Г.—О. X. 70).

1

16 апреля (1852 г.) Париж ¹

Напрасно думаешь ты, что любовь — признак старчества, а ненависть — молодости. Я так думаю наоборот. Кто умеет любить, как юноша? где братство — не фраза, не фикция, а коренной стиг души, как у нас, русских? Нет, «братец», показав нам, с какою силой ты умеешь любить и прощать, ты обнаружил перед понявшими тебя свою русскую, новую, юную натуру. Тут я склоняюсь перед тобою: на твоём месте у меня не хватило бы, может быть, столько любви. Вот отчего ты умеешь и ненавидеть. Западный человек показал в последние годы, что он неспособен и на это: вместо любви он знает лишь себялюбие, а потому — вместо ненависти лишь зависть. Зависть бессильна; себялюбие, не как исход, а как цель, тоже. Им не создат нового, в них нет творческой силы.

Эта радея — прелюдия к тому, что тебе менее, чем кому-либо, следует смеяться над справедливостью и нравственностью, когда они не силлогизм головы, а инстинкт сердца. Не «разум» диктовал мне последние письма; если я уличал тебя в противоречиях, то это потому, что ты сам выставлял вперед свою консеквентность*; если я обращался к твоей энергии идти вперед и до конца, наперекор вековым предрассудкам, то это потому, что ты обещал нам вооружиться русской силой². Я очень хорошо знаю, что разум — не все; но и ты должен также хорошо знать, что если жизнь иллогична, то она не должна быть *антилогична*. Я кричал тебе и опять кричу во все горло: будь тверд и последователен до конца! Вот и всё. Этого требует не справедливость и не нравственность, а честь твоего нового поведения, *l'intérêt bien entendu de ta cause***. Я сказал. Смешно требовать: следуй моему совету! Кто следует чьему бы ни было совету?.. Но мне, как и всякому, позволено высказать свое мнение, особенно когда дело идет о нравственной и материальной жизни человека, которого любишь. А там — делай с этим задушевым и твердым во мне голосом что и как знаешь! Мой припев останется все тот же: *soaggio, padre* ***! Ведь оно и кстати: через сколько-то лет ты будешь Пыньевым(?)

Еще одно слово: ты пишешь — перед ассизами³ сила не в оправдании, а в обвинении. Но спрашиваю тебя опять: да есть ли какая возможность, чтоб дошло до обвинения перед судом и, следовательно, до гласности? Для того, чтоб обвинение челобитчика могло быть сформулировано в обвинительном акте, нужно следствие. Думаешь ли, что так вот и примут первую клевету и посадят оклеветанного на лавку, не разобрав дела? Вы принимаете все эти угрозы *trop au sérieux* ****. Ты едва ли не готов

* последовательность (от лат. *consequentia*).

** правильно понятая суть твоего дела (франц.).

*** мужайся, отец! (итал.).

**** слишком всерьез (франц.).

видеть в Г(ервеге) мелодрамного злодея. А я, признаюсь, вижу в нем лишь бесхарактерного негодяя. Судя по письмам из Цюриха, он, как помешанный, не знает, с чего начать, что делать. Всю эту крупу в голове пускает он в глаза своей жене, она — вам, а вы завариваете из нее кашу! Не бурей негодованья, а штилем презрения следовало бы отвечать на все

Н. А. МЕЛЬГУНОВ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

эти сплетни, дразги и помои. Но авось утихнет бессильная злоба перед изголовьем больной! Твой журнал: «не лучше, хуже, и пр.⁴» — сильно потряс нас; ты сам, еще вчера весь энергия, сегодня словно ребенок. Ты неверишь, как это глубоко трогает! Была минута, что я раскаивался в своих письмах⁵. Не до них тебе! Не они тебе нужны. Но ведь надо же мне было высказаться. Прости мой эгоизм, полный любви! Крепко жму руку.

¹ О получении этого письма Герцен сообщил М. К. Рейхель 20 апреля 1852 г. (VII, 51).

² Публикуемое письмо посвящено семейной драме Герцена, его столкновению с Георгом Гервегом. Судя по ответу Мельгунова, Герцен в не дошедшем до нас письме выражал сожаление об ушедшей молодости — о том времени, когда он сумел бы дать своей ненависти прямой исход. Как видно из публикуемого письма, Мельгунов призывал Герцена не поддаваться вспышкам ненависти к Гервегу, «вооружиться

русской силой» и идти «наперекор вековым предрассудкам» (т. е. ревности, дуэли и т. п.).

³ *Ассизы* — суд присяжных. 2 апреля 1852 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Он <Гервег> дошел до того, что уж страшнее, чем бы вы думали — ассизами...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 324).

⁴ *Твой журнал...* — Мельгунов имеет в виду постоянно встречающиеся в письмах Герцена к М. К. Рейхель лаконические «бюллетени» о ходе предсмертной болезни жены, скончавшейся 2 мая 1852 г. (VII, 46—50 и др.).

⁵ Никаких других писем Мельгунова к Герцену за 1846—1855 гг. до нас не дошло. Настоящее письмо — единственное за все десятилетие. Отметим, что 15 апреля 1852 г. Герцен в письме к М. К. Рейхель напоминал Мельгунову о возможности перлюстрации. «Да скажите Мел(ьгунову), что я благодарю его за письмо; только как можно писать такими терминами? Сургуч — дело таковое» (VII, 49).

2

(Париж.) 9 октября (1856 г.)

Пишу к тебе несколько строк, потому что все еще не в <силах>* сладить с моим больным <глазом> *.

Спасибо тебе за предложение прислать твои брошюры и книги; но из всех тобою упомянутых, я не знаю только «Le vieux monde»; все остальное и еще многое другое читал я еще в России ¹. Единственную вещь, которую знал по одной только статье Ляво, прочел я на днях в подлиннике; я разумею «Тюрьма и ссылка» ². Вообще, с тех пор как я прозрел ³, я более чем когда-либо полон тобою. Я всегда любил и уважал тебя и как человека и как литератора. За что люблю — трудно анализировать; может быть, отчасти потому же, почему тебя любит Огарев: у нас обоих натуры несколько женственные. Но за что уважаю, в этом легко отдать отчет. Ты по преимуществу человек и литератор *искренний*, весь на <распаш>ку *, без малейшей лжи, не только в отношении к другим, но и в отношении к себе. А это такое качество, перед которым я просто преклоняю колена. И в России оно редкость, а здесь, во Франции, подавно. Странное дело! Мне противна до тошноты аффектация всякого рода, лицемерие и подавно; а между тем чувствую, что сам я, и как человек, и как писака, непрочь от фразерства; я подчас актерствую, умею притворяться, «объективироваться» в другом лице, быть не собой. Словом, ты часы в хрустальной оправе, стеклянный улей; а я запрятан в дерево, если и не со всех сторон, так, по крайней мере, с одной.

Как подвернулась эта исповедь под перо — право, не знаю; знаю только, что мне очень бы хотелось написать твою характеристику как писателя. Но где напечатать? У тебя? Скажут про тебя, что ты самохвал. В России? Посмотрим наперед, что будет с попыткой Погодина ⁴.

Скажи, сделай милость, рассказывал ли ты между своими приятелями, *кто* тебе привез hauts-losa ⁵? Знаешь ли, чего я побаиваюсь? Хоть Левон Двойной и разжалован в сенаторы, но место его все еще в чести. А сидеть в *чести* у Цепного моста или в *частн*и, Пресненской или другой, — дело, как ты знаешь, незавидное ⁶. Я уверен (хочешь пари?), что Ivan Golo-wine (j'aime mieux Golo-ça) **, воротясь в Россию, попадет в голубенькие; а ведь голубчик-то способен выдать всех и каждого. Он на это способен: из того, чтоб попасть в миленькие, или чтоб иметь право жить в столицах, или просто из денег, наконец даже из бабьего сплетничества ⁷.

Жду твоего Pinto и готов для него сделать все, что могу. Но зачем он едет? Не подымать Россию против папы? Смотри, как бы он какой-

* Край листа оборван: читается предположительно. — *Ред.*

** Шутка: «Иван Голо-вин (я предпочитаю — Голо-са)» (франц.).

нибудь неосторожностью не компрометировал меня и моих приятелей. Мне, право, не хочется дарить свои русские капиталы какому-нибудь капитулу. Отпиши мне об этом поскорее⁸.

М-mes Грановскую и Марью Федоровну не отыскал; единственный человек, который мог знать их адрес, — больной Щепкин⁹, говорит, что виделся с ними в Бадене, что они хотели пробыть трое суток в Париже и потом ехать на зиму в Рим. Не имеешь ли вести об них?

Что скажешь о циркуляре Горчакова и о статьях «Nord» из Берлина? Как отделали «Святой союз» и немецких абсолютистов!¹⁰ Что-то из этого выйдет!

Из чего завел Огарев такое кровопролитие?¹¹

Обнимаю вас всех.

¹ Предложение Герцена прислать брошюры свидетельствует о том, что с 1853 г., когда Мельгунов отправился в Россию, Герцен не вел с ним регулярной переписки и не знал, какие из его книг известны Мельгунову. «La Russie et le vieux monde» — французское издание книги Герцена «Старый мир и Россия (Письма к редактору „The English Republic“ В. Линтону)», вышедшее в 1854 г. (VIII, 27—57).

² Речь идет об отрывках из «Былого и дум» («Тюрьма и ссылка»), включенных, во французском переводе, в статью Делава (Мельгунов именует его *Ляво*) «Les années de prison et d'exil d'un écrivain russe» («Годы тюрьмы и ссылки русского писателя»). Статья была напечатана в «Revue des Deux Mondes», 1854, т. VII, номер от 1 сентября, стр. 857—899. Книга «Тюрьма и ссылка» вышла отдельным русским изданием в 1854 г. в Лондоне.

³ Повидимому, под «прозрением» Мельгунов подразумевает пробуждение в нем прямых политических интересов, если, конечно, Мельгунов употребил здесь это слово не в буквальном смысле (см. в начале письма о болезни глаз). В конце 1855 г. Мельгунов впервые выступил как автор статей на политические темы, распространявшихся в виде рукописей.

⁴ О намерении Мельгунова поместить в подцензурной печати характеристику Герцена как писателя см. в последующих письмах. Об аналогичной попытке М. П. Погодина других свидетельств не имеем.

⁵ Описания Мельгунова по поводу того, чтобы имя лица, доставившего Герцену «hauts-losas», т. е. «Голоса», не сделалось известным, свидетельствуют, что привезенный им за границу летом 1856 г. пакет содержал рукописи для очередного выпуска «Голосов из России». Среди этих рукописей была статья «Приятельский разговор», принадлежавшая самому Мельгунову (см. письмо № 4).

⁶ *Леон Двойной* — каламбур: Леонтий Дубельт. В середине 1856 г. Дубельт был освобожден от должности начальника III Отделения; при увольнении Дубельт сенатором назначен не был; в *части Пресненской* находился в 1834 г. под арестом Герцен; *у Цепного моста* помещалось III Отделение.

⁷ В августе 1856 г. эмигрант И. Г. Головин получил от царского правительства «прощение». Мельгунов опасался, что, возвратившись в Россию, Головин *попадет в долубенькие*, т. е. станет служить в III Отделении. Предоставленным ему правом возвратиться в Россию Головин, однако, не воспользовался (VIII, 342—344). Герцен в это время уже окончательно порвал с ним всякие связи.

⁸ Микель-Анжело *Пинто* (1818—1871) — итальянский писатель, историк и журналист, отправившийся в конце 1856 г. в Россию (VIII, 352). Герцен познакомился с ним в Риме в 1848 г. (V, 205—206). Пинто провел многие годы в России, читал в шестидесятых годах курс итальянской литературы в Петербургском университете (русск. изд. СПб., 1869), выступал с публичными лекциями. О лекциях Пинто упоминает Чернышевский в письме к Добролюбову от 27 апреля/9 мая 1861 г. (см. «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым (1855—1862)». М.—Л., 1925, стр. 91).

⁹ Мельгунов имеет в виду старшего сына М. С. Щепкина, Дмитрия Михайловича.

¹⁰ Полный текст циркуляра Горчакова русским послан за границей о мирной политике Россия (от 21 августа 1856 г.) был напечатан в № 271—272 «Nord» от 27—28 сентября 1856 г. Статьи «Nord» из Берлина — полемика берлинского корреспондента «Nord'a» с «Nouvelle gazette de Prusse», обвинявшей Россию в том, что ее внешняя политика враждебна интересам Европы. Возражая на статьи прусских абсолютистов, корреспондент «Nord'a» писал, что «Священный союз никогда не помогал России», что, напротив, Россия «выручала Европу во всех случаях возникновения революционных движений, чем и заслужила дурную славу», так как «все брала на себя» (см. «Nord», № 274 от 30 сентября 1856 г.).

¹¹ Повидимому речь идет о предположенной операции, которой Огарев подвергся позже — в октябре 1857 г.

(Париж.) 13 октября (1856 г.) Понедельник.

Трудную задачу задаешь ты мне! На первый случай вот мой ответ. Жаль, что ты мне прежде не написал всего этого: Погодин давно уехал отсюда и прямо домой¹. Он бы, думаю я, мог кое-что сделать для важного дела. Не найдется ли возможности написать к нему да еще кой к кому? Увижу. В одном я уверен: в бесполезности попыток насчет студента. Как же ты не подумал, что ведь принятие твоих предложений равняется экспатриации без малейшего обеспечения будущего? Пять фунтов в месяц — не весть какая сумма, особенно в Лондоне; но положим, что нашелся бы какой-нибудь голодный фанатик идеи, преследуемой тобою, — его фанатизм был бы до крайности близорук, если б он не подумал: «А что же после? Кто мне поручится, что Г(ерцен) или что его предприятие будет жить так же долго, как и я?» — Но все это дело второстепенное. Зачем именно русского? Слыхал ли ты, что в Петербурге лучшие наборщики — шведы, не знающие ни слова по-русски? Русские наборщики Гоголя помирали со смеху; надо таких, которые бы могли набрать свой собственный смертный приговор, а таких, как слышу, можно найти здесь, в Париже, например между польскими наборщиками. В эту минуту наводятся нужные справки об этом². Корректор — другое дело; но Чернецкий, говорят, может быть отличным корректором. К тому ж, небось, и ты сам просматриваешь.

Твоя аутократия в деле печатанья придет сама собою, как скоро будет из чего выбирать. Я уверен, что и присылка и распродажа пойдут теперь, как «россиньевские *crescendo*», и что твои издержки скоро покроются с избытком. При всем уважении к твоему авторскому самолюбию я полагаю, что «Голоса» выручат тебя скорее прочего³. Но так или иначе — ты прав: складчина необходима. Что касается до барина du Bas-Rhin⁴, на беду он не в состоянии ничего *даже* обещать (т. е. тысячи) прежде года или двух; но это не помешает обратиться к другим. Попробуем. Авось не удастся ли?

Скажи мне, был ли у тебя нынешним летом московский доктор, на руках которого умер Тимофей Николаевич?⁵ Я знаю, что он был в Англии, как и в прошлом году. Говорил ли ты ему, о чем пишешь ко мне? Дело в том, что он мог бы легко начать коллекту⁶. Мне пришлось бы обратиться к тем же лицам. От славянофилов не дождешься ничего: у них свои затеи. Есть ли возможность завести складочное место иначе, как в Англии, или много-много, как в Швейцарии? Уступка или покупка половины была бы делом иллюзуарным⁷. При первом требовании из России все экземпляры попали бы в печку. Я даже боюсь за те, которые у Франка. Разве, не попросить ли гр. Киселева (которого ждут на-днях) завести дело у себя?⁸

О возвращении Спешнева с братией я до сих пор не слыхал ничего⁹. Полагать надо, что простят тех, кто будет просить. Наводил я справки и о Бакуanine. Тоже еще ничего не знаю. Слышал прежде, что он сделался мистиком¹⁰. Николай Тургенев, говорят, не едет в Россию, а если и поедет, то в качестве французского подданного¹¹. Не съездить ли тебе в качестве гельветийца?

В то время как ты издал портрет Белинского, в России вышло новое издание Кольцова с полным именем Белинского во главе notice *¹². Хоть что-нибудь! Пожалуй, скоро можно будет говорить и об тебе.

Ты спрашиваешь, печатать ли интимную часть «Записок»?¹³ Как публика, я сказал бы: «Разумеется, печатать». Но вопрос о «приличии»

* статьи (франц.)

можешь ты один решить: почему бы нет? Большая часть твоих читателей или уже знает или догадывается en gros*, что ты мог бы сообщить теперь en détail**. Наконец, дело твоего личного такта — найти средину между романтической стыдливостью и личнической откровенностью. А в такте такого рода у тебя недостатка нет.

Прощай, обнимаю тебя.

¹ Погодин выехал из Парижа в конце сентября 1856 г. (см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, стр. 621).

Russlands Novellendichter.

Uebersetzungen von mit biographisch-kritischen Einleitungen

von

Dr. Wilhelm Wolfson.

Dritter Theil.

Alexander Herzen.

Leipzig:

B. H. Brockhaus.

1851.

НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «КТО ВИНОВАТ?» В ПЕРЕВОДЕ В. ВОЛЬФЗОНА, 1851 г.

Книга вышла в серии «Избранная библиотека иностранных классиков», выпускавшейся Брокгаузом в Лейпциге, и снабжена критико-библиографическим очерком Вольфсона о Герцене

Обложка и титульный лист

² В связи с расширением издательской деятельности Герцена, «Вольной русской типографии» понадобился новый наборщик. Повидимому, Герцен попросил Мельгунова посодействовать вызову из России какого-нибудь студента, который мог бы работать в типографии.

³ В действительности, «Голоса из России» и в малой степени не имели такого спроса, как издания произведений Герцена.

⁴ «*Barin du Bas-Rhin*» — «барин с нижнего Рейна» — каламбурное наименование Мельгунова; в Страсбурге, в центре Нижнерейнского департамента, находился дом принадлежавший «страсбургской жене» Мельгунова, француженке (см. VIII, 358)

⁵ Речь идет о докторе П. Л. Пикулине, лечившем Т. Н. Грановского. В 1855 г. он навещал Герцена в Лондоне (VIII, 228). Другими сведениями о пребывании Пикулина также в 1856 г. в Англии мы не располагаем.

⁶ Коллекта — сбор средств, складчина.

* в общих чертах (франц.).

** в подробностях (франц.).

⁷ Очевидно, Мельгунов пишет здесь о тех условиях, на которых Трюбнер брался распространять издания русской типографии; узнал о них Мельгунов, повидимому, от Герцена. Книгопродавцам вне Англии и Швейцарии предоставлялась уступка в 30—35% в том случае, если они приобретали книги в кредит, и до 50% — при оплате наличными.

⁸ Шутка: гр. П. Д. Киселев с 1856 г. был послом России во Франции.

⁹ Один из виднейших участников движения петрашевцев, Н. А. Спешнев (1821—1882), по амнистии 26 августа 1856 г. был освобожден (как и другие петрашевцы) от каторги и выпущен на поселение. Герцен долго не мог получить о нем точных сведений. 8 января 1857 г. он еще не знал, попал ли Спешнев под амнистию (VIII, 387). Только летом 1857 г. Герцену стало известно, что Спешнев «прощен» (VIII, 519).

¹⁰ 8 сентября 1856 г. Герцен сообщил М. Мейзенбуг: «Бакунин(...) написал письмо, чтобы опровергнуть, будто он стал христианином» (VIII, 331).

¹¹ После амнистии, в 1857 г., декабрист Н. И. Тургенев приезжал ненадолго в Россию и вскоре возвратился за границу. Умер он близ Парижа, в 1871 г.

¹² «Стихотворения Кольцова, с портретом автора, его факсимиле и статью о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским», выпущенные К. Солдатенковым и Н. Щепкиным в 1856 г. В том же году Герцен приложил портрет Белинского ко 2-й книге «Полярной звезды».

¹³ Речь идет о «пятой части» «Былого и дум», которая при жизни Герцена напечатана не была.

4

10 ноября (1856 г.), Париж

Что твоя нога, прыгун? Ох, молодость, молодость! Когда ты перестанешь ветренничать?

Весть о твоём *salto mortale* * сообщил мне г. Пинто, за которого благодарю тебя. Это человек очень интересный. Он едет недели через три отсюда; я ему советую дожидаться санного пути. Между тем я знакоблю его с Россией и с русскими. Вчера он обедал у меня с Иваном Тургеневым, который тоже даст ему письма¹. Я, с своей стороны, даю ему писульки к Кавелину, к Титову и пр. В Москву пока незачем, потому что он туда не едет. Титов, между прочим, может ему быть полезен. Ты, вероятно, знаешь, что он назначен наставником моего тезки — Николая Александровича². Как знать, может быть Пинто попадет ко двору в качестве профессора итальянской литературы, консерватора музея и т. д. Он везет с собой большую коллекцию антиков, *objets d'art* **, и пр. Словом, мы об нем хлопочем.

Спасибо за вторую книжку «Голосов». Она здесь очень нравится, даже, как слышу, русскому священнику. Он недавно сказал: «Я думал, что эта типография кончится вздором, но теперь вижу, что из нее будет прок». Обе книжки ему понутру, за исключением двух статей: письма к тебе и «Кто гости?»³. Поп находит их придирчивыми. Во второй книжке всего более нравится всем статья о крепостном праве⁴. Я, с своей стороны, буду тоже придирчив и спрошу: 1) Зачем ты не напечатал во главе «Приятельского разговора» сообщенного тебе эпитафия? Он характеристичен⁵. 2) К чему заключение по поводу «Nord», «Neue Preussische Zeitung» и пр.? Кто не знает у нас, что это за журналы? Стало, «радикальные» было употреблено иронически⁶. 3) Во второй книжке больше опечаток, чем в первой. Некоторые искажают смысл.

Скоро ли выйдет третий номер?⁷ Что поместится в нем? А «Звезда»? В ней ли ты напечатаешь «Утро в уголовной палате»?⁸

Ты, верно, уже получил письмо Ляво⁹, бывшего два раза у Мишле. Его книги (т. е. Мишле) нам известны в России, но говорить об них в журналах едва ли можно¹⁰. Знаешь ли ты, что Грановский умер, читая «Renaissance»? Ему как историку Мишле как историк не нравился, хотя он и отдавал полную справедливость его таланту.

* опасном прыжке (итал.).

** произведений искусства (франц.).

Николай Тургенев вовсе не едет в Россию; да и что ему там делать? ¹¹ Но ты — другое дело; ступай консулом или посланником Невшательского кантона ¹².

Знаешь ли, что, может быть, весной или в начале лета мы с Иваном Тургеневым явимся в Лондон? А между тем, не явившись ли ты сюда? Или, по крайней мере, в Швейцарию через Сардинию? На что ж, в самом деле, похоже, что тебе нельзя вон из Англии? Попробуй-ка написать письмо к графу Киселеву: что у меня, мол, дела, и дом, и капиталы в Париже, что за меня, мол, может поручиться Ротшильд и т. д. Киселев человек либеральный; как знать, может и даст *visa* ¹³.

Суг се * у меня глаз заломило, и я кончаю, обнимая вас всех.

Рейхели еще не приехали ¹⁴.

¹ О встрече с Пинто у Мельгунова И. С. Тургенев в тот же день писал Герцену (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 91). См. также выше примеч. 8 к письму № 2.

² Владимир Павлович *Титов* (1807—1891) — давний друг Мельгунова, археолог и дипломат, впоследствии посол в Константинополе и член Государственного совета. В начале 1857 г. Александр II назначил Титова наставником наследника; в качестве преподавателей Титов пригласил К. Д. Кавелина, И. К. Бабста и Б. Н. Чичерина.

³ *Письмо к тебе* — это напечатанное в первой книжке «Голосов из России» («Письмо к издателю» К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, подписанное «Русский либерал». Подробнее о нем см. во вступительной статье к настоящей публикации. Автор упоминаемой здесь же статьи «Кто гости?» — неизвестен.

⁴ Статья «О крепостном праве» принадлежала Б. Н. Чичерину.

⁵ Указание Мельгунова на то, что Герцен опустил эпитафию, печатая «Приятельский разговор» во втором выпуске «Голосов из России», и другие сделанные Мельгуновым мелкие замечания, косвенно подтверждают сообщение Б. Н. Чичерина о том, что статья «Приятельский разговор» была написана Мельгуновым (см. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1929, стр. 171).

⁶ В статье «Приятельский разговор» газеты «Le Nord», «Neue Preussische Zeitung» и «Indépendance Belge» были названы радикальными, причем из контекста никак нельзя было заключить, что слово употреблено автором в ироническом смысле. Герцен сделал к этому месту примечание: «Автор ошибается; все эти три газеты издаются под влиянием русской полиции». Примечание подписано: «И...». (Во 2-м изд., 1858 г. подписи «Изд.»).

⁷ Третий выпуск «Голосов» вышел лишь в июне 1857 г. Мельгунов интересовался временем выхода третьего выпуска, в частности, потому, что статья его «Россия в войне и мире» должна была быть там помещена. Однако она была напечатана не в третьей, а в четвертой книжке.

⁸ «Утро в уголовной палате» — известные «судебные сцены» И. С. Аксакова: «Присутственный день уголовной палаты», напечатанные в «Полярной звезде» на 1858 год, стр. 3—100, с кратким предисловием Герцена.

⁹ Письмо переводчика *Делаво* к Герцену в печати неизвестно. Повидимому, оно касалось перевода «Былого и дум» на французский язык. См. об этом в дальнейших письмах. См. также VIII, 380.

¹⁰ Мельгунов, повидимому, отвечает на вопрос Герцена (содержавшийся в не дошедшем до нас письме) — известны ли в России произведения Мишле, в частности — книга «Renaissance», которой Герцен посвятил в первой книжке «Полярной звезды» рецензию.

¹¹ О Н. И. Тургеневе см. примеч. 11 к письму № 3.

¹² Мельгунов шутивно советовал Герцену воспользоваться для поездки в Россию своим швейцарским гражданством (в 1853 г. Герцен натурализовался в кантоне Фрибург).

¹³ Разумеется, совет обратиться к П. Д. Киселеву не имел под собой никакой реальной почвы; да и Герцен не стал бы обращаться с просьбой к царскому послу.

¹⁴ М. К. Рейхель возвратилась с семьей в Париж в конце ноября 1856 г.

... ** в чем не виноват. Он все это время был в Италии; там, от нечего делать, написал книжку о наполеоновских походах и, как видно, имел только неосторожность переслать свою рукопись отцу. Это молодой чело-

* На этом (франц.).

** Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

век, чрезвычайно скромный, приветливый и, судя по многому, вовсе не сервильный. Довольно того, что он в восхищении от твоих Записок. Нельзя ли его как-нибудь выгородить? Надо наперед исподволь порасспросить его. Он весь изранен и изуродован ¹.

Я был в том уверен, что разбор манифеста не тобою писан. *Ex ungue leonem* *, а тут когтей-то и не видать. Но все-таки хорошо, и спасибо. Жаль только, что несколько длинновато, растянуто и что написано не совсем чистым языком. Последнее обстоятельство почти лишает его права критиковать манифест литературно. Прости за откровенность. Кто бы мог быть этот парижанин? Тургенев думает, что это Николай Платонович и ты вместе, а я так думаю, что нет. Или Николай Платонович очень спешил и не успел отделать слог? ²

Заранее спасибо за поэмы Огарева³. Тургенев особенно хвалил одну из них. Жажду прочесть. Только, пожалуйста, пересылай вперед все через Ляво: у меня есть причины просить об этом.

Любопытно мне знать, как и за что ты матюгнул славянофилов? Нельзя ли тебе поместить это письмо в «*Le Nord*» ⁴. Тогда б и они отвечали, и завелся бы спор доскональный. А то, пожалуй, они будут пенять на тебя за нападки в журнале, в котором им нельзя поместить открытого ответа.

Как ты думаешь, можно тебе будет прислать ко мне, но *тотчас*, педулку к Ротшильду в получении двух тысяч франков на несколько дней? Вот в чем сила: я меблировался здесь и дал *un billet à ordre* ** к концу этого месяца. Вот уже шесть недель тому, как я послал в Россию доверенность в получении денег, которые готовы и ждут (более пяти тысяч рублей серебром), но бог знает почему еще не высылаются {...} ⁵

Рейхелей ждут сюда на днях. Пора им поспешить, ибо теперь много русских дам, которые запасаются на зиму учителями музыки.

Третьего дня приехал Убри⁶. Он, наверно, завербует себя в «*Nord*». *Gare au lecteur!* ***

Последняя просьба: если откажешь помочь (ты знаешь, что *billets à ordre* неумолимы), то да будет твое молчание служить ответом. Выговора я не заслуживаю, ибо ты знаешь, как все идет в России: ни в чем строгой точности и определенности.

Твой Н. М.

¹ Речь идет о Н. А. Орлове (1827—1885) — сыне А. Ф. Орлова, тяжело раненном при осаде Силистрии 16—17 сентября 1854 г. Орлов полтора года лечился в Италии и за это время написал исторический «Очерк трехнедельного похода Наполеона I против Пруссии в 1806 г.». Каким образом и в чем мог Герцен «выгородить» Орлова — объяснить не можем. Есть, однако, основание предполагать, что Орлов был в Лондоне и виделся с Герценом; одно из писем Герцена содержит упоминание о посетившем его тяжело раненном офицере (VIII, 548)—возможно, что Герцен имеет в виду именно Н. А. Орлова. Впоследствии Орлов был видным дипломатом, послом в Бельгии и других странах Европы. В переписке Герцена есть упоминание о визите к нему посланника Орлова в июле 1860 г. (X, 364). См. ниже, примеч. 3 к письму № 14.

² «Разбор манифеста 26 августа 1856 г.», написанный Огаревым, был 10 ноября 1856 г. в гранках отправлен Герценом И. С. Тургеневу и Мельгунову (VIII, 355). Желая скрыть участие Огарева в изданиях Вольной русской типографии и самый факт его приезда в Лондон, Герцен, готовя рукопись к печати, в конце приписал: «Париж, 15 октября 1856 г.». Отсюда вопрос Мельгунова: «Кто бы мог быть этот парижанин?»

³ О поэмах Огарева «Ночь» и «Господин», напечатанных в третьей книге «Полярной звезды», см. в следующих письмах.

⁴ Речь идет о «писеме к И. С. Тургеневу» — статье Герцена «Еще вариация на старую тему», напечатанной в той же книге «Полярной звезды» (см. VIII, 354).

⁵ Далее нами опущены подробности о денежных затруднениях Мельгунова.

⁶ Павел Петрович Убри (1820—1904) — с 1848 г. секретарь, затем советник посольства в Вене. В 1856 г. назначен первым советником посольства в Париже.

* По когтям узнают льва (лат.).

** простой вексель (франц.).

*** Берегись, читатель! (франц.).

(Париж.) 1 декабря (1856 г.)

Господин «друзья
Господина Огарева»¹,
Призванный в князя
Вольного родного слова!

Здравствуй. — Из этих виршей ты видишь, что я читал перифразу твоих записок, составленную Чернышевским². Чудеса совершаются на Руси! Скоро будут печатать: «друзья г. Герцена». Читал ли ты «Двухаршинный нос» Даля³ и особенно речь Бабста?⁴

Говоря о Поггенполе, о каком *поле* упоминает друг Искандера? Не о Девичьем ли? Там живет Погодин⁵. Вы, господа, погодите еще шутить над «Nord». Из него, может, и выйдет что-нибудь. Тургенев пока отказался от сотрудничества; я, вероятно, обожду тоже. Но швейцарский гражданин — это другое дело. Ему бояться нечего. Скорее Погену бояться его⁶.

Щедрин — это Салтыков, посланный еще, кажется, при тебе за повесть в «Отечественных записках»⁷.

Тургенев хотел писать к тебе сегодня. Твое письмо он давно получил. Ему, кажется, совестно перед тобой, что до сих пор не мог выслать денег за ружье. Он, бедный, сидит, как и я, без денег, потому что ему, как и мне, не высылают из России.

Спасибо, спасибо за дружбу! Все выполню, как пишешь. Первые две тысячи надеюсь уплатить в этом месяце; про остальные две напишу положительней в следующем письме, потому что думаю через неделю, много через две, узнать обстоятельно о ходе моих дел. В полученной третьего дни депеше из Москвы (на мой запрос Павлову и на его ответ потребовалось семнадцать часов; каково!) Николай Филиппович говорит: «5000 fr. высланы, 4000 вышлются сегодня. Les affaires vont bien»*. Но надо дожидаться письма.

У Шомбурга был сам, получил под расписку 2000 fr. и расспросил об Америке. Шомбург находит, что твои опасения совершенно напрасны и что тебе *не следует* перемещать своих денег. «Можно еще было опасаться чего-нибудь до выборов президента, но *теперь* можно быть спокойным по крайней мере на четыре года». Я бы к этому прибавил: тем паче, что через выбор Буканана⁸ восторжествовала партия, ставящая «Союз» выше всего и, в сущности, самая миролюбивая. Шомбург прибавил: «Конечно, есть помещения более выгодные, например, акции железных дорог, и пр. Но зато далеко не столь надежные. Мой совет: пусть г. Герцен оставляет свои капиталы там, где они *теперь*».

Я обещал передать тебе его слова, и потому он к тебе писать не будет. Но коли хочешь прямого ответа, то извести: я ему передам твоё желание.

Мне что-то нездоровится, и я кончаю при крепком рукожатии.

Твой Н. М.

¹ Мельгунов имеет в виду выражение «друзья г-на Огарева», употребленное Чернышевским вместо имени Герцена в шестой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы», с целью обойти запрещение упоминать о Герцене в печати («Современник», 1856, № 9).

² Разумеется, Мельгунов не имел оснований называть «Очерки» Чернышевского «перифразой» «Былого и дум». Чернышевский при анализе и изложении истории общественно-литературной борьбы тридцатых и сороковых годов использовал «Былое и думы» Герцена, но изучал он этот период и по другим источникам, главным образом, по статьям Белинского. 30 ноября 1856 г., еще до того, как настоящее письмо было написано, Герцен, имея в виду статью Чернышевского, сообщал М. К. Рейхель: «В „Современнике“ говорят обо мне и о Белинском, называют меня: автор „Кто виноват?“» (VIII, 359).

* Дела идут хорошо (франц.).

³ Рассказ В. И. Даля «Двухаршинный нос» из цикла «Картины из русского быта» напечатан в «Современнике», 1856, № 9, стр. 30—39.

⁴ Речь И. К. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», произнесенная в июне 1856 г. в Казанском университете, была изложена в нескольких журналах, в том числе в «Русском вестнике» (август, кн. первая. «Современная летопись», стр. 141—151). См. ее изложение в рецензии Чернышевского, помещенной в № 8 «Современника», 1856 (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, стр. 552—559).

⁵ Здесь Мельгунов имеет в виду эпиграмму Огарева на Н. П. Поггенполя, издателя и редактора русского заграничного офицiosa «Nord»:

В Норде сквозь все тонкости
Языка французского
Так вот так и чувствуешь
Погань поля русского...

Мельгунов, очевидно, предположил, что в эпиграмме содержится намек на М. П. Погодина, жившего в Москве на Девичьем поле. Погодин дал согласие участвовать в газете Поггенполя.

⁶ Повторные советы Мельгунова «швейцарскому гражданину», т. е. Герцену, принять участие в «Nord'e» вызвали следующие строки Герцена в письме его к И. С. Тургеневу от 3 декабря 1856 г.: «Мел(ьгунов) писал насчет Поггенполя; я с тех пор читал всякий номер „Le Nord“. Скажи Мел(ьгунову), чтоб он отсоветовал Пог(генполю) предлагать мне участие: я ему напишу в ответ дерзкое письмо. Это — самый подлейший орган и с каждым № хуже и хуже...» (VIII, 362).

⁷ Очевидно, в не дошедшем до нас письме Герцен спрашивал Мельгунова, кто такой «Н. Щедрин». Это имя незадолго до того появилось в литературе: так были подписаны «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова. Печatanье очерков началось в 1856 г., в августовской книжке «Русского вестника». Преследованиям, которые имеет в виду Мельгунов, Салтыков подвергся из-за повести «Запутанное дело», опубликованной в мартовской книжке «Отечественных записок» в 1848 г. В ссылку М. Е. Салтыков был отправлен 28 апреля 1848 г., т. е. более чем через год после съезда Герцена за границу.

⁸ Американский президент Вьюкенен (в тогдашнем русском начертании Букаван) был избран 4 ноября 1856 г.

7

19 декабря (1856 г.) Париж

Спасибо за друзей

Того же Огарева,

и на этот раз не в единственном, а в двойственном числе. Полагаю, что гг. Грибовский и Кашперов¹ приехали сюда довольно давно, но у меня были только вчера. Г-н Кашперов, едуший сегодня в Берлин, не только по части генерал- (не адъютанта, а) баса, но и по части контр- (не адмирала, а) пункта. А этот пункт мне еще более по сердцу, чем генерал, потому что я, en général *, в контре с генералами, хотя бы даже музыкальными, как, например, г-н Львов².

Итак, спасибо за новое знакомство, любезные друзья притемзские. Вы мне прислали еще что-то, да только не знаю — что, потому что все книги отобраны на таможне — как бы вы думали, для чего? — чтоб рассмотреть, нет ли переводов с французского!

Стихотворения Огарева я получил, а равно и Тургенев. Много раз спасибо! Мне «Ночь» чрезвычайно нравится³. Г-н Грибовский сказывал, что есть еще одна вещь — чудо и прелесть! Скоро ль она дойдет до нас?

Кто бы могли быть эти русские анонимы?⁴ Откуда письма — из России или из Парижа? Разумеют ли они резкими и дерзкими даже «Голоса»? Уж опять не князь ли П. А. Вяземский писал эти письма? Ведь ты знаешь, что ему приписывают письмо из Парижа, напечатанное тобой в первой книжке «Звезды», с твоим великолепным ответом⁵. Что бы тебе напечатать «Русский бог» с его именем?⁶

Да, г. Поггенполь до сих пор Погген-пфуй. Я стал было его считать Императорским Российским Либералом, как ты своих безыменных кор-

* вообще (франц.).

респондентов, а теперь начинаю думать, что это просто Императорский Российский Шут⁷. Мне всего досадней то, что, вследствие его разглажений, я подписался на «Nord» и заплатил двадцать один франк! Ляво уверяет, что изменение журнала начнется с будущего года, ибо Поггенполь не скупил еще всех акций и потому еще не мог сменить редактора-бельгийца, пишущего патриотические статьи о русской политике. Посмотрим, авось доживем до нового года.

Знаю одно: что Поггенполь обращался даже к Сазонову⁸, а у меня спрашивал, не согласусь ли написать статью об тебе! Но потом спохватился и сказал: да не рано ли еще писать о г. Герцене? — Отсюда он повез «Голоса» и собирался отдать об них отчет⁹. Словом, черт знает, что это за человек. Ему хочется угодить и богу, и черту, а потому он и вышел ни богу свеча, ни черту кочерга. Писал ли я тебе, что он еще затевает? Cabinet de lecture* с русскими журналами и книгами и русский ресторан с гарсонами-бородачами в красных рубахах. После этого как же не называть его шутом?

Слышали ль вы, что чуть было не запретили «Современник»? Собрание стихотворений Некрасова произвело фурор. Это бы и ничего, да вот беда: Панаев перепечатал из него «Поэт и гражданин» и обставил какими-то неловкими фразами, так что стихотворение бросилось в глаза¹⁰. Вследствие этого Панаеву страшно вымыли голову и пригрозили запрещением журнала, а цензора Бекетова сменили (одни говорят—лишили места, а другие — только отняли у него «Современник»). Достоверно то, что цензором у «Современника» теперь Лажечников, романист, человек, говорят, трусливый и осторожный. Где же после того думать о перепечатанье твоих прежних статей?¹¹ До сих пор не добьются позволения перепечатать даже «Записки охотника»!

Нельзя ли при случае порассказать, что такое г. Грибовский, остающийся здесь?

¹ П. М. Грибовский и В. Н. Кашперов — друзья Огарева по Симбирску, где они облизались в начале пятидесятых годов (см. о них на стр. 149—158 настоящего тома, а также в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой. Л., 1929, стр. 142; здесь по ошибке Грибовский назван Бутковским). Сведения о Грибовском очень скудны. Герцен и Огарев рекомендовали Кашперова и Грибовского Тургеневу и Мельгунову (VIII, 372).

² А. Ф. Львов — директор придворной певческой капеллы, автор музыки к гимну «Боже, царя храни».

³ Мельгунов имеет в виду корректурные листы «Полярной звезды на 1857 год». В этой книжке печатались (без подписи) поэмы Огарева «Ночь» и «Господин» и несколько циклов его стихотворений. По мере того как набор поступал из типографии, Герцен частями отправлял корректуру в Париж Тургеневу и Мельгунову (см. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», цит. изд., стр. 93—94).

⁴ Герцен писал И. С. Тургеневу 16 декабря 1856 г.: «Мне какие-то русские пишут толстые анонимные письма, но зато очень глупые. Все это — воззрения осиплых „Голосов“ 1-го либрэзона» (VIII, 372).

⁵ О письме анонима и об ответе Герцена, напечатанных в «Полярной звезде на 1855 год», см. VIII, 217—220. Сведения о том, будто автором анонимного письма был П. А. Вяземский, ранее в литературе не встречались; принадлежность этого письма Вяземскому представляется нам маловероятной.

⁶ Стихотворение Вяземского «Русский бог» Герцен получил еще в 1854 г. от неизвестного (VIII, 94) и в том же году отпечатал и выпустил его в виде листовки. В «Полярной звезде на 1856 год» Герцен перепечатал стихотворение Вяземского, но без подписи.

⁷ Очевидно, Герцен подчеркнул (в не дошедшем до нас письме), что анонимы, пишущие ему (см. примеч. 4), являются, на английский манер, «оппозицией его величества», т. е. «российскими императорскими либералами».

О разнообразных попытках Н. П. Поггенполя придать официозу, который он редактировал, видимость либерального «органа русского народа» см. VIII, 363 и след. О всевозможных рекламных трюках, на которые пускался Поггенполь, см. там же, стр. 370—371.

* Читальню (франц.).

БАРИКАТУРА НА РУССКУЮ
ОФИЦИОЗНУЮ ГАЗЕТУ
«LE NORD»

Рисунок Н. А. Степанова
«Искра» №28 от 24 июля 1859 г.

Проважай. Что это у тебя в руке, мой друг?
Можно жь. Велюosity Нортъ, битьюся. Какъ же, вѣдь и
насъ приглашали подписываться.

Проважай (бурному продолжаму). Что ты на это скажешь,
а? Небось замолчала. Ахъ вы крикуны! Тула же надо распро-
странять грантозность! А ты укажи мнѣ, гдѣ простой народъ
читаетъ иностранные журналы? — Нѣтъ, братъ, далеко еще до
насъ всѣмъ явнымъ иностранцамъ.

⁸ Об участии Н. И. Сазонова в брюссельском издании Поггенполя ничего не известно (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 185—186 и стр. 522—545 наст. тома).

⁹ «Отчет» о «Голосах из России» на страницах «Nord'a» в 1857 г. не появился.

¹⁰ После отъезда Некрасова за границу в 1856 г. в «Современнике» было перепечатано стихотворение «Поэт и гражданин». Осуществил эту перепечатку не И. И. Панаев, а Чернышевский. См. об этом эпизоде: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 751—753.

¹¹ Очевидно, в одном из не дошедших до нас писем, Герцен высказывал сообщения о возможности переиздать в России свои произведения, появившиеся в сороковых годах.

8

(Париж. Начало января 1857 г.)¹

... * За присылку твоих «Записок» спасибо. Напишу, когда прочту. Кстати: я пишу в эту минуту «Заметки русского в Париже» для «Русского вестника»². Говоря о парижанах, я, разумеется, не могу умолчать о bourgeois и при этом случае позволяю себе длинную выписку из превосходной характеристики Европы и мещанства во второй книжке «Звезды», стр. 203—206³. Затем, я прошу извинения в этой длинной выписке — «не у читателей, которые меня за нее поблагодарят, но у автора, без сомнения одного из самых замечательных наших писателей». Что-то в этом роде, не помню собственных слов. Как ты думаешь, позволишь послать выписку? Потому что прежде, нежели извиняться перед тобой печатно, я должен испросить у тебя позволения письменно. У меня тут двойной умысел: сообщить большинству нашей публики вещь, замечательную и по

* Начало письма не сохранилось.

верной мысли, и по мастерскому изложению, а сверх того — посмотреть, что скажет цензура. Ты, кажется, получаешь «Русский вестник». Итак, если ты разрешишь отправить, то загляни месяца через два в московский журнал — оставит ли цензура мою фразу об тебе или вычеркнет?

Аль ты опять просился проехать через Францию в Швейцарию? ⁴ Или тебе хотелось стать в ряды швейцарских застрельщиков? Разве тебе мало быть русским заневадой? Приятно, конечно, подстрелить какого-нибудь тараканского офицера (нет отвратительнее тварей, как прусские офицеры. Хуже даже австрийских). Но надо подумать и о России: ведь ты наш язык, наш вечевой колокол.

Читал я и предисловие ко второму изданию «Крещеной собственности» ⁵ и «Оба лучше». Что тебе сказать? Оба лучше, оба очень хороши. Я ведь даже и за «Крещеную собственность» стою, которая многим не нравится в России (т. е. эмансипаторам), а мне так нравится. Нельзя же требовать *Gründlichkeit* * от брошюры. «Она не исчерпывает предмета!» — положим; да зато она его сильно расшевеливает. Уж одно заключение — прелесть! Знаешь ли, что Базилевский здесь? ⁶ Я на днях рассказал всю его историю одному из его поставщиков и заключил словами: «Держите с ним ухо востро: как раз обчитает».

Уж совсем не к стати: ты, пожалуйста, не думай, чтоб я хотел обчитать тебя, потому что до сих пор еще не уплатил даже и две тысячи. Все жду большой суммы, которая *должна* придти из России и не приходит *за поволодыми*! Знаешь ли, что в декабре их было два у нас?

При этом случае извещаю тебя, что ни Марья Каспаровна, ни ее сожитель решительно ничего не знают о том, что я все эти четыре тысячи франков и проценты должен отдать им. Сделай милость, напиши или им, или мне, *кому* я должен вручить означенные деньги, как скоро будет возможность. Рейхели ждут твоего решения, хотя и удивляются, из чего им получать от тебя деньги. Не на расходы ли какие? Рассей их недоумение.

Теперь рассей и мое, даже больше, чем недоумение. Грибовский (славный молодой человек!) сказывал мне, что Огарев нетерпеливо хочет, чтоб его резали, вопреки совету врача, и пр., и что в эту минуту он, может быть, под ножом оператора ⁷. Неужто в самом деле? Что бы ему — 1-е: подождать до весны, 2-е: приехать сюда? Французы — первые операторы в мире; а хоть ваш тамошний доктор и француз ⁸, но у него, слышу, даже и инструментов-то нет! Так какой же у него навык? Право, лучше б Огареву приехать сюда. Тебе нельзя... ну что ж? А я-то на что? Разве не гожусь присмотреть? Обнимаю вас, друзья.

¹ Письмо датируется на следующих основаниях: в тексте упомянуты «Записки», т. е. «Былое и думы», которые были получены Тургеневым около 13 января 1857 г., а также статья Герцена «Оба лучше», посланная М. К. Рейхель 30 декабря 1856 г.

² Упоминания о статьях «Заметки русского в Париже» встречаются во многих последующих письмах (см. №№ 10, 11, 12, 15, 18, 20, 25, 28). Статьи эти предназначались для «Русского вестника». Первая статья была отправлена в Москву в начале лета 1857 г., но, по словам Мельгунова, затеряна редакцией (см. письмо № 28). Ни эта, ни последующие его статьи в «Русском вестнике» напечатаны не были; при просмотре годовых комплектов журнала за 1857 и 1858 гг. никаких следов участия Мельгунова обнаружить не удалось. В августе 1857 г. А. А. Краевский условился с Мельгуновым о его сотрудничестве в «Отечественных записках» (см. письмо № 25); однако осуществилось оно только в 1859 г. В числе других статей Мельгунова в «Отечественных записках» в сентябре—ноябре 1859 г. были напечатаны три статьи, под общим названием «Заметки русского в Париже».

³ Мельгунов имеет в виду «Примечание» к «Западным арабескам». Впоследствии это примечание в виде «Post scriptum'a» было включено в «Былое и думы» и печатается при пятой части. См. выше, на стр. 314.

⁴ Герцен в начале октября 1856 г. просил Большой совет Швейцарии помочь ему получить разрешение на проезд через Францию (VIII, 343). Вскоре Большой совет

* основательности (нем.).

уведомил Герцена о полной бесплодности ходатайств перед Валуевским, министром иностранных дел Франции (VIII, 267). Отношения между Швейцарией и Францией, в это время были крайне напряжены.

⁶ Второе издание «Крещеной собственности» вышло из печати 16 декабря 1856 г. (XXII, 283) и было отправлено Герценом в Париж Тургеневу, Рейхель и Мельгуну (VIII, 372—373).

⁶ Подробный рассказ Герцена о камергере двора, помещике П. А. Базилевском, высеченном в 1849 г. собственными дворовыми, содержится в заключительной части «Крещеной собственности» (VII, 282—284). Герцен и впоследствии неоднократно упоминал об этом эпизоде в своих статьях и письмах.

⁷ Об операции, предстоявшей Огареву, см. также в письме № 2.

⁸ Речь идет о домашнем враче Герцена, французе Девиле.

9

1/13 января (1857 г.). Париж

Только сейчас, считая по пальцам числа, заметил я, что сегодня русский новый год. Ты, дружище, поздравляешь меня с западным, а я тебя с восточным. Дай бог-отец, бог-сын, бог-дух святой провести нам всем наступающий год так же бело и чисто, как этот лист бумаги, прежде чем я начал по нем пачкать. А! ты думал, что я вечно буду писать на жандармской бумаге, привезенной мною из России? ¹ Ан нет, тебе назло пишу теперь на кавалергардской, на доминиканской, на лекордеровской... чуть-чуть не на архиерейской.

Знаешь ли, почему я давно не писал тебе? Признаться ли? Смотри только не брани. Марья Каспаровна, на другой или третий день родин, вручила мне два листика «СПб. ведомостей», твоих новорожденных. Я, во-первых, прочел ей вслух «Оба лучше» ², во-вторых, положил в карман, в-третьих, пришел домой, вынул из кармана и положил на камин вместе с кое-какими бумагами, в-четвертых, протянул подбородок своему Фигаро; в-пятых, взялся было прочесть статью пришедшему между тем Тургеневу. Но о ужас! «Обоим лучше» кто-то отрезал голову! Кто-то совершил преступление вящее вержеровского ³. Спрашиваю на другой день своего Фигаро, спрашиваю всех поодиночке в доме — никто не сознается в вине! Куда девались две первых колонны статьи, очень аккуратно отрезанные от туловища, — решительно не понимаю! Ни одного Ораса, и того менее Барнума, не было в комнате... Неужто Фигаро?

Но успокойся: некто Комаров ⁴ получает здесь «Петербургские ведомости», и Деляво его знает. Я поручил отыскать, во что бы ни стало, голову «Обоим лучше». Если не дадут печатного, то спишу; но если ты не хочешь писанного, то отправлю к Краевскому депешу, чтоб выслал мне номер газеты. Как бы, однако, ни было, но исчезновение двух столбцов покрыто мраком неизвестности и самой непроницаемой вуалью таинственности.

Так вот почему я не писал к тебе. Мне хотелось наперед отыскать другой экземпляр и его тебе доставить. Я даже надеялся умолчать о таинственном происшествии. Но, получив твое приглашение поздравить вас всех с новым годом, я поневоле выболтался.

А теперь чувствую, что разболтался, и потому буду продолжать. Еще бы оставаться равнодушным к вам, швейцарцам! Вы показали себя истинными молодцами. Не то, чтобы я любил швейцарцев теперешних: в частной жизни нет, кажется, народа мельче и филистернее. Но их подымает общественная жизнь: в *ges-public-анских* делах они действуют как свободные люди, с достоинством и единодушием. В последние шесть или семь лет я не знаю величественней зрелища, как подача голосов в федеративном собрании на предложение совета. Ни одной речи, лишь твердое и громкое «да», произнесенное поочередно всеми членами без исключения! Это молчание, — которое, я думаю, и Ровинский ⁵ слышал в своей могиле, — красноречивее самых красноречивых речей.

А его величество Бравура IV-й!⁶ вот судьба! что ни ступит (извини) — как в лужу {...} Куда как бы мне хотелось, чтоб этих тараканов порядком пощелкали вы, гельветийцы! И непременно бы пощелкали в своих ущельях своими отличными стрелками в свои отличные карабины, перед которыми Минье—чуть не пицаль. Но так и быть! Хотя я и не согласен с русской пословицей: худой мир лучше доброй ссоры, однако время войн за принципы еще не пришло, и под конец вас бы все-таки задавили. Впрочем, мир будет, кажется, недурен.

¹ Большинство писем Мельгунова к Герцену написано на голубой бумаге (отсюда намеки на жандармов, носивших мундиры голубого цвета); публикуемое письмо написано на белой.

² Статья Герцена «Оба лучше» («Барнум и Орас») была напечатана в «С.-Петербургских ведомостях», № 206 от 2 сентября 1856 г., за подписью «В. Б.» (VIII, 345—351).

³ 3 января 1857 г. отлученный от церкви священник Верже убил парижского архиепископа Сибура. Мельгунов подробно рассказал об этом убийстве в статье «Заметки русского в Париже» («Отечественные записки», 1859, № 9, отд. VI, стр. 42—43).

⁴ Об этом же *Комарове* в январе 1858 г. писал из Парижа одному из своих друзей Г. Е. Благосветлов: «Бываю, впрочем, у Комарова, который пишет фельетон в «Отечественных записках». Врун необыкновенный, но добрый человек» (М. К. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907, стр. 180).

⁵ Вероятно, речь идет о московском полицеймейстере А. П. Ровинском, умершем в 1830 г.

⁶ В сентябре 1856 г. сильно обострились отношения между Пруссией и Швейцарией. Пруссия, желая присоединить Невшательский кантон к своим владениям, инспирировала там монархистский мятеж. Мятеж был подавлен, вожаки его арестованы. В декабре 1856 г., угрожая Швейцарии войной, прусский король Фридрих-Вильгельм IV («Бравура IV», как насмешливо называет короля Мельгунов) потребовал освобождения мятежников. В результате соглашения, состоявшегося в мае 1857 г., мятежники были освобождены, а прусский король от своих притязаний на Невшательский кантон отказался.

10

(Париж.) 16 января 1857 г.

Вот тебе твои «Оба лучше». Ляво напел-таки листок в замену изуродованного каким-то варваром. У меня на память остались две колонны прежнего экземпляра, которые я сохраняю для будущей улики нового Эрострата.

Вместе с статьей ты получишь *три* гербовых листа {...} ¹.

Ты меня спрашивал недавно, печатать ли главу о Грановском, Хомякове и пр.² Знаешь ли, что бы я тебе предложил? Ты давно отстал от русской полиции, или, правильней, — от русской шепетильности * и потому можешь сделать какой-нибудь промах. Подвергни эту главу цензуре Огарева или, пожалуй, перешли ее к Тургеневу. Эти господа, — коли хочешь, и я, — можем тогда сказать тебе прямо, чего нельзя напечатать или что должно изменить. Ведь в этой главе речь идет о живых или о недавних покойниках. Например, я не знаю хорошенько, получила ль Лизавета Богдановна ³ пенсию, о которой хлопотала. Если не получила, то одно неосторожное слово могло бы повредить пенсии. Что ты прикажешь с нами делать! Ни нас, ни обстоятельств разом не изменишь.

Мои «Заметки о Париже» растут. Я ими доволен. Марья Каспаровны с тех пор еще не видал и потому не видал и нового тома твоих «Записок».

Что Огарев? Прощай, пиши. Твой должник смиренный.

¹ Далее опускаются подробные объяснения причин, по которым Мельгунов не вернул Герцену прежний долг, а также новая денежная просьба: дать ему займы еще две тысячи франков.

* Мельгунов пытается каламбурить, сближая слова *полиция* и *politesse* (шепетильность, вежливость—франц.).

3, и въ это время завтраше 2 декабря, 9 часовъ и около 20 зайцевъ. При возвращении я опять подивился красоте урфина, когда между развалинами старого каменного замка и подъ развалинами его ядрами появились заруть толпы владичковъ и вслѣдствіе и оживили внезапно всю сцену. Возвратившись въ Царичино, охотники наши изъ деревенному дворцъ роскошнѣе завтракъ, къ тому совершенно соответствующій ихъ вѣнцѣмъ.

Во время разговоровъ за завтракомъ я узналъ, что волкъ пытался укусить за ногу князя Шарпбергъ, но не могъ прокусить сапога, а лисица оцарапала ему зубами руку. Умѣвать, что собака съела волка, князь Шарпбергъ подыбжалъ, соскочилъ съ своей лошади и неосторожно подошелъ къ волку, который сейчас же влился зубами въ его сапогъ. Но прежде чѣмъ ему удалось прокусить толстую кожу, князь Шарпбергъ успѣлъ проползти его своимъ охотничьимъ ножомъ и положить за жертво.

Повѣривавъ, всѣ отыскали свои экипажи и отправились въ лесъ. — Въ этотъ же день на значенъ былъ обѣдъ у князя Эстергази и балъ у лорда Гревинга. И вотъ эти ибнѣны англійскіи люди, которыхъ, какъ бы, напѣвнѣе усталости вытерять не могутъ, пробывъ часа три верхомъ на лошади на открытомъ воздухѣ, прѣѣхали къ 3 часамъ домой, еда успѣвъ прострѣнуть туалеты и отправившись на обѣдъ къ астрійскому посланнику, а вернувшись оттуда домой, еда только нѣмнѣи время переодѣться къ балу, а отагда ни минути. Какъ не поимѣваться такой силѣ въ сопротивленіи усталости!

ОВА ЛУЧШЕ.

(Отголосокъ).

— Знаете ли этого господина... вотъ направо, чѣмъ-то газету?

— Нѣтъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать, что онъ такое.

— Мурено ли узнаю, люди мнѣ выдѣлаются гуртованье, оригиналовъ въ Европѣ нѣтъ. Го-

сподня, какъ заминаяшъ, или Орасъ Жоржъ Сандъ...

— Не думаю.

— Ну такъ напѣрне Барнумъ.

— Только буюто и типологъ!

— Нѣтъ, есть еще срачнѣе: Барнумъ-Орасъ. — Однако я встрѣчалъ людей совершенно не похожихъ ни на Барнума, ни на Ораса.

— Такъ! Въ Кукурнофъ—въ Гон-го?

— Нѣтъ, здѣсь въ Англіи.

— Это когда случится: а больше думалъ ома-тернѣхъ; но развѣ вы не заѣхали, что всѣ эти чудакъ, не похожи ни на Барнума, ни на Ораса, что всѣ они... ну что же... развѣ-два-три...

— Не знаю.

— Получайте...

— Поверженныя.

— Разумѣется.

И.

Когда я возвратился домой, мнѣ пришло въ голову полутоуочное и составъ злое замѣчаніе моего прѣтеля. Въ самомъ дѣлѣ Барнумъ и Орасъ такъ вполнѣ созданы по образу и подобию вѣка мѣщанскаго и риторическаго, что они астрѣвуютъ къ вѣдѣ—вину и наверху, направо и налѣво, на лавѣ судей и на лавѣ подсудимыхъ.

Барнумъ представляетъ дѣловую сторону, риторическую нашего вѣка, это проза вѣка, его трудъ, его знаніе. Орасъ — поэзію, сторону артистическую. Барнумъ, это такъ сказать, Сократъ мѣщанства; Орасъ, его Аліады.

Ж. Сандъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ наше время всѣ эти старые волокиты, вѣчные Доламы, влюбленные маркизы, вовсе не существуютъ, что типъ молодого человѣка сорочковъ готовъ совѣсть-нонѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она пилъ «Ораса», прошло дѣтъ паталогичъ: въ нѣка-начего не перемѣнилось; прѣжне Орасы сѣдлались старые, новые похоронили. Вся дѣйствительная, пишущая Франція состоитъ изъ Орасовъ. Нѣмцы тоже выработали себя, съ прибавкой губононѣ-сленнаго, но патрархально-простота развратъ, и основательнѣе-тяжелой безразличности — типъ

въ которую Орасъ игралъ самообману и слѣпогъ—и остался, слава Богу, здоровъ.

Орасъ главный виновникъ бѣдствій, обрушившихся на Европу въ послѣднее время. Онъ ухватился своими фразами масонъ—такъ, какъ ухватилъ Мирту въ романѣ—для того, чтобы прѣдаться въ припервой опасности.

И.

Ж. Сандъ говоритъ, что романъ са была прѣднѣтъ въ романѣ—это естественно. Развѣ у нѣсъ не сдѣлался на «Рениордъ»? Сдѣластво сдѣластво паразитамъ, обидно. Она сама излучалась, ей кисть совѣстно передъ знакомыми и друзьями. Кисть дрогнула въ ея рукахъ и она къ концу сѣмнѣтъ улыбку прѣрванъ—улыбкой снисхожденія. Она дѣлаетъ Ораса адвокатомъ и даже намекать на его исправленіе. Амиагозъ-то онъ бѣднѣтъ, и адвокатомъ отвлеченнѣе, энциклопикомъ ладнѣтъ и сиротѣ, игоуочнѣе, карателемъ, чѣловѣческихъ слабостей; но врагомъ онъ останется, потому что онъ можетъ только учинно ирѣдставитъ исправленіе — нѣболѣе.

Исправляется люди безъ знаній мыслей, но увѣченныя, безъ прѣдвѣннѣе, ладнѣтъ съ сердцемъ, напѣривъ, Фобасъ. Кисть прѣннѣтъ, онъ на палатѣ: Фобасъ, отчужденный шалунъ, Орасъ передъ нимъ отшельникъ: отчѣго же пернѣтъ къ сѣмнѣе, ирѣдставитъ палатѣ, а второго толмѣтъ нѣгогъ!

Между жителями Новой Зеландіи и обитателями какого нибудь квартала въ Парижѣ не болѣе различія, какъ между Фобасомъ и Орасомъ. А гдѣ между тѣмъ и другимъ не Богъ знаетъ сколько времени прошло, Фобасъ на старости лѣтъ можетъ еще встрѣтить Ораса у маркнѣи въ поколотѣ его въ оперѣ, когда онъ такъ мнѣннѣе хвастался своей побѣдой, — и поколотивъ той своей палкой, которую онъ оставилъ у актрисы, а самъ нѣмѣтъ.

Фобасъ совершенно искренній чѣловѣкъ, онъ нѣтъ, не лѣбнѣтъ, а насладнѣтъ, онъ вѣтрѣтъ, вѣннѣтъ-ладнѣтъ и такъ-же откровенно раскнѣваетъ въ своихъ нѣбнѣтъ. Лодоснѣтъ (вѣской развѣ ладнѣтъ) чѣтнѣтъ чѣмъ чѣмъ лѣбнѣтъ, нѣмѣтъ сѣбнѣтъ

вѣдѣтъ, какъ и вѣннѣтъ ей. Остѣднѣтъ, Фобасъ лѣднѣтъ — не боѣтъ нѣтъ онъ сѣмнѣтъ нѣтъ остановится и сѣднѣтъ чѣднѣтъ, мо жѣтъ-бѣтъ, по дорогѣ онъ потерѣтъ, сѣмнѣтъ лѣднѣтъ, но сердце у него остановится.

Фобасъ, какъ въ испорченномъ воздухѣ буюто адрѣтъ, ударилъ громъ: Фобасъ сѣднѣтъ лѣднѣтъ жѣмнѣтъ. Орасъ не перемѣлъ энциклопикъ, онъ, въ нѣмѣтъ нѣтъ болѣе нѣрѣтъ, какъ гово- рѣтъ Французы.

Фобасъ Фобасъ—мужскія, слабости Ораса—женскія, его настоящее призваніе жѣтъ паразитъ нѣтъ жизни, мучитъ женщину — дѣлать изъ лѣднѣтъ, сламнѣтъ, обѣднѣтъ сѣднѣтъ парѣднѣтъ, нѣтъ, напѣривать и говора съ нѣю, сѣднѣтъ въ сѣднѣтъ на самого себя.

Но отчего-же все это... отчего?

А отчего, съ другой стороны, несмотрѣ на то, что Фобасъ часто неарнѣтъ романовъ. Поль де Кома, когда вы чѣтѣтъ послѣднѣе, чѣднѣтъ, что гдѣ-гдѣе и толчѣтъ! Уровнѣе помнѣтъ!

Между Луи и Поль де Кома, между Фобасомъ и Орасомъ — что-то прошло и помнѣтъ лѣднѣтъ. Съ-тѣхъ-поръ уровнѣе все еще палатѣ. Фигаро Бомарше и Лизета Беранже сѣднѣтъ теперь такнѣе же нѣднѣтъ, какъ Блѣдъ и Женеведа, Фигаро, забавный, мнѣтъ пѣтъ-замнѣтъ Робѣръ Мадеронъ, который уже крѣднѣтъ и гдѣтъ, дѣ лѣтъ фѣднѣтъ вѣднѣтъ, убнѣтъ Вѣкто Мадеронъ Лѣско и Лизета Лѣднѣтъ Марго (въ les Filles du mabre), которая мнѣтъ не лѣбнѣтъ-мнѣтъ, ни сѣднѣтъ, ni le chant de Romet, а мнѣтъ только дѣмнѣтъ.

Убо-го-дѣтъ Mergel.

Марго женщина за... патѣднѣтъ и гдѣтъ нѣднѣтъ прѣднѣтъ Лѣднѣтъ, лѣднѣтъ еѣ всѣ лѣднѣтъ-мнѣтъ парѣднѣтъ! Сонъ лѣднѣтъ, котораго вѣднѣтъ Лѣско-сынѣ.

Нѣтъ-нѣмѣтъ! Между Фобасомъ и Орасомъ, между Фигаро и Робѣръ Мадеронъ, между Мадеронъ и Марго лѣднѣтъ мнѣтъ, оладнѣтъ лѣднѣтъ мнѣтъ образовало для поколѣтъ нѣтъ-нѣмѣтъ-мнѣтъ.

и в

² Речь идет о главах «Былого и дум» — «На могиле друга», «Наши» и «Не наши». Герцен решил напечатать их только в следующем, 1858 году в «Полярной звезде» (кн. IV, стр. 111 и след.). «Но... печатать я еще боюсь...», — писал он о тех же главах Тургеневу (VIII, 390). Из-за собственных опасений, а также и под воздействием дружеской критики и «цензуры» (Тургенева, М. К. Рейхель и Мельгунова), Герцен в течение 1857 г. переработал страницы, посвященные Грановскому и «сильным распрям 1846 г.» (VIII, 395; IX, 81).

³ *Елизавета Богдановна* — вдова Т. Н. Грановского.

11

(Париж.) 20 января (1857 г.)

Не получая от тебя ответа, я еще вчера хотел писать к тебе и сегодня написал бы, во всяком случае. Знаешь ли, что меня тревожило? Не материальные последствия твоего отказа ¹ — хотя и они тяжелы, — но пресквернейшая мысль, которая мелькнула у меня в голове и от которой отделаюсь разве, высказав ее. Конечно, ты меня знаешь лет двенадцать, но довольно ль коротко? Случилось же так, что за день перед тем, как мне пришлось, поневоле и против воли, просить у тебя денег, я отправил к тебе письмо с разными заметками, которые могли бы, пожалуй, показаться чем-то вроде *captatio benevolentiae* * ². Христа ради, не считай меня способным на лживые хитрости и верь, что во всем, что я пишу, нет ни малейшей задней мысли. Не правда ли, ты меня настолько знаешь, чтоб верить этому?

Теперь о другом. Напраслины ты, верно, не терпишь, как и я, на чей бы счет она ни была. В моем теперешнем и, надеюсь, скоропреходящем денежном кризисе Павлов виноват только в том смысле, что, удержанный собственными весьма важными делами в Москве, он еще не успел съездить в Питер. Главный же виновник моего денежного расстройства не он, а двоюродный брат Карцов, который всегда был очень аккуратен, но на этот раз, не понимая по какой причине, даже не пишет! Живи он в столице, списался бы я с ним, отправил бы депешу; но он живет в такой трущобе, что надо месяц, чтоб письмо дошло до него отсюда. Впрочем, пожалуйста, не беспокойся за свои четыре тысячи франков. Я принял все меры для ускорения высылки нужных денег и жду с часу на час или денег, или, по крайней мере, положительного ответа.

Что ж ты мне не пишешь, можно ль отправить выписку из «Звезды» в «Русский вестник»? ³ Или «молчанье — твой ответ»... а молчанье — знак согласия?

Прочел я вчера вечером новый том твоих «Записок». Только в моем экземпляре недостает начала. Сказать ли правду? Хорошо, интересно, живо — нечего и говорить; но чувствуешь беспрестанно, что автор себя сдерживает и не дает воли своему перу. Оттого (я думаю, что от этого) впечатление остается не столь живое и глубокое, как от прочих частей, особенно от тех, где рассказывается ваша дружба с Н(иком), университетская жизнь и потом «тюрьма и ссылка». Может быть, произошло это и от моего минутного настроения. А есть портреты, картинки и пр., нарисованные мастерами. На всю личность Натальи Александровны наброшен покров грации и стыдливости, самой изящной даже в энергические минуты. Кетчер — *tout craché* **; так его и видишь перед собой. А Парфений, а улан с толстым попом на коленях и пр., и пр. ⁴ — Очень мне нравятся также два первых стихотворения, следующие за записками ⁵.

Ты спрашивал как-то моего мнения о мадонне. Тут много правды; но превосходство матери над *бездетной* или, по крайней мере, не человечески матерной Афродитой в отношении женственного *духовного* начала,

* домогательства благоволения (лат.).

** вылитый (франц.).

не исключает превосходства *пластической* вечной девственности Афродиты над более или менее изнуренным телом Марии. Хотя католицизм и не допускает естественной *maternité* * (как по-русски?) Марии, стало, считает ее непорочной девой даже и после рождения сына, однако нет никакой возможности вообразить себе и представить Марию нагою. Она остается херувимом, к голове которого привешено платье. Вывод тот, что ни Афродита, ни Мария — *не полные* женщины: это две гемисферы, отдельно не существующие в действительности, но составляющие собой две необходимые и нераздельные стороны всякой истинной женственности.

На последней, 148-й, странице ты чуть ли не дал промах. *Незапятнанное* (по-славянски, кажется, просто непорочное) зачатие богородицы относится не к *ее* зачатию, а к зачатию божественного сына. Это-то *immaculée conception* **, за которое Верже убил Сибура (NB: подававшего голос *против* праздника), и было вновь провозглашено *** Прием IX. Сама Мария *родилась*, «как мы с вами»; но *родила*-то она наитием Духа. Ты понимаешь, что после этого вывод твой неверен: «если *и она* не по-людски родилась» и пр.

Или я ошибаюсь? Да как же мог Пий, вопреки евангельскому сказанию, постановить бесплотное зачатие самой Марии? Тут что-нибудь да не так ⁶.

Я опять заболтался. Ищу хоть в болтовне рассеянья от моих деловых забот, которые, боюсь, продлятся еще недель пять, шесть.

Когда будешь писать, то, пожалуйста, побольше; а то крошечная страничка да и та наполовину занята пыганской песнью *ad usum debitoris* ****.

Скоро ль выйдет III книжка «Звезды»? Ну, а «Голоса»? Скоро многого уже и печатать не из чего; но осталось же кое-что, заслуживающее печати.

Не знаешь ли, что сделалось с Кудрявцевым и почему он не едет? ⁷ Addio.

На обороте последнего листа адрес:

Monsieur Monsieur A. Herzen, Esq.

à Londres

at M-r Tinkler's house, Putney

Дата почтового штемпеля:

Paris à Calais, 20 janvier, 57

¹ Имеется ввиду отказ Герцена дать взаймы Мельгунову еще две тысячи франков. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

² Без сомнения, под письмом, которое Герцен мог счесть за «домогательство благоволения», Мельгунов подразумевает письмо, обозначенное у нас № 8 и содержащее похвалы Герцену.

³ См. письмо № 8 и примеч. 2 и 3 к нему.

⁴ Речь идет о портрете Кетчера и других лиц в следующих главах «Былого и дум»: «В Москве без меня» и «Третье марта и девятое мая 1838 г.». Главы эти были впервые напечатаны в «Полярной звезде на 1857», стр. 126—156 (см. XII, главы XXII и XXIII).

⁵ Мельгунов имеет в виду стихотворения Огарева «Совершеннолетие» и «Искандеру» («Я ехал по полю пустому»).

⁶ В конце главы «Былого и дум» 13 июня 1839 г. — Герцен писал: «Мне кажется, что Пий IX и конклав очень последовательно объявили неестественное или, по их, *незапятнанное* зачатие богородицы...» и т. д. (XII, 482). Эти и дальнейшие строки начал оспаривать Мельгунов, не зная, что Пий IX и конклав епископов 8 декабря 1854 г. действительно признали догмат о непорочном зачатии богородицы и провозгласили по этому поводу «праздник 1-го класса». Впоследствии Мельгунов извинился перед Герценом за свою ошибку (см. письмо № 13).

⁷ Петр Николаевич Кудрявцев (1814—1858) — профессор, любимый ученик Грановского и его биограф.

* материнства (франц.).

** непорочное зачатие (франц.).

*** а не выдуманно. — Примеч. Мельгунова.

**** в назидание должникам (лат.).

(Париж.) 20 января (1857 г.)

Не успел я отправить свое письмо, как получил твое второе. Пишу опять, потому что ответ не терпит, по-моему, отлагательства.

Если б я только знал, где занять четыре тысячи, то непременно бы занял и прислал к тебе; но где, у кого? That is the question *.

Мне остается просить тебя об одном: не желая вредить делу г. Фохта, умоляю тебя сказать мне в свое время, какого рода и на сколько вред, нанесенный ему через мою невольную оплошность? Как скоро получу деньги из России, возвращаю, с твоего позволения, все, что г. Фохт может потерять через меня ¹. Убедительно прошу тебя объяснить мне объем и цифру ущерба. Не принимай моих слов за *dépit* ** какого бы рода ни было, а просто за естественное желание оставаться в пределах справедливости.

Замечание Тургенева — основательно. Мне и самому приходило оно в голову, да только я забыл написать об этом. Кетчер стал ужасно осторожен, чтоб не сказать труслив; ты же, верно, не захочешь его огорчить. А потому, мне кажется, что даже и намек на сходство с Мара *** ему не понравится. Ты возвращаешься к нему два раза; не сочтешь ли нужным выкинуть это сравнение в обоих местах? ².

Это было неосторожно. А предложение выкинуть слово: «*наш писатель*» уж, может статься, слишком осторожно. Если я не поставлю *наш*, тогда моя попытка узаконить тебя опять в русской литературе потеряет смысл. Впрочем, я могу сделать так: поставить *наш*, а в письме к издателю предоставить ему оставить или выкинуть и это опасное местоимение ³.

Статьи твоей об Англии ⁴ я еще не читал. Постараюсь достать.

Обнимаю тебя.

¹ О каком Фохте здесь идет речь и в чем именно заключалась ответственность Мельгунова, объяснить не можем.

² Замечание Тургенева относилось к описанию встречи Герцена с Кетчером и к характеристике Кетчера, сделанной в XVII главе «Былого и дум» («В Москве без меня») и напечатанной Герценом в третьей книжке «Полярной звезды» (по второму изданию 1858 г. — стр. 135). Герцен подчеркивал сходство Кетчера с якобинцами, Маратом и пр. «Осторожно ли ты поступил, — писал Тургенев, — описывая К. (которого, разумеется, все узнают), его *тоску по революции* и т. д., и т. д.» («Письма...», цит. изд., стр. 105). Герцен отвечал: «Спасибо за строжайший выговор. Вот что, если в самом деле опасно выражение о Кет(чере), то, ведь, книга еще не вышла, я могу перепечатать четверть листа. А то я и сам испугался(...) Напиши об этом» (VIII, 391).

Строки о сходстве Кетчера с Маратом в печати изменены не были, однако выражение «тоска по революции» в печатном тексте отсутствует.

³ Мельгунов намеревался в одной из своих статей, предназначенной для подцензурной печати, процитировать Герцена, заменив его имя иносказанием «один из замечательных наших писателей» (см. письмо № 8). Очевидно, Герцен рекомендовал Мельгунову воздержаться от подобного упоминания. Впоследствии, печатая свою статью («Отечественные записки», 1859, сентябрь, отд. VI), Мельгунов, процитировав Герцена, не упомянул его имени и не употребил выражения «наш писатель», но отметил, что если за такую длинную выписку ему «придется просить у кого-нибудь извинения, то уж, конечно, не у читателей, которые скажут за нее спасибо, а разве у автора» (см. выше, стр. 314).

⁴ *Статья об Англии* — это, повидимому, фельетон «Из писем путешественника во внутренности Англии», напечатанный, как и «Оба лучше», в «С.-Петербургских ведомостях» за подписью В. Б. (1856, № 91 от 26 апреля).

* «Вот в чем вопрос» (англ. — слова Гамлета).

** неудовольствие (франц.).

*** Маратом

23 января (1857 г.) Париж

Любезный друг, к чему ты вступил со мной в такие объяснения? Неужели ты думаешь, что я не верю в искренность твоего нет? Ты отказал, потому что *не мог* поступить иначе; в этом я не сомневался¹. Стало, дело было решенное. Что же касается до *very shocking*, что, кажется, можно перевести словом: очень обидно, то, ей-же-ей, я и не подозревал, чтоб в моей просьбе насчет проторей и убытков крылась хотя бы тень *shocking*.

Помилуй! Разве я не мог заключить из твоих слов, что наносу ущерб г. Фохту? Из чего же ему страдать по моей оплошности? Я даже и теперь остаюсь при том же мнении. Тут нет другого *dépit* и раздражения, кроме очень естественной досады на отсутствие «презренного металла», лишшающего меня возможности сдержать с точностью данное слово. (Впрочем, *не зная наверное*, когда получу из России деньги, я едва ли выразился когда-либо *положительным* образом; сколько помню, я, напротив, оговаривался, говоря: «Надеюсь, по всей вероятности, имею причины думать», и пр.).

И действительно, я имел причины думать и надеяться, судя по письмам, которые мне писали из России. До сих пор молчание моих должников и не-должников просто непонятно. Но я надеюсь, оно скоро разрешится.

Павлов, на этот раз, виноват в одном: что и он с своей стороны не подает голоса, ибо в настоящую минуту *он, собственно*, не обязан выслать мне денег; деньги жду я от других.

(В. Жигалева.)

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ»
С УПОМИНАНИЕМ ЛОНДОНСКОЙ
«ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

«Искра», № 45 от 23 ноября 1862 г.

— Видишь эту полярную звезду...
— Как бы не так! Она в Лондоне видна, а не у нас!
— Эта же как называется?
— Эта?... Эта — Марс!

На счет же *captatio* * — ну что же прикажешь делать? Эта мысль меня мучила, и я чувствовал, что не могу от нее отделаться иначе, как высказав. Клянусь тебе честию, что, когда писал предпоследнее письмо, я еще вовсе не думал просить у тебя денег. Я все еще надеялся получить их из России, даже из Страсбурга. Потеряв надежду, вследствие письма Титова, которому я тоже поручил присматривать за моими делами и который тоже не ведал ничего ни о Павлове, ни о Карцове, я решился прибегнуть к тебе, а между тем отправил в Москву депешу и несколько писем. Но как мне пришла в голову мысль о *captatio*? Вот как: Тургенев, по поводу Рудина, рассказывал мне, что Бакунин обыкновенно писал ему коротенькие письма; но когда Тургенев получал от него длинное и с разными комплиментами, то уже знал наверное, что в конце — просьба о деньгах. При этом у меня и мелькнула та скверная мысль: ну, если Герцен подумает обо мне то же, что Тургенев говорит о Бакунине? ²

Впрочем, довольно-передовольно об этом. Я рад нашим обоюдным объяснениям только за одно: что через них я узнал тебя еще короче и оценил еще лучше твою благородную натуру.

Виноват, братец, виноват насчет *immaculée conception* **. Еще вчера убедился в своей ошибке, на которую навел меня день праздника: 8 декабря, т. е. 9 месяцами ранее рождества богородицы, 8-е сентября ³. Ну, согласись, однако, что не посвященному в богословские таинства и в голову не придет такая нелепость. Вчера я сам читал в новой книге: «*Vierge Marie*» ***, следующую фразу: «*Conçue elle-même sans péché, l'infiniment Sainte Vierge Marie est infinie en elle-même, quoiqu'elle soit finie par rapport a l'infini du Fils*» ****. Не правда ли, что ясно?

Но вот что тут забавно: не только я, не только Тургенев и другие русские думали до вчерашнего дня, что *immaculée conception* относится к зачатию сына, но с десятком католиков, не невежд, а скорей образованных, думали то же, что и я. Я же полагал, что папе захотелось дважды праздновать Благовещение: раз — под видом (...) архангела Гавриила, а в другой раз — просто без (...) Но теперь, после открытия, я до сих пор не могу придти в себя от пийноновской дерзости. Знаешь ли что? Не мешало бы тебе пояснить это обстоятельство в конце книжки. А то, право, не поймет ни один русский. — И о начале «Записок» тоже догадался вчера ⁴. Нелзя: русский человек передним умом крепок.

¹ Герцен отказал Мельгунову в его просьбе о новом займе в 2000 франков. См. письма №№ 10 и 11.

² Тургенев не скрывал, что в образе Рудина запечатлены некоторые отрицательные черты Бакунина (см., например: П. В. Анненков. Литературные воспоминания Л., 1928, стр. 645—646).

³ См. примеч. 6 к письму № 11.

⁴ Мельгунову показалось, что в его экземпляре гранок «Записок» недостает начала (см. выше, письмо № 11). Начало «Записок» в третьей книжке «Полярной звезды», которое он, вероятно, имеет в виду, это — главы «Княгиня и княжна» и «Сирота» (XII, главы XIX и XX).

24 января (1857 г.) Париж

Erratum *****. Плохой я латинист, а Грибовский, как видно, еще плоше. Вчера, выходя со двора, чтоб отнести письмо на почту, я встретил на пороге Грибовского, который просил меня доставить Огареву адрес.

* заискивания (лат.).

** непорочного зачатия (франц.).

*** «Дева Мария» (франц.).

**** «Сама безгрешно зачатая, пресвятая дева Мария сама в себе бесконечна, хотя и конечна в сравнении с бесконечностью сына» (франц.).

***** Ошибка (лат.).

Не имея времени объяснить, в чем дело, я хотел было надписать: «Ogarevio primo Grib. secundus» *; как вдруг г. бывший студент Казанского университета остановил меня и говорит: «Ogarevii primi» **. Я сдуру и послушался; но потом подумал: из чего же я делаю Грибовского собственностью Огарева? Итак, прошу читать дательный, вместо родительного.

Но что важнее поправки, это объяснение адреса. Грибовский не знает адреса Островского ¹, но предлагает Огареву написать свое письмо на имя тетки, Грибовской же, которая знает, где живет Островский. Не мешает только надписать: с покорнейшей просьбой доставить *немедленно* такому-то.

Сим поручение Грибовского и исполняется.

Кстати: ты не избежал-таки моей благодарности за деньги, которые я просил у тебя займы. Их дал мне Грибовский, говоря, что человеку, отрекомендованному Александром Ивановичем, он охотно вверяет деньги и все что угодно.

Не правда ли, что это очень и очень мило? Но при этом я должен тебе сказать, что человек, так выгодно тобой отрекомендованный, в грязь себя не ударит и тебя не осрамит.

Сегодня же пишу в Москву о суде Грибовского и настоятельно прошу во что бы ни стало выслать мне хоть сколько-нибудь денег, чтоб расплатиться с добрым человеком как можно скорее ***. Впрочем, я и без того крепко надеюсь, что моя финансовая драма, дошедшая в эту минуту чуть не до катастрофы, получит свою развязку, и благополучную развязку, в течение февраля. Кончится она, конечно, не женитьбой, но все-таки *deus ex machina* ****, называемый Карцовым ², соединит мою дающую руку с принимающей рукою кредиторов. Постарайся прилететь к этой торжественной минуте на крыльях дружбы и повитая над нашими главами в образе феи, Ариэля, гения или св. духа, *ad libitum* *****. Обещаю осветить картину бенгальским огнем ³.

Прощай — до следующей болтовни.

Каков молодой Орлов? Отправил все твои издания Михаилу Николаевичу! Пусть себе читает по субботам — перед баней ⁴.

Ну, о «Голосах» ты ни гугу?

¹ Огарев просил сообщить ему адрес Михаила Николаевича *Островского* (1827—1891), брата драматурга.

² О *Карцове* см. в письме № 11.

³ Как устанавливается записью в дневнике М. П. Погодина от 26 октября 1857 г., Н. Ф. Павлов устроил в том же году денежный сбор среди своих московских знакомых, «чтобы спасти Мельгунова от тюрьмы» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XV, стр. 313).

⁴ Тургенев 16 января 1857 г. писал Герцену: «Ты никогда не угадаешь, от кого я не далее как вчера слышал великие похвалы тебе... От князя Орлова (раненного под Силистрией) — сына известного Орлова. — Он не только все прочел, что ты написал, но даже (*ceci entre nous* *****) с месяц тому назад отвез все твои произведения к в. к. Михаилу Николаевичу» («Письма...», цит. изд., стр. 105). Речь идет о Н. А. Орлове. Ср. в письме № 5 и в примеч. 1 к нему.

28 февраля <1857 г.> Париж

Сердечный друг! Это, между прочим, и каламбур. В книжке «*Au bord de la Néva*» *****, вышедшей в конце прошлого года, Мармье говорит:

* «Огареву первому Гриб(овский) второй» (лат.).

** «Огарева первого» (лат.).

*** Прости заранее, если, может быть, придется расплатиться с ним прежде, чем с тобою: ведь он перелетная птица. Но, вероятней, расплачусь с обоими вместе. — *Примеч. Мельгунова.*

**** Здесь — благодетельный рок (лат.).

***** по желанию (лат.).

***** это между нами (франц.).

***** «На берегу Невы» (франц.).

«Un écrivain russe, Mr A. Herz, qui a connu Lermontof à Pétersbourg, dit que le poète traînait après lui le plus triste des fardeaux — le boulet du scepticisme» *. Очевидно, что Herz — это ты, сердечный. Где ж это ты так галерно или каторжно выразился о Лермонтове? Не помню ¹.

Пишу наскоро, чтоб отозваться на твое письмо. Жду Тургенева с Толстым, которым прочту отрывки из первой статьи (в шестьдесят страниц) о Париже и французах. Тургенев развелся с Некрасовым, уехавшим опять в Рим к m-me Панаевой, но вместе с тем похитившим Грибовского. Но Тургенев утешился du départ d'Ulysse ** приездом Толстого, автора «Детства», «Отрочества», и пр. Я ему передал твой запрос и получил в ответ следующее: стиха из «Войнаровского» он не помнит и припомнить не может, к тому ж страшно хандрит по милости своего пузыря (il prend des vessies pour des lanternes *** , как ты видишь), собирается на несколько дней в Дижон (не хочешь ли выписать бургонского? Ведь die Rotweine regen и пр. auf ****) ² и затем, в конце марта, надеется приехать к вам недель на шесть. Как бы мне хотелось с ним, тем паче, что английский диалект мне не дался: еле читать умею; да боюсь за свою невралгию в глазу, которая далеко не прошла, а в марте у вас там должно быть чертовски сыро (...) ³

Мне это время было очень грустно. Несчастлив я на друзей детства и молодости и тебе страшно завидую. Что ни говори, а во время оно я был очень дружен с Шевыревым. Слышал ты, что с ним случилось? ⁴ Был я когда-то очень дружен и с музыкантом Глинкой: мы с ним были однокорытники и однокашники. Бедняк умер на днях в Берлине, и умер прекрасно: не только спокойно, даже почти весело, шутил над смертью еще за несколько часов до нее и ни под каким видом не хотел пустить к себе попа: «Я никогда, мол, не лицемерил, а теперь и подавно не хочу». Его смерть мне была все-таки отрадней полусмерти Шевырева.

Говорят, что царь немедленно отрешил Шевырева от должности, а Бобринскому (Василию) запретил въезд в столицу. Подробности всей этой ссоры наносят бесчестье всему «высшему» московскому кругу.

А вот что утешительно: успех «Русского вестника» невероятный, небывалый. В середине января у «Современника» было около 3000 подписчиков, у «Русского вестника» — 4500! Но знаешь ли отчего? По милости Щедрина (провинциальные очерки), Чичерина, Павлова, Бабста, Корша (его обозрения) и пр., в России смотрят на «Русский вестник» как на журнал с политической и общественной тенденцией. Теперь уж нужны не повести, не картинки мод, не смесь, а обсуждение общественных вопросов. Не утешительно ль это?

Что я писал тебе прежде о сорока тысячах крестьян, о новом указе в «Сенатских ведомостях», все это пока сводится на вздор ⁵. А между тем всё и все ожили, движение в умах страшное, общественное мнение зашевелилось не на шутку, и — надо надеяться — увлечет за собой правительство, особливо когда за Закревским полетят к черту и другие николаевские паши.

Обнимаю вас.

Стихи к тебе превосходны ⁶. Некрасов и Тургенев в восторге от твоих «Записок».

¹ Книга очерков «Au bord de la Néva, contes russes» вышла в Париже в 1856 г. Автор книги — французский писатель, друг И. С. Тургенева и переводчик его произведений на французский язык, Ксавье Марье (1809—1892). Характеризуя Лермонтова,

* «Русский писатель, г-н А. Герц, который знал Лермонтова в Петербурге, говорит, что поэт влачил печальнейшее бремя — груз скептицизма» (франц.).

** В отъезде Улисса (Одиссея) (франц.).

*** Буквально: «Он принимает пузыри за фонари» — франц. поговорка.

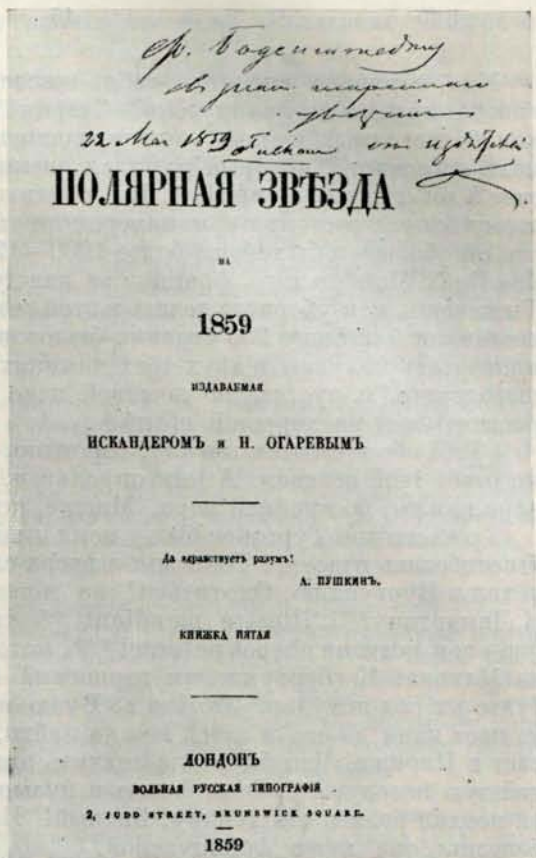
**** красные вина возбуждают... (нем.).

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» НА 1859 ГОД
ЭКЗЕМПЛЯР С НАДПИСЬЮ
ГЕРЦЕНА

ФРИДРИХУ БОДЕНШТЕДТУ:

«Ф. Боденштедту в знак искреннего
уважения от издателей. 22 мая 1859
Fulham»

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Мармье воспользовался страницей, посвященной Лермонтову Герценом в брошюре «О развитии революционных идей в России» (VI, 266 и 374), причем ошибочно указал, будто Герцен был лично знаком с поэтом.

² В полном виде эта немецкая фраза читается так «Die Rotweine regen die Kreislaufsorgane stark auf» («Красные вина сильно возбуждают органы кровообращения»). Она была взята из «Фармакологии» Шпренгеля и послужила эпитафией к стихотворению Огарева «В уныньи медленном недуга и леченья», посвященном Искандеру («Полярная звезда на 1857 год», стр. 232).

³ В опускаемой части письма Мельгунов снова советует Огареву отправиться для лечения в Париж.

⁴ Мельгунов имеет в виду драку С. П. Шевырева с графом В. Бобринским (см. И. С. Тургенев. Письма..., цит. изд., стр. 107—108). Оба действительно подверглись взысканиям, которые были сняты с них через год. См. об этом в «Отчете» III Отделения, в разделе «Милости» и пр., следующую запись: «Бывшему профессору Московского университета Шевыреву и графу Бобринскому, которые в 1857 году за ссору и драку были: первый уволен от службы, а второй выслан из Москвы в свое имение, разрешено: Шевыреву поступить профессором в Лазаревский институт, а графу Бобринскому свободное пребывание в империи» (ЦГИАМ, ф. 109.—Всеподданнейший отчет III Отд. за 1858 г., л. 57).

⁵ Упоминая о «сорока тысячах крестьян», Мельгунов имеет в виду эпизод, происшедший в Петербурге в декабре 1856 г. Взволнованные слухами о предстоящем освобождении, крестьяне и дворовые, находившиеся в столице, устремились к Сенатской лавке, где в это время продавалось постановление, излагавшее правила регистрации так называемых «добровольных соглашений» между помещиками и их крепостными. В течение нескольких дней толпы людей собирались на Сенатской площади, покупали с величайшим трудом мнимый указ о «воле» и, не доверяя никаким разъяснениям, отправляли его в деревню.

⁶ В третьей книге «Полярной звезды» (стр. 169, 177 и 232) напечатаны три стихотворения Огарева, посвященные Герцену: «Искандеру» («Я ехал по полю пустому...»), «И-ру» («О! если б ты подумать только мог...») и «И-ру» («В уныньи медленном ...»).

9 марта (1857 г.) Париж

Мне поручено спросить тебя, желаешь ли ты видеть свои мемуары напечатанными по-французски? Старик Мишле перебивал у полдюжины или более самых смелых книгопродавцев и из них нашел лишь одного, мало известного, который решился рискнуть и готов *напечатать* на свой счет à ses risques et périls *. Но платить за перевод он не согласен. Поэтому вопрос состоит в том: намерен ли ты платить за перевод? Полагаю, что он обошелся бы тебе не более 1000—1200 фр. Ляво получает от «Revue des Deux Mondes» пять франков за каждую *переводную* страницу цитеро. Ты знаешь, как убориста печать в этой revue; я полагаю, что твои мемуары составили б не более 250 страниц бюлзовского цитеро. Издатель намерен напечатать мемуары в двух-трех томиках in 12°, очень опрятно, если не щеголевато, и пустить по дешевой цене (что заставляет думать, что он рассчитывает на хороший сбыт) ¹.

Тебе обо всем этом писали, вероятно, и Мишле, и Марья Каспаровна; но ответ твой неведом. А книгопродавец, между тем, спрашивает. Благодарил ли ты, по крайней мере, Мишле, который очень и очень хлопотал? *

Третьего дни Тургенев был у меня и хотел мне дать знать, когда б и где бы отобедать втроем с Толстым; а вчера слышу, что Иван Сергеевич вдруг уехал в Бургундию. Охотиться? не может быть: охота теперь кончилась. К Ламартину? L'illustre mendiant ** теперь здесь, греет в Ville D'Evêque свои ноги на chenet paternel ***, который, говорят, нарочно выписал из Макона. К бургундским герцогам? Их историк, Барант, заверяет, будто их род исхудал. За Кло де Вужо или Шамбертенем? Но Тургенев не пьет вина да его и здесь можно найти. М-ше Виардо между тем распевает в Париже. Что бы могла значить эта таинственная поездка, в сквернейшую погоду, с зубною болью в пузыре? Тургенев страшно хандрит; он поехал размыкать хандру. Бедный! Не дай бог иметь эту английскую болезнь; она хуже французской.

Ну, братец, теперь и я в остервенении против Григорьева. Читал ты вторую его статью о Грановском? ³ Здесь уже явное недоброжелательство, какое-то непонятное ожесточение, подлые намеки, отвратительная хвастливость, черт знает что! Я был возмущен. Хороши наши славянофилы! Но знаешь, что меня радует? Павлов пишет Григорьеву ответ; а в нашей литературе нет, может быть, человека, который был бы способнее Павлова положить влежку негодного противника. Он просто уничтожит Григорьева; а мимоходом и славянофилам достанется порядком. Павлов давно на них точит зубы.

Хомяков, уже по отпечатаньи этого григорьевского пасквиля, был при смерти. Но выздоровел — на свою погибель. Окончание войны его разорит: он, как ты знаешь, мастер лить пули и даже выдумал ружье, которое хватало втрое далее Минье. Оказалось, что и ружье — пуля; но как бы ни было, à la guerre, comme à la guerre ****.

Ну, а теперь? Что скажешь ты про новый 47-й год? Начинается во Франции хорошо. Скандал на скандале; да еще сколько таких, которые знаем мы по слухам и о которых газеты молчат ⁴.

Читал ли ты третье издание «манюэля ***** для биржевых спекулянтов», который оказался произведением Прудона? Замечательная книга, пророческая ⁵.

* на свой риск и страх (франц.).

** Знаменитый попрошайка (франц.).

*** отцовском таганке (франц.).

**** на войне, как на войне (франц.).

***** руководства (франц. «manuel»).

Каков Огарев и что намерен делать с собою? Резаться? Смотрите, не срежьтесь.

Жду разных сумм с разных сторон и потому откладываю покамест извещение о времени уплаты. Будь уверен, что я из кожи лезу, чтоб расчесться поскорее. Обнимаю вас.

Ну, а третий номер, т. е. «Звезды»? Или она отложена, как комета?⁶

¹ О переводе «Былого и дум» на французский язык, изданном впоследствии Деляво, см. в письмах №№ 17, 18, 21, 22 и VIII, 373. 15 ноября 1856 г. Мишле писал Герцену о своих переговорах с книгоиздателями по поводу издания перевода «Былого и дум» (VIII, 375). Герцен отказался оплатить перевод, хотя и согласен был «гарантировать что-нибудь в случае запрещения и уничтожения книги» (VIII, 417).

² Герцен благодарил Мишле в письме, посланном через Тургенева, но до Мишле не дошедшем. Выражение своей признательности Герцен повторил в письме к Мишле от 25 мая 1857 г. (VIII, 510—511).

³ Статья В. В. Григорьева о Грановском — «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» — появилась в третьей и четвертой книжках «Русской беседы» за 1856 г. и вызвала протесты во многих журналах. Резко полемические возражения Н. Ф. Павлова на статью Григорьева напечатаны в №№ 6 и 8 «Русского вестника» за 1857 г. См. также отдельное издание этой статьи: Н. Ф. Павлов. Биограф-ориенталист. М., 1857. Получив письмо Мельгунова, Герцен писал 14 марта 1857 г. к М. К. Рейхель: «Вторая статья Григорьева о Грановском положила в лоск самого Мельгунова, — раскусил, наконец» (VIII, 417). Отзыв Герцена о статье Григорьева см. в письме к М. К. Рейхель — VIII, 395.

⁴ Мельгунов сравнивает политическое настроение столицы Франции в 1856—1857 гг. с настроениями Парижа в предреволюционном 1847 г. Предреволюционный Париж был запечатлен Герценом в «Письмах из Avenue Marigny» (1847). Как тогда, так и теперь внимание парижан было приковано к многочисленным общественным скандалам, судебным процессам и пр. В «Заметках русского в Париже», напечатанных в «Отечественных записках» (1859, кн. IX, отд. VI, стр. 40—44), Мельгунов описывает скандалы, происшедшие преимущественно в церковных кругах. Много внимания уделяет Мельгунов также истории убийства парижского архиепископа Сибура.

⁵ Речь идет о книге «Manuel du spéculateur à la bourse», выпущенной анонимно и принадлежавшей Прудону и Дюшеню (изд. 1-е — Париж, 1853). Герцен в письме к Мишле назвал Прудона «ужасающим прорицателем в делах 3%, 5%, 10%» (VIII, 511).

⁶ Третья книга «Полярной звезды» вышла из печати около 17 апреля 1857 г.

13 марта (1857 г.) Париж

Вчера вечером я был с Пен'то у Решель¹, и Марья Каспаровна вручила мне твою статью о Дашковой. В первом часу мне хотелось спать; но я, как-то случайно, взял в руки твои листки и положил их на стол, когда дочитал до последней строки. Было три часа, а спать мне уж больше не хотелось. Нужно ли прибавлять к этому простому факту какие бы то ни было комментарии?

Я считаю статью о Дашковой твоим созданием², потому что немногим даются такие одушевленные квинт-эссенции. Удивительный ты рассказчик, нечего сказать! Ни тени болтливости и замашки на эффект, а между тем нельзя оторваться. Ты собою доказал, что даже как рассказчик русский может быть выше француза. От твоих статей так и веет простотой, правдивостью и теплотой; от них становится тепло, так что я вперед намерен экономничать и вместо камина греть себя чтением Искандера.

Но ведь нельзя же все хвалить. Когда, лет через двадцать пять или тридцать, тебе придет в голову подумать не об одних современниках, но и о потомстве, и когда ты приступишь в Москве к печатанью полного собрания своих сочинений, не забудь, пожалуйста, взять к себе в подмогу хорошего корректора. Твои знаки препинания, например, — сущие знаки претыкания. Они часто затрудняют только чтение. Сверх того, встречаются небрежности. Например, на стр. 224 и 225: «принять меры против грозящей опасности и отворотить от вас грозящую опасность». Или (стр. 272):

«полная пустота», вместо «совершенная»³. В иных местах не поймешь сразу, про какую «княгиню» ты говоришь. Но все это пустяки. У тебя, литературного аристократа, недостает чернорабочего — вот и всё.

Кстати, о чернорабочих или, лучше сказать, о фабрикантах. Ты, вероятно, скоро увидишь у себя Краевского, Василия Боткина (автора «Обоих лучше»⁴ и пр.); едет также Дружинин, новый редактор «Библиотеки» и еще кое-кто, так что скоро русские журналы будут издаваться из Парижа и Лондона.

Неужели Дашкова была в самом деле такова, какую является в своих «Записках»? Я прежде считал ее только очень умной и очень пьяной женщиной, а теперь вижу, что она, несмотря на свой галстук и колпак, была исполнена самой трогательной женственности. В нее, право, можно влюбиться. Как жаль, что я знавал Малиновскую, ее племянницу и любимицу, бывшую начальницу Московского архива, от которой пахло водкой и табаком. У нее видал я и портрет старухи Дашковой, прекрасно написанный, но больно некрасивый. Мне это ужасно досадно. Не будь Малиновской и этого портрета, я бы готов возгореть пламенной страстью, вроде Беттины к Гёте.

Лизавета Богдановна получила уже пенсию (в 5000 асс.); но можно ли тебе писать о Грановском — право, не знаю. Твоя статья об нем уже написана и, как слышу, очень удалась. Напиши-ка об этом к-м-ше Granovska, à Rome, via della Vite № 57 или 58. Это было бы всего проще. Впрочем, многое зависит от того, *каким* ты представляешь покойника⁵. Ведь ты не делаешь из него главы партии, демократа или революционера? Помни одно, что мы, по замечанию Хомякова, уже и тем выше французов, что француз говорит: «Я раб своего слова», а русский: «Я своему слову господин» и что поэтому пенсия может сегодня быть дана, а завтра отнята. *Sapienti sat* *.

Скажи: из чего ж ты обиделся и обидел? Обиделся тем, что не тебя, а Павлова произвел «Русский вестник» в Карамзины⁶. Не забудь, что ты — Карамзин *extra muros* **, т. е. вне пограничного шлагбаума, и что, сверх того, ты пришибешь Григорьева дубинкой, а Павлов исколет его шпильками. А от этих больнее да и цензурнее. Впрочем, шпильки не помещают дубинке. Доканай ты этого туркомана.

А обидел ты Тургенева. Тургенев — не *prince russe* ***, не *old boyard* ****, не *ниго* *****, не пепинг и не юноша, а между тем *платит* за новый перевод своих «Записок охотника», которые издаются даже с политипажами⁷. Можно б даже так устроить, чтоб ты не был в накладе. Гарантируй только переводчику его труд, как у нас правительство гарантировало железные дороги. Ведь тут больше, чем авторское тщеславие. Старику Мишле первому хотелось бы прочесть твои записки. Ведь ты посредник между Россией и Европой, и твои Записки, изданные на универсальном языке, многое бы объяснили не одним французам.

Про какого ты Щепкина спрашиваешь? Старик был недавно болен, но выздоровел. Один его сын теперь в Риме, а другой — в Малаге.

Прощай, кланяйся Огареву.

¹ Подразумеваются Пинто и Рейхель (начертание по франц. произношению).

² Мельгунов имеет в виду чрезвычайно искусную передачу Герценом существа записок Дашковой в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова».

³ Герцен не воспользовался замечаниями Мельгунова, оставив неприкосновенными во втором издании третьей книги «Полярной звезды» «погрешности», указанные им.

* Для понимающих довольно (лат.).

** вне стен (лат.).

*** русский князь (франц.).

**** старый боярин (англ.).

***** простак (франц. *nigaud*).

⁴ Мельгунов в шутку называет Василия Боткина автором герценовского фельетона «Оба лучше», так как в целях конспирации фельетон был напечатан в «С.-Петербургских ведомостях» за подписью «В. Б.».

⁵ См. публикацию писем Грановского Герцену в настоящем томе.

⁶ В ответ на сопоставление с Павловым, сделанное Мельгуновым, Герцен писал к М. К. Рейхель: «...Он, скажите ему, совсем на старости лет рехнулся. Вообразил, что мне завидно, что Павлов пишет о Грановском. Ах, он еретик!» (VIII, 417).

⁷ Подразумевается издание «Записок охотника» в переводе Делава (1858).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «КТО ВИНОВАТ?»

Рисунок М. С. Протасьевой, 1947 г.

Литературный музей, Москва

(Париж.) 19 марта (1857 г.)

Грешный человек, не понял! Но ведь и ты хорош: придал важность той глупой шутке. Неужто ты в самом деле подумал, что я считал тебя способным обидеться вздором? ¹

Ты говоришь, между прочим, что 7-я заповедь только для счету. Нет (...)

Тургенев воротился сплиннее, чем прежде. Он ездил в Дижон проветриться и пописаться; только ничто не удалось. А здесь, в русской колонии, прошел слух, будто Тургенев и Толстой отправились к тебе, а

сказали, что едут в Дижон, только для виду. Я позволил себе обидеться этим предположением от имени всех троих². За кого ж принимают обоих «Современников», но пуще всего — за кого ж принимают тебя? Только в rue Joubert, 4 * ездят люди втихомолку. Вот оно, до чего доводит нас III Отделение!

Если уладится перевод твоих «Записок», я тебя тотчас уведомя. Разумеется, прежде чем печатать рукопись, Ляво ее перешлет к тебе для просмотра. Согласен?

За что же ты, однако, так нападаешь на Тургенева? Когда-то и ты издавал книжки для французов. Ты уже слишком на них восстаешь. Когда прочтешь мои «Заметки» в «Русском вестнике»³, то увидишь, что нельзя и меня обвинять в излишнем к ним пристрастии; но все-таки, Францией пренебрегать не следует. Между ею и нами еще слишком много общего. Если она при смерти, то и мы не совсем здоровы. Мы все лежим в одной клинике, только в разных палатах; и лечиться нам всем надо. А Франция была и осталась интересным субъектом.

Кстати о «Русском вестнике»: с ним была на днях какая-то цензурная бедушка⁴; только еще неизвестно, какая. Слишком зазнался этот барин: позабыл, что он *Русский*. А жаль, если бедушка будет иметь последствия: есть в нем отличные статьи; и направление тоже недурно.

Соглашаюсь, что французы как рассказчики — не самого первого сорта. Однако и тут нельзя их безусловно обвинять в фразерстве. Я, например, страх люблю Мериме, как рассказчика. Ну, и Ж. Санд так себе. Но вот кого ты позабыл — итальянцев, например: из стариков — Боккаччо, а из новых — Мандзони⁵. Они как *эпические* сказочники превосходны. Англичане же твои, в моих глазах, не идеал совершенства. Прекрасно, но не превосходно, как раз сказал о Пушкине Casse-noisette ** — Новосильцев⁶. У англичан есть своего рода вычурность, не совсем по нутру нам, русским. Мне, по крайней мере, так всегда казалось. К тому ж они часто впадают в широкоглагольствие. В наш век вообще трудно держаться простоты: везде ужимка. Вот ее-то я и не встречаю у многих из наших, начиная с Пушкина. Ее нет и у тебя; от этого-то я и люблю твои рассказы. Давай нам поскорей Голохвастовых, кого хочешь⁷. Может быть, ты прав, и «С того берега» — твоя лучшая книга, но самую популярной будут, без всякого сомнения, твои «Записки».

Addio, обнимаю тебя, Н. М.

Правда ли, что тебе скоро и обниматься нельзя будет, а только прикладываться? Ты знаешь эпиграмму на Краевского: «Не знакомый ни с Европой, ни с родимой стороной...»⁸ Он едет познакомиться с Европой, а там поедет и по родимой.

¹ Вероятно, эти строки являются откликом на реплику Герцена в письме к М. К. Рейхель от 14 марта 1857 г. См. примеч. 6 к предыдущему письму.

² О внезапном отъезде Тургенева из Парижа см. в письме № 16.

³ См. примеч. 2 к письму № 8.

⁴ Цензурная «бедушка» с «Русским вестником» — затруднения, которые чинила цензура опубликованию повести Н. Основского «Порода хищников». Начало повести было напечатано в январском номере «Русского вестника» за 1857 г., окончание — в июньском. См. следующее письмо.

⁵ Алессандро Мандзони (1785—1873) — выдающийся итальянский поэт и романист.

⁶ Петр Петрович Новосильцев (1797—1869) — кавалергард, в 40-х гг. — московский вице-губернатор и камергер, в 50-х гг. гражданский губернатор в Рязани. В московских литературных кругах был прозван «casse-noisette».

⁷ Очевидно, Герцен в не дошедшем до нас письме советовался с Мельгуновым о том, публиковать ли страницы «Былого и дум», посвященные Д. П. и Н. П. Голохвастовым.

⁸ Эта эпиграмма на Краевского неизвестна.

* на улице Жубер, 4 (франц.).

** Щелкунчик (франц.).

28 марта (1857 г.) Париж

Так как в самом деле я, как и все мы, «сегодня граф, а завтра прах», то и посылаю, на всякий случай, письмецо к Титову. Береги его, и—если б понадобится, — перешли к Титову через Ротшильда. Три тысячи рублей серебром обеспечивают и его ссуду, и тебя, если даже ты поручился и в тех 2000 fr., о которых я просил тебя вчера и еще раз преусердно усердно прошу сегодня.

Вот что случилось с «Русским вестником». Какой-то Основский выставил в плохой повести всех известных шулеров, мертвых и живых, но так, что их можно тотчас узнать. Хоть их и преследуют у нас, но между ними есть люди крупные, до которых опасно дотронуться. Таков, например, Брискорн, который еще при мне, в прошлом году, получил высокое место в военном министерстве. Правда, с тех пор он был сменен, что показывает, что у нас есть-таки кой-какое общественное мнение (вся Россия возопила при его назначении) и что правительство принимает в уважение общий голос.

Кстати, об общественном мнении: подписка на «Русскую беседу» идет очень плохо. После «Москвитянина» это самый последний журнал. Хорошо, что ты поспешил поколотить Филиппова ¹ с братией, потому что скоро они будут ограждены пословицей: лежачего не бьют.

Сейчас иду к Тургеневу и передам ему поклон от тебя и от Саффи. Несу также показать ему твою «Варьяцию на старую тему». Это экзemplяр Марии Каспаровны, без конца; я остановился в нем на твоей вере в русский народ. До сих пор все так, и хорошо. Спасибо и за «Семеновскую историю» ², и за стихи. Но с чего ж ты взял, что они сложены солдатами? Напротив, их сложили грамотей-офицеры, между прочим и граф Толстой, который теперь здесь ³. Ему даже за это чуть не досталось в Петербурге. Правда, что песенки сложены так, что, говорят, все солдаты их знали наизусть и, разумеется, кое-что и от себя приладили.

Уж, много опечаток в «Правах русского народа»! ⁴ Например, на первой странице: «молчать — сколько *ему* угодно», вместо: *душе*. Или: «в отставке быть избавлену от *визитов*» (?), вместо: *взысков* и пр. Да что же ты становишься таким англичанином-прюдом? * Ты выкинул целую фразу: «душа божья, голова царская, а ж... барская». Жаль — ведь это *народная* поговорка, которую следовало бы сохранить.

Спасибо, что слушаешь и не бьешь, а только щелчки даешь. Правда, что я не умел вести дела, и теперь — в наказание — поплачиваюсь не столько деньгами, сколько беспокойством. Но скажи, бога ради, много ль у нас умеющих вести дела? Ты сам спасся только тем, что оставил Россию и перевел капиталы. Посмотрел бы я на тебя в самой России! Нет, мы — говоря гуртом — честны, по-моему честнее здешних, но у нас у всех нет методы — ни в делах, ни в жизни, ни в чем. Мы народ антиметодический по преимуществу. Сверх же того — время, как и хлеб, у нас нипочем? Оттого-то и прожили мы тысячу лет, а все еще юноши, молокососы.

Но ты не беспокойся, друг; никак не обанкручусь и все выплачу до копейки. Я на этот счет педант, и долг меня мучит, как кошмар. Поэтому я несколько не вменяю себе в заслугу, что аккуратно уплачиваю долги.

Addio. Твой Н. М.

¹ О соредакторе А. И. Кошелева по «Русской беседе» в 1856—1857 гг. Тертий Иванович Филиппов (1825—1899) Герцен прямо в печати не упоминал. Мельгунов имеет в виду критику славянофилов в статье Герцена «Еще вариация на старую тему».

* чопорным (от англ. «prude»).

В частности, к Филиппову относятся следующие строки: «... не так давно один из них пустил в меня, под охраной *самодержавной* полиции, комом отечественной грязи...» и т. д. (VIII, 486). Герцен говорит здесь о выпаде Т. И. Филиппова против него самого и против романа «Кто виноват?» в статье о пьесе Островского «Не так живи, как хочешь», напечатанной в первой книжке журнала «Русская беседа» за 1856 г. (ср. VIII, 338—339).

² «Семеновская история (1820)» — статья (без подписи), напечатанная в «Полярной звезде» на 1857 год.

³ Мельгунов имеет в виду напечатанные в «Полярной звезде» на 1857 год «Две песни крымских солдат». К первой из них («Как восьмого сентября...») редакцией сделано примечание: «Эти две песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь особого автора, и в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора». Между тем, вторая песня — «Как четвертого числа...» — действительно была сочинена Л. Н. Толстым.

⁴ Коротенькая сатира «Права русского народа» напечатана в той же книжке «Полярной звезды» (без подписи). Отметим, что эта же сатира была снова использована в известной агитационной кампании 1869 г.: она была выпущена — вероятно Огаревым — в виде отдельной листовки.

20

(Париж.) 3 апреля (1857 г.)

Я не тотчас отвечал тебе на твое последнее письмо по двум причинам: во-первых, у меня такой сделался флюс, что я во всех отношениях стал ни на что не похож; во-вторых же, присоединились к этому известные тебе хлопоты, которые я едва сумел отстранить в трое суток, причем в первый раз отроду встретился лицом к лицу или рожей к роже (потому, что у меня теперь страшнейшая рожа) с huissier! * Взять под залог бриллиантов не так легко, по крайней мере не так скоро. В последнем письме я забыл тебе сказать, что мне *необходимо* было выкупить бриллианты, потому что жид имел надобность в деньгах (теперь выгоднее играть на бирже, чем давать займы по 50%). К тому ж проклятое английское воскресенье замедлило целым днем твой ответ; словом, когда пришло твое письмо, я не знал, какому угоднику продать душу. А между тем, словно за тем только, чтоб раздражить еще больше, Павлов присылает депешу: «Rougemont-де выдаст деньги по простому телеграфному извещению Ценкера»; а Rougemont мне велит сказать, что он подобных операций никогда не делал и делать не будет; да к тому же от Ценкера до сих пор никаких извещений — ни по почте, ни по телеграфу. Что тут будешь делать! Я отправил целую тучу писем и вчера опять депешу; авось теперь скоро разрешится мой кризис, в котором ты, любезный друг, мне помог донельзя. Восхваление и возблагодарение тебе за это! У меня во всех этих тревожнениях одно утешение: из здешних русских не я один в таком положении, не меня одного корреспонденты, друзья и родные оставляют без денег. Экая дьявольская беспечность славянская!

Между прочим, Тургенев находится точь-в-точь в таком же положении. А еще у него дядя хозяйничает и от него наживается! Просто из рук вон. Вчера Тургенев навел на меня страшную грусть, от которой никак не могу отделаться. Что ни говори про его мнительность, но есть факты, которые делают хоть кого мнительным. Не успел он осенью приехать в Париж, как у него возобновилась невралгия¹ {...} Рикор, с которым Тургенев советовался, говорит, что его болезни должно уже быть лет десять. Злодей к тому же намекнул, что болезнь неизлечима. Другой доктор-специалист сказал то же. Тургенев слабеет и худеет страшно, ноги у него подкачиваются, словом — того и гляди, что с ним будет то же, что с Гейне. Ты не поверишь, как мне его жаль. Кроме того, что жаль его таланта и ума, мне жаль его как крайне доброго, истинно славянского человека. Я уговариваю

* судебным исполнителем! (франц.).

его ехать на лето в Гастейн, в Сиирии. Уговори и ты его: эти воды необычайно живительны. Он хочет выехать отсюда к тебе около 20 апреля, но чуть ли не удерживает его здесь безденежье.

Ты должен был получить вчера вторую статью о Грановском, которую послал не я, а Тургенев, потому что экземпляр принадлежит ему. Против Григорьева есть уже статьи Кавелина, Галахова; Павлов пишет ко мне, что оканчивает свою и что она ему удалась. Пришиби-ка ты этого негодяя окончательно ².

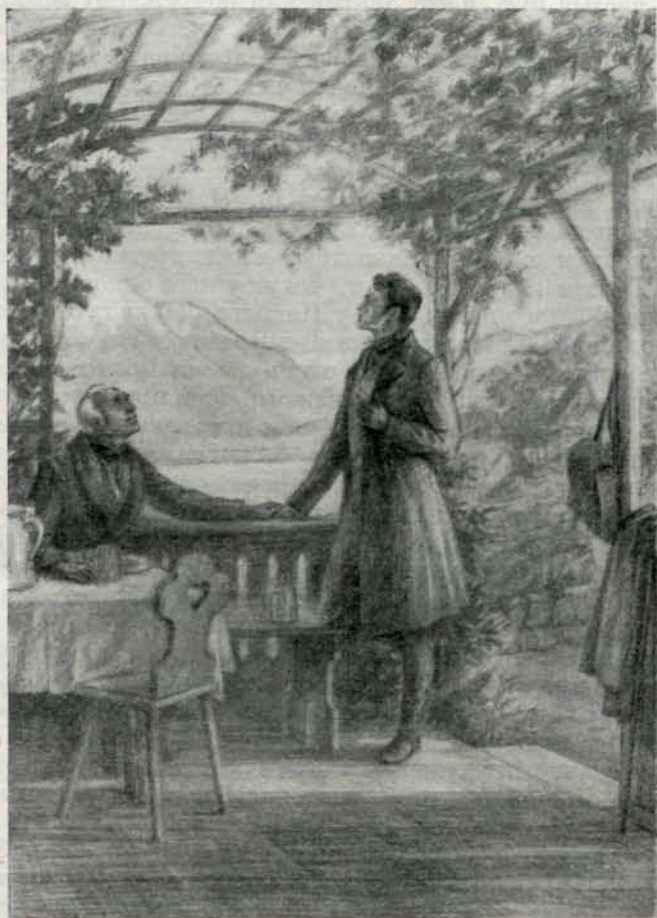

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «КТО ВИНОВАТ?»

Рисунок М. С. Протасьевой, 1947 г.

Литературный музей, Москва

Здесь прошел слух, будто Кавелин назначен секретарем в Комиссию об освобождении крестьян ³. Ты знаешь, что она (презус — Меншиков, члены — Блудов, Шаховской, Корф и пр.) заседает и сидит на месте уже несколько месяцев, но все ни с места. А между тем помещиков душат, как еще никогда не душили. Новоприезжие русские рассказывают, что в прилегающих к Москве губерниях убито в несколько месяцев больше помещиков, чем в последние десять лет. А министром внутренних дел назначен, на место старого шута Ланского ⁴, тоже старый, но уже не шут, а просто дурак, Игнатъев, бывший в последнее время петербургским

генерал-губернатором. Он имеет репутацию очень доброго человека, — но и только.

Вообще, как будто *доброта* — единственная мерка, по которой выбираются теперь люди. Народ говорит: «простота хуже воровства», и чуть ли не прав. Конечно, у нас при Николае было много воровства при большой дозе глупости; и потому глупость *без* воровства все-таки шаг вперед, но какой шаг, боже мой! А между тем оказывается, что телеграфическая депеша, переданная «Nord'ом», будто Суворов ⁵ назначен на место Закревского — чистый пух, и что Закревский попрежнему московский генерал-губернатор!!!

Подделом ты хлещешь их всех в своих «Варьяниях». Вчера вечером я их перечел опять, и они мне *очень* понравились. Живо, умно, остро (как всегда), и главное, дельно. Ипподрому Сухозанету (что это такое?) твое письмо тоже очень нравится ⁶. В частном могут быть несогласия, но в целом так, так.

О песенках ⁷ мне потом растолковали. Что ж прикажешь делать? Я страх как туп на отгадыванье хитростей, ребусов и пр.

Как я утешаюсь в безденежье тем, что и другие русские сидят без денег, так и Тургенева утешаю тем, что не у него одного (...), но и у Василия Боткина. У этого подделом. А у Панаева рак на губе. Что за напасть на «Современников»? С Полуденским ⁸ в прошлом году случилось и того хуже: рак на языке. Полуденского очень любил Грановский в последнее время, особенно за то, что тот ему каждый день привозил разные свежие новости — не газетные. Чем грешил, тем и наказан. Как же после всех этих примеров не убедиться, что есть правосудное наказание за грехи наши?

У «Русского вестника» уже более пяти тысяч подписчиков.

В подтверждение того, что настает крайняя пора серьезно приступить к освобождению, приведу факт: Павлов — не наследственный, а *личный* дворянин, но его жена имеет право на владение. Вот уже пять лет, как она введена во владение после отца, и крестьяне ничего. Вдруг недавно прошел в их деревнях слух, что *м-те* Павлова не имеет права на крестьян по причине мужа, и что же? Работы остановились на фабрике, и т. д., и Павлов должен был отправиться со Сводом в руках и вызвать грамотных, чтоб прочли сами. Успокоить-то успокоил, но надолго ли? ⁹

Да, крупными шагами приближаемся мы к развязке; а в Москве, как рассказывал недавно приехавший Оболенский, не позволяют во многих домах говорить об эманципации, утверждая, что это вышло из моды, что об этом смешно толковать, что это всем надоело.

Я тут так и вижу Свербеева ¹⁰, стоящего «за существующий беспорядок».

В этом вопросе нельзя не стать в ряды *теперешних* славянофилов. Ты их, в этом отношении, не узнал бы. Даже Хомяков — ревностный эманципатор. Все это по милости Кошелева, которого эманципация — давнишний конек. За это нельзя им не сказать спасибо. Хоть чем-нибудь выкупают прочую дрянь.

Имеешь ты понятие о Чижове, что был адъюнктом математики в Петербургском университете, и пр.? Он ведь тоже славянофил, хоть и умеренный; был призываем в III Отделение по делу Кулиша, Костомарова и пр. и напоследок жил в своей киевской деревеньке. Этот Чижев получил разрешение издавать политическую и экономическую *ежедневную* газету в Москве. Это будет, вероятно, орган умеренно славянофильский ¹¹.

Ты видишь после этого, что нельзя же так-таки вовсе пренебрегать славянофилами и что следует бороться с скверной стороной их направления. Я, между прочим, в своих «Заметках» написал странички две-три о народности в науке, которые, если только пропустят, должны, кажется, положить конец глупому спору ¹².

Прощай, кланяйся Огареву.

¹ Опускаем подробности медицинского характера.

² О статьях В. В. Григорьева и Н. Ф. Павлова см. в примеч. 3 к письму № 16. Герцен посвятил В. В. Григорьеву несколько резких строк в статье «Лобное место» («Колокол», л. 3 от 1 сентября 1857 г.; IX, 15 и след.).

³ Слух о назначении Кавелина оказался неверным. Мельгунов сам опроверг его в одном из следующих писем (см. письмо № 21). Секретный комитет по крестьянскому делу (от 3 января 1857 г.) тоже был учрежден не в том составе, о котором сообщал Мельгунов. См. примеч. 3 к письму № 29.

⁴ С. С. Ланской оставался министром внутренних дел до начала 1862 г.

⁵ А. А. Суворов впоследствии сменил П. Н. Игнатьева в должности петербургского генерал-губернатора.

⁶ Мельгунов имеет в виду статью Герцена «Еще вариация на старую тему», помещенную в «Полярной звезде на 1857 год» с подзаголовком «Письмо к...». Статья эта была написана в форме письма к И. С. Тургеневу. Первоначально Герцен предполагал с конспиративной целью обозначить адресата инициалами «И. С.» «Я нарочно поставил „И. С.“, — писал он. — Можно подумать, что это значит Ипподрому Сухозанету...» (VIII, 354). Эта шутка — продолжение частых насмешек Герцена над военным министром И. Ф. Сухозанетом. На эти строки Герцена Тургенев отвечал: «Я хохотал до упаду от имени Ипподром Сухозанет и вовсе не вижу причины, почему тебе не поставить букв И. Т. Разве они не могут обозначать Илигабал Тизенгаузен? Сделай одолжение, не стесняйся...» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», цит. изд., стр. 91).

⁷ Смысл этих строк о «песенках» остается неясным.

⁸ Речь идет о малоизвестном лице — брате А. П. Полуденского. Упоминание о нем встречается в переписке В. Г. Белинского («Письма», т. III, цит. изд., стр. 291). Герцен и Грановский в начале сороковых годов были близки с А. П. Полуденским, женатым на сестре Н. И. Сазонова.

⁹ См. примеч. 1 к письму № 32.

¹⁰ Д. Н. Свербеев (1799 — 1876) — дипломат в отставке, автор двухтомных «Записок».

¹¹ Ф. В. Чижов с июля 1858 по 1861 г. издавал в Москве журнал «Вестник промышленности» с приложением газеты «Акционер».

¹² «Главным спором» Мельгунов именует ожесточенную полемику между «Русской беседой» и «Русским вестником». Poleмика началась в 1856 г. из-за напечатанных в «Русской беседе» статей и заметок, содействовавших, по мысли редакции, «развитию русского воззрения на науки и искусства», в частности из-за статьи Ю. Самарина «Два слова о народности в науке» («Русская беседа», 1856, кн. 1). В полемике приняли участие весьма многие газеты и журналы, в том числе «Московские ведомости», «СПб. ведомости», «Молва», «Москвитинин», «Отечественные записки», с 1858 г. — «Атеней». В «Современнике» Н. Г. Чернышевский дважды подробно останавливался на этой дискуссии — в «Заметках о журналах» за май 1856 г. (Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 650—661) и в «Заметках о журналах» за март 1857 г. (там же, т. IV. М., 1948, стр. 772 и сл., стр. 909 — примеч. 1 — 2). См. примеч. 7 к письму № 23.

21

(Париж.) 15 мая (1857 г.)

Начинаю, разумеется, с искреннего спасибо, любезный друг, за твое новое одолжение. Хотелось было отпустить каламбур и сказать, что хоть ты и показываешь *шши* разным властям, но сам ты вовсе не *chiche* *, когда приходится помочь близкому человеку. Но потом (отпустивши, виноват!) подумал, что ты, пожалуй, сочтешь меня способным платить тебе проценты пустозвонной монетою. Нет, каламбур мой сверх счета. Об этом последнем, т. е. о сроках уплаты и о прочем, или в конце, или в следующем письме, потому что жду кое-каких подробностей, по которым, может статься, мне удастся сказать тебе что-нибудь определенное. Тогда перешлю и вексель. Он будет на французские деньги. 48 £ = 1200 fr. 1/2% Ротшильду и 5 1/2% тебе, по расчету месяцев, уплачу вместе с капитальной суммой.

Позволь мне ради истины сказать:

1) Что Павлова задержала в Москве статья против Григорьева; о том писал вовсе не он, а лицо совершенно постороннее ¹. В литературных своих обещаниях, как и в денежных, он медлит до последней минуты: уж

* скряга (франц.).

такая московско-российская привычка. Вот издатели и пристали к горлу: давай, мол, статью, не то будет поздно. Павлов и заперся, и дела бросил — даже свои. Так, по крайней мере, мне пишут.

2) Я в последние три года чрезвычайно выиграл в практическом отношении; в Москве вник во все дела Павлова, приучаюсь держать ухо востро, а также и жить с расчетцем. У меня строгая контабельность *. Я становлюсь европейцем; дай мне только маленько времени — ты увидишь, я перещеголяю тебя. У меня будешь занимать.

Но скажи, бога ради, с чего ты взял, что я мог бы на тебя рассердиться? За что, помилуй!

Аксаков тогда же уехал. Коли не мешкать, к нему можно писать: Rome, poste restante. Уведомь, передать ли ему твои слова или оставить, пока сам к тебе приедет? Признаться, мне бы хотелось разъяснить недоумение между вами до его приезда²; а то, что за удовольствие — пойдут споры, объяснения; ты человек негибкий да и он тоже. Не написать ли? Я ему вот что сказал, и он со мною согласился: в настоящую минуту ради великих вопросов, ищущих у нас практического разрешения, споры об отвлеченных принципах должны уступить место другому. Вы, славянофилы и т. д., за эманципацию ли вы, за свободу ли слова, за простор ли в действиях? За? Давайте руку. Против? черт с вами! и берегитесь. — Но так как *против* может быть только дрянь, Булгарины с им подобными, то партия *за*, партия честных людей, должна идти дружно против подлецов и болванов, отложив до поры до времени распри о постном масле, о Николае Чудотворце и о кошихинских временах. Иван Аксаков в таком смысле и намерен издавать «Беседу», *faisant ses réserves* ** насчет принципов, которые пока должны отброситься на второй план.

Анекдот о Юсупове³ не подлежит, кажется, сомнению. Я извещу только в таком случае, коли окажется что-нибудь не так.

Помнишь: я говорил как-то о слухе, будто Кавелин назначен секретарем Комитета. Это вздор. Секретарем покойного, т. е. Комитета, был Бутков, государственный секретарь. *C'est tout dire* ***. Бутков — воплощенный петербургский чиновник, ставящий отписки и очистки дел верховной обязанностью государственного человека. Сверх того, это юродивый волокитства. Маскарады, девки и пр. — это его специальность, в которой он перещеголял министра Вронченко и которую, говорят, он принял как личину, в угоду Николаю Павловичу, любившему и в других любовные проказы.

Я рассказываю это затем, что Бутков — персонаж, душа Государственного совета. Он же был душою Комитета. Можешь себе представить, что из этого вышло⁴.

Недавно я извещал о непродаже акций на русские дороги. Кажется, поспешил уведомлением. Я передал голос, враждебный России; другие, приянные, говорят против нас. Еще ничего нельзя разобрать порядком.

Скажи, что ж это не пишете вы ничего о статейках: «С чего начать?» и «Письмо к издателю»⁵. Или Франк еще не доставил? Уж бог знает как давно отправлено. Там вложен листок, где автор просит исправить похвалы Саше⁶. Он находит сам, что хвалить еще рано и не за что. Еще несколько помилований в Польше, а также кое-кого из друзей Петрашевского. По кусочкам милует; доберется ли до остальных? Австрийский должен бы пристыдить его⁷.

Тургенев все еще откладывает отъезд. Да и с Ляво он еще не совсем кончил. Ляве я записку к Франку передал, а притом поручил справиться

* отчетность (от франц. «comptabilité»).

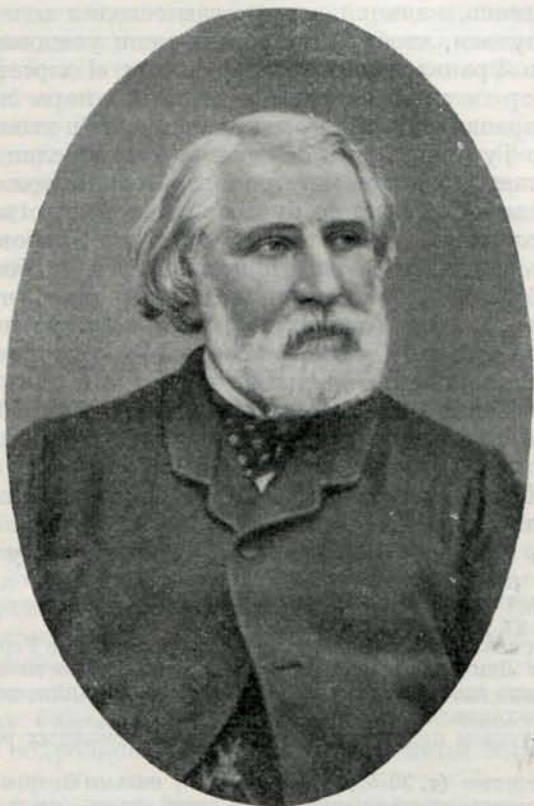
** с соответствующими оговорками (франц.).

*** Этим все сказано (франц.).

окончательно о подробностях предприятия. Ты знаешь, что издателем твоим не прежний мелкий, а новый крупный книгопродавец Dentu, который хочет издать с портретом, полиטיפажами и пр., но... просит взять для Лондона двести экземпляров (не по продажной цене, а по весьма умеренной). Но все это еще provisoire *.

Addio.

Сейчас получил второе письмо и сейчас отправляюсь хлопотать.

И. С. ТУРГЕНЕВ

Фотография, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

¹ Мельгунов старался оправдать Павлова перед Герценом, который был убежден, что именно Павлов является виновником разорения Мельгунова (VIII, 278, 280).

² И. С. Аксаков впервые виделся в Лондоне с Герценом в августе 1857 г. См. об этом свидании в письме Герцена к Тургеневу (IX, 14 — 15). Об их разногласиях см. в письмах Герцена, обращенных к И. С. Аксакову (IX; 122 — 123; XXII, 120 — 121 и др.).

³ Какой «анекдот о Юсупове» имеет в виду Мельгунов — неизвестно.

⁴ В. П. Бутков (1820 — 1881) — статс-секретарь Государственного совета; Ф. П. Вронченко — министр финансов с 1844 по 1852 г. Характеристика обоих, сделанная Мельгуновым, справедлива.

⁵ Точно установить, о каких именно «статейках» идет речь, затрудняемся. В IV кн. «Голосов из России», вышедшей в конце августа 1857 г., напечатано «Письмо к издателю», но о нем ли идет речь в письме Мельгунова, неизвестно. Заметка «С чего начать» в изданиях Герцена в 1857 — 1858 гг. не появлялась. Возможно, что об одной из этих

* предварительно (франц.).

«статеек» писал Герцен к Рейхель 9 апреля 1857 г. «Статейка, — да что это вы с Мельгуновым» плутуете? ведь, это он писал, верно, — опоздала: „Полярн(ая) звезда“ у переплетчика совсем готова...» (VIII, 424).

⁶ Саша — Александр II.

⁷ В 1856 г. в Австрии была объявлена амнистия.

22

Париж. 22 мая (1857 г.)

Наконец Тургенев, кажется, едет к вам сегодня вечером ¹.

Пользуюсь случаем, чтоб: 1) попросить меня уведомить, получены ли две статьи, через Франка, для «Колокола» или «Голосов» — по усмотрению? До сих пор ты мне ни слова, а давно бы пора придти ². Было б досадно, если б пропали; 2) объяснить, что значит в твоём письме ко мне, которое я вручил Тургеневу, что 320 талеров ты отослал к Грибовскому в какую-то Burgstrasse ³. Он мне писал (и это письмо тоже у Тург(енева)), что может подождать до 25-го; но писал в то время, когда по расчёту ему следовало уже получить от тебя вексель. С тех пор Грибовский молчит. Ты один можешь объяснить, куда ты отправил. Адрес Грибовского в Берлине: Jägerstrasse, № 9 (...) ⁴ 5) Тургенев расскажет, что письмо Огарева очень понравилось Головнину ⁵; 6) как скоро получу твой ответ насчет Ротшильда и с ним устрою это дело, — тотчас же отправлюсь в Баден, где нанял на лето un chalet *.

Вот адрес: bei m-me Buisson, Gunzenbach im Lichtenthale, Baden-Baden (Duché de Bade). Это то же, что трижды Антонский.

Ляво боится, как бы Dentu не отказался от издания твоих сочинений после знаменитой выноски во французском переводе статьи о Ворцеле ⁶. Он сам хотел к тебе писать.

Н. М е л ь г у н о в

¹ Тургенев приехал в Лондон 24 мая 1857 г.

² Об этих статьях см. в предыдущем письме.

³ На основании этих строк можно утверждать, что письмо Герцена к И. С. Тургеневу, датированное Лемке 14 мая 1858 г., в действительности относится к 1857 г. (IX, 233). Это же место дает возможность установить содержание той части письма Герцена, которая не сохранилась.

⁴ Далее мы опускаем подробности, касающиеся денежных расчётов Мельгунова с Герценом.

⁵ В «Лит. наследстве» (т. 39-40, 1941, стр. 610) письмо Огарева к А. В. Головнину напечатано по черновику с предположительной датой «июнь—июль 1858 г.». Как выясняется из публикуемого письма Мельгунова, письмо Огарева относится к маю 1857 г. См. ниже в настоящем томе аннотацию письма Мельгунова от 12 мая 1857 г.

⁶ Речь идет о примечании Герцена, сделанном к французскому изданию статьи «Смерть Станислава Ворцеля». Она была выпущена под заглавием «L'Etoile Polaire sur la mort de Stanislas Worcell (traduit du russe)», Londres, 1857 (см. VIII, 503—504). Все примечание — гневная филиппика против Наполеона III.

23

Gunzenbach, près Baden-Baden
29 июня (1857 г.)

Вот уж более месяца, как я не имею об вас вести, Александр Иванович и Николай Платонович. Посылаю это письмецо через Париж, из лени, чтоб не повторять этого два раза.

Я просил отправлять печатное на имя г. Деляво; но так как тебе, вероятно, известно, что он еще в Париже, то не у него ли первый номер «Колокола» ¹, а может и новая книжка «Голосов»? ² В Бадене, как кажется, не держат этого; по крайней мере, я не видал. Надо позаботиться, чтоб держали, потому что здесь много русских.

* дачу (франц.).

Из них я еще никого не видал. Всё — знать, которой я знать не знаю и не хочу. Есть, правда, двое знакомых, да стары, глупы и скучны. Из молодых людей, из литераторов — никого. Впрочем, я бываю редко в Бадене, да и то разве в *cabinet de lecture* *, куда русские едва ли ходят. По этой причине совершенно свежего и из первых рук я ничего не могу сообщить. Известны ли тебе не совсем новые новости из России:

Публикация нового тарифа?

Указ об упразднении военных поселений?

Московское купечество настояло, говорят, на том, чтоб удержать сколько возможно высокие пошлины ³. Оно боится за свои фабрики. Отчасти оно право: фабрики свои и пр. оно завело при охранительной системе и употребило значительные капиталы в надежде на долголетие прежнего тарифа. «*Allgemeine Zeitung*» говорит об интригах дворянства, в руках которого, как она уверяет, большая часть фабрик и промышленных предприятий. Это несправедливо; но нет сомнения, что дворяне, купцы и вообще монополисты соединились, чтоб противодействовать либеральным нововведениям покойного Тенгоборского ⁴. Я видел еще в России образчик этому: Василий Боткин, экс-либерал, -коммунист и -социалист, выходил из себя, когда речь заходила об уничтожении кяхтинских монополий, и даже подавал записку в Министерство финансов о необходимости сохранения прежней системы чайной торговли. А известно, что она в руках шести или восьми домов (в том числе и Боткиных), почему и чай у нас дорог и контрабанда английским чаем сильна.

Но экс-социалисту Василию Петровичу что за дело до потребителей?

Уничтожение военных поселений заслуживает со стороны «Колокола» полной похвалы. Впрочем, она уже воздана «*Kreuz-Donner-Wetter Zeitung*» ⁵ (т. е. Ново-Прусскою), которая косвенно не одобряет этой меры, ибо, по ее словам, «отменяется чрезвычайно полезный институт». Военные поселенцы поставлены на ногу удельных крестьян; их земли причислены к государственным; им самим предоставлены различные льготы, право личной недвижимой собственности и пр. Кстади, об удельных: ты знаешь, что новый министр государственных имуществ, Муравьев (бывший курский военный губернатор грозной памяти), вводит в свое министерство систему удельных крестьян и отменяет киселевскую систему ⁶. Надо разузнать подробности. Говорят, что военный порядок отчасти заменится патриархальным, что в сельском хозяйстве будет больше надзору, а в прочем больше простору, что, например, уничтожится жребий в рекрутстве, и т. д.

В московских журналах сильная перепалка между западными и восточными. От общих вопросов перешли к личностям: Чичерин и Павлов служат, между прочим, яблоками раздора. Из-за них «уничтожен» профессор Крылов, досталось Леонтьеву и Каткову, Самарину и Аксакову (Константину); Григорьев же похоронен — «вместе с Павловым», как пишет один: «Павлова воскресил Евг. Корш», как пишет другой. Жду молодого Павлова ⁷, который возвещает из Дрездена свой приезд: что-то он скажет?

Писал ко мне Краевский из Парижа, что 1 июля едет в Лондон. Полагаю, что будет и у вас ⁸.

Мои личные новости неинтересны. Я совершенно здоров, однако беру ванны (крейцнахские). На дом наклеиваются охотники, однако он еще не продан. Надежды на получение денег из России в течение лета увеличиваются, однако в действительность они еще не перешли. Я работаю много: отправил на днях большую статью; пишу другую; обещал третью. Хожу, ем, дышу горным воздухом — чрезвычайно много; здравую не по дням, а по часам. Гунценбах — это долина в трех четвертях часа ходьбы

* читальне (франц.).

от Бадена, высокая, поросшая сосновым лесом, в горах, с родниками, с полушвейцарским анштрихом, с коровами и с козами, с чудесным маслом и сливками. Ведем жизнь простую, тихую и — дешевую: à la campagne comme à la campagne *. Хозяйка — вдова доктора прав; в ее шалаше (русский перевод chalet) так и несет ученостью. Во-первых, Frau Doctor **; во-вторых, Шиллер с печки глядит на нас строго-вдохновенно, когда мы обедаем; а когда я играю на фортепьяно, Моцарт улыбается у меня за спиной и чуть ли не показывает мне язык. Но этого мало: в ретиреде, как говорят немцы, лежит греческий словарь; наконец, цирюльник у меня, родом из Вюртемберга, прозывается — Гегель! Его великий однофамилец произвел tabula rasa *** в моем уме, а он производит barba rasa **** на моем подбородке. Но представь: недостойный шваб никогда не слышал про философа и сначала думал, что я шучу; но потом справился и — возгордился, не хочет больше брить. Вот я, так не горжусь своими однофамильцами, даже генералом-взяточником, любимцем Петра III; разве купцом Мельгуновым, содержателем «города Парижá», гостиницы в Охотном ряду.

У меня Гегель и греческий словарь не выходят из головы. Черт знает, что за ученая страна, эта Германия! Я думаю, я скоро заговорю сзади по-гречески; ведь был же в Петербурге искусник, который «Боже, царя храни» на(...) Почему ж мне не делать того же с аористами и с гекзаметрами?

Где Тургенев? Не заедет ли в Баден? Или не придет ли в Париж? Я надеюсь ему скоро уплатить должные пятьсот франков. Из кожи лезу и с прочими долгами.

Вчера получил письмецо от Рейхеля из Дрездена. М-те Станкевич приезжала туда за Марьей Федоровной и тотчас же увезла ее. Была ли Марья Федоровна у вас, как располагала? ⁹ Впрочем, оба супруга в торговле от Дрездена, от сделанного им приема и от прочего.

А прогос Рейхеля — о Бетговене. На днях читал я новую книгу Улыбышева ¹⁰: что за трагическая участь этого несчастного великого человека! (Я разумею не Улыбышева.) Меня давно ничто так не волновало, как эта биография: благородный, смешной, странный, глубоко несчастный, великий Бетговен! Это Байрон Германии. Байрон мог родиться только в Англии; Бетговен — только между немцами. Прощайте.

¹ Эти строки — одно из первых дошедших до нас упоминаний о «Колоколе» в письмах корреспондентов Герцена. Помеченный «1 июля 1857», первый лист «Колокола» был фактически выпущен около 22 июня. Герцен писал в среду 18 июня 1857 г. к М. К. Рейхель: «„Колокол“ выйдет в понедельник — пришлю тотчас» (VIII, 523).

² Третий выпуск «Голосов из России» вышел из печати в начале июня 1857 г.

³ Вопросы внутренней политики России, в частности новый тариф, пошлины и пр., освещены в статье Огарева, помещенной в «Колоколе», «Правительственные распоряжения» (лл. 3 и 7 от 1 сентября 1857 и 1 января 1858 г.).

⁴ Людвиг Валерианович Тенгоборский (1793—1857) — буржуазный экономист, автор четырехтомной работы «О производительных силах России», выпущенной на французском языке и переведенной на русский либеральным профессором политической экономики И. Вернадским.

⁵ Шутка; подлинное название этой реакционной газеты: «Neue Preussische Zeitung» или «Kreuzzeitung».

⁶ П. Д. Киселева сменил в 1857 г. в Министерстве государственных имуществ М. Н. Муравьев («Вешатель») — крайний крепостник, борющийся и против весьма умеренных реформ в положении государственных крестьян, которые провел его предшественник (см. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946).

* в деревне, как в деревне (франц.).

** госпожа докторша (нем.).

*** букв. «чистую доску» (лат.).

**** букв. «бритую бороду» (лат.).

⁷ Сильная перепалка в московских журналах — полемика по поводу диссертации Б. Н. Чичерина «Областные учреждения в России в XVIII веке» и статьи о ней профессора Н. И. Крылова в «Русской беседе». В полемике принимали участие весьма многие авторы. См. статью Н. Г. Чернышевского «О новом направлении в полемике. Polemika между „Русским вестником“ и „Молвою“» («Заметки о журналах», «Современник», 1857, № 6). Сводку данных о ходе полемики см. в книге: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15, стр. 219—246. Упоминаемый в конце абзаца сын Н. Ф. Павлова — Ипполит Николаевич, литератор (ум. в 1882 г.), сотрудник «Московских ведомостей», «Руси», «Русского вестника». В 1880 г. редактировал журнал «Кругозор».

⁸ А. А. Краевский, приехав в Лондон 4 июля 1857 г., не был принят Герценом, так как пришел вместе с сотрудником «Отечественных записок» К.-Р. Липпертом, которого Герцен не пожелал видеть (VIII, 548).

⁹ М. Ф. Корш была в Лондоне с 1 по 5 июня 1857 г. (VIII, 512—515).

¹⁰ Александр Дмитриевич Улыбышев (1794—1858) — музыкальный критик и историк музыки, автор книг о Моцарте и Бетховене. Мельгунов имеет в виду книгу Улыбышева, вышедшую в 1857 г. в Лейпциге на французском языке: «Beethoven, Ses critiques et ses glossateurs».

24

Гульенбах. 2 августа (1857 г.)¹

Сюда приехал Ив. Тургенев дня на два, на три; с ним опять гр. Толстой. Этот объявил мне, что едет к вам²; Тургенев же в Париж, а оттуда с В. Боткиным купаться в океане.

Я навел справки об истории Григорьева: буквально верно³. Мне один сказал: «В Петербурге и в Москве собаки на улице знают это; Григорьев — человек, потерянный в мнении». А Тургенев мне сказал: «Герцен может смело быть уверен, что это так; что Григорьев был клеветом Липранди; в 49-м ездил в Ригу и пр. отбирать запрещенные книги и описывать книжные лавки и пр. Самые друзья его сознаются в этом, говоря, что Григорьев действовал при этом *очень деликатно!*» — Мне пришло в голову: ненависть Григорьева к немецкой науке не есть ли маскированное угрызение совести?

Propagande Russe

A LONDRES.

Pour paraître le 15 Avril:

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

L'ÉTOILE POLAIRE,

REVUE DE L'ÉMANCIPATION RUSSE,

Rédigée

Par ISCANDER (A. HERZEN).

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕМ
ВЫХОДЕ В СВЕТ ТРЕТЬЕЙ
КНИЖКИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»,
1857 г.

Центральный государственный архив
Октябрьской революции, Москва

Toutes les publications russes se vendent chez
Trübner & Comp., 12, Paternoster Row.

Ведь, он, небось, отбирал в Остзейских губерниях Гегеля и вообще философов; пожалуй, также и немецких ориенталистов.

Вот вам отличный каламбур из «Петербургских ведомостей»: графиня Ростопчина напечатала в «Северной пчеле» какой-то рифмованный донос. «СПб. ведомости» при этом случае сказали: «Литературную деятельность гр. Р-ной можно разделить на три отделения: к 1-му принадлежит то-то и то-то; ко 2-му—то-то; теперь же, после своего нового стихотворения, она, очевидно, вступает в III Отделение»⁴.

Этот каламбур произвел в России эффект. Я за него поблагодарю Краевского, который приедет сюда завтра или послезавтра.

Рассказы гр. Толстого, хоть не все, вышли несколько месяцев тому в двух томах. Стало, можете выписать⁵.

Не смейтесь, что адресую на имя Николая Платоновича. Дайте теперешнему гвалту уgomониться⁶. Но печатное можно и *под бандеродем* посылать в Страсбург: M-r Louis Trautmann, poste restante.

Грации Маркс⁷ позволяют себе шуточки: вчера выставили в окне «Русскую беседу» между «Полярной звездой» и «С того берега». — Лондонские издания распродают так быстро, что недостает экземпляров. Да нельзя ли поставить Трюбнера в прямые сношения с Грациями? Здесь русских видимо-невидимо. Русский язык с французским совершенно вытеснили немецкий и даже почти английский. Этим надо пользоваться.

¹ Орывок из этого письма был опубликован М. П. Драгомановым в «Вольном слове», 1883, № 58 от 1 апреля.

² Л. Н. Толстой в 1857 г. в Лондон не приезжал. 8 августа н. ст. он морем отправился из Штеттина в Петербург.

³ Сведения о В. В. Григорьеве Герцен включил в свою статью «Лобное место», напечатанную в «Колоколе», л. 3 от 1 сентября 1857 г. (IX, 15), сопроводив статью ссылкой: «Из совершенно достоверного письма из Москвы». Сведения о Григорьеве, полученные от Мельгунова, Герцен пополнил из какого-то другого источника, остающегося нам неизвестным.

⁴ Эпизод, о котором говорит Мельгунов, произошел в июне 1857 г. В № 125 «Северной пчелы» от 10 июня появилось стихотворение Е. Ростопчиной «Моим критикам» — реакционные вирши на тему о том, что поэта «разошлась с новым поколением». Фельетонист «С.-Петербургских ведомостей» в анонимной «Петербургской летописи» (16 июня, № 130) высмеял это стихотворение в ядовито-вежливой форме. «Поэтическая деятельность графини Ростопчиной, — писал фельетонист, — делилась на два отделения: в первом преобладал горячий негодующий лиризм, во втором созревающая мысль искала содержания более глубокого...». И далее: «Приветствуем графиню Ростопчину, вступившую в третье отделение своей поэтической деятельности, в котором определилось ее дарование окончательно».

Некоторые фельетоны на литературные темы писал в это время в «С.-Петербургских ведомостях» П. Б., т. е. Павел Басистов. Возможно, что и цитированная статья принадлежит ему.

⁵ О рассказах Л. Н. Толстого, вышедших в двух томах осенью 1856 г., Герцен писал М. К. Рейхель еще 8 мая 1857 г. (VIII, 508).

⁶ Осенью 1857 г. III Отделение предприняло при поддержке Министерства иностранных дел поход против распространения изданий Герцена. Реакционная печать Пруссии поместила ряд инспирированных статей против Герцена. Германские полицейские власти запрещали продажу его изданий. Это и называет Мельгунов «теперешним гвалтом». Из осторожности он даже свою корреспонденцию адресует не Герцену, а Огареву, тогда еще выступавшему в изданиях Герцена под псевдонимом и неизвестному ни французской, ни немецкой полиции.

⁷ Книготорговая фирма сестер Маркс во Франкфурте-на-Майне. См. также следующее письмо.

Вчера утром ты перепугал меня страшнейшим образом, а вечером привел в недоумение. В 11 часов сажусь я в вагон, чтоб ехать в Карлсру (извини, не я так прозвал город); мне подадут письмо из Страсбурга. В нем было твое, на имя Траутман, от 6 августа! Я знаю, что Траутман

справляется раза два-три в неделю; но, по небрежности страсбургской почты, письмо пролежало более трех недель. Читаю его — ты говоришь о *сентябре* как сроке уплаты Ротшильду. У меня так и подкосились ноги. Неужели я так грубо ошибся, записав у себя не 1-е сентября, а 1-е октября? Но ведь такая ошибка — дело возможное. Я благим матом в контору телеграфов, которая в двух шагах, пишу депешу, плачу двадцать франков и плачу. Делать нечего, нельзя терять ни минуты. Депешу ты, вероятно, давно получил. Вечером возвращаюсь домой и нахожу твое другое письмо, от 29 августа. Ну, слава богу, о сентябрьском сроке ни слова; стало, я не ошибся? Однако все еще побаиваюсь. К 1-му октября у меня принято тысячу мер; боюсь обещать уплатить тебе к этому времени *весь* свой долг, но Ротшильду, если только не случится чего-нибудь совершенно непредвиденного, — уплачу до копейки. С него начну; потом, по возможности в скорейшем времени, перейду к уплате за Грибовского; а там и остальные. Авось не удастся ли все уплатить в сентябре. Я твердо намерен не оставлять Гунценбаха прежде, чем расплачусь со всеми долгами без исключения. Жизнь здесь, сравнительно с Парижем, дешева; chalet нанят на весь сезон, до самой зимы; чего же лучше? Между тем подоспеют ко мне деньги из России с разных сторон. Приняты все меры.

Вечернее же письмо твое удивило меня вот чем — ты его начинаешь словами: «Мне пришло в голову, что мое прошлое письмо тебя посердило». Одно из двух: или между этими двумя письмами, от 6 и 29 августа, есть третье, которое до меня не дошло (тогда спрашиваю — куда ты его отправил и что в нем было?), или ты мог подумать, что законное и естественное напоминание о сроке уплаты в состоянии меня рассердить. В таком случае — напрасно! Я никогда не сержусь *за дело*, особенно когда не только в содержании, но и в форме нет ничего обидного. Увы, понимаю твои опасения, любезный друг; скажу больше: я их заслуживаю. Поделом вору и муча. Только напоминания твои не нужны. Не проходит дня, чтоб я, раз или два, не вспоминал о своем долге и не заботился о том, как бы поскорей расплатиться. Какой Эльбрус или Шимборассо с плеч долой, когда я скажу себе: «Никому не должен ни копейки»; когда пуще всего установятся снова мои сношения с тобою, попрежнему дружеские, но без малейшей примеси счетов и расчетов! Поставлю в тот день пудовую свечу Николаю чудотворцу, патрону моему и Николаю Филипповича. Повторяю: эта свеча, по всей вероятности, будет поставлена в течение этого месяца.

Кстати, о Павлове: был ли его сын у тебя? ¹ Представь, что вот уже около двух месяцев как ни отец, ни мать, ни я не имеем об нем ни малейшего сведения. Если он был в Лондоне, то куда потом отправился? Сообщи, что знаешь.

Крайне рад, что вы сошлись с Ив. Аксаковым². Вы стоите друг друга. Иван Сергеевич умный и дельный человек, не брату своему чета. Несмотря на свои почтенные неуспехи по службе, он на виду в России, и многие высокие люди его уважают. Да и есть за что. При следствии в Крыму, после войны, он, говорят, действовал великолепно. Его записка о ярманках, как рассказывают, — документ большой важности, который обратил на себя внимание не одного Географического общества. К сожалению, этой записки нельзя вполне напечатать. Словом, я ожидаю многого от Ивана Аксакова, и добрый будет признак для России, когда его опять примут на службу, т. е. когда он опять согласится вступить на службу. Весьма рад и тому, что «Утро в Уголовной палате» печатается³. Говорить об этом никому не стану.

Грации Маркс в отчаянии. После отказа из Лондона (Краевский им дал письмо) они писали в Лейпциг, в Берлин; отовсюду отвечают, что все распродано. А между тем, требования страшные; по несколько раз в день.

Здесь еще страшно много русских, и можно рассчитывать еще недель на шесть. Поэтому присылай к Маркс что можешь. Они жаждут твоих изданий пуще манны. У них, кажется, нет корреспондентов в Лондоне; но ведь вошли же они в сношения с m-г Stanislas⁴ через Краевского: пошли ты книги и пр. через него; отвечаю, что труд и деньги не пропадут. Я налицо и буду присматривать. NB. Краевский, в бытность здесь, не знал, как переслать в Лондон том «Звезды». Я вот на что решился: отдал его Маркс, которые его продали, а деньги вручат мне. Стало, кроме всех прочих долгов, я должен тебе еще за том «Звезды».

Вследствие полной раскупки твоих изданий, я не знаю: 1) ни второго номера «Колокола», 2) ни третьего тома «Голосов»; словом, ничего, что вышло летом. Рад бы купить, да негде. Заказывал Грациям, но все понапрасну. А потому пришли к ним поскорее; кстати, и № 3 «Колокола». Тогда бы купил и прочел.

Писем в Страсбург не посылай. Пиши, коли хочешь, прямо сюда. Но если что печатное, то в Страсбург на имя Траутмана, но без моего имени: не нужно.

Ты написал статью о Ротшильде⁵. Как же ты это решился? Ведь ты немножко связан. Слышал ли, что, по всей вероятности, Ротшильд будет дозволено открыть дом в Петербурге. Царь — враг монополий (хотя монополия чаем и продолжена, на основании записки, составленной В. Боткиным и подкрепленной складчиною монополистов); и, как мне говорил на-днях один близко стоящий к царю господин, он очень тяготится монополией Штиглица. Ротшильд будет в таком случае придворным жидом.

Кстати, об этом близко и высоко стоящем господине: он помещик и барин в душе; еще года три тому говорил, как Колпак; но послушал бы ты его теперь! Ясно, что ветер подул с другой стороны. Больно ему не хочется освобождения крестьян; а между тем *il s'est résigné* * и говорит: «В самом деле, время пришло; откладывать нельзя. Только мы-то, помещики, не нуждаемся в мужиках, а мужики будут в нас нуждаться».

А что он о правосудии-то говорил! «У нас, мол, нет ни правосудия, ни законов; в нас самих — ни чувства законности, ни чувства права; мы народ безгласный, политически невоспитанный, без упорства и твердости, словом — овцы. Хорошо делает царь, что *принял за твердое правило*, — только б его всегда держался, — *управлять как можно меньше и давать управляться как можно больше*. Иначе мы никогда не перестанем быть недорослями».

Я так и развесил уши. И добро бы говорил это Киселев, Меншиков или какой-нибудь недовольный; нет, это говорит человек, возведенный недавно в графское достоинство, получивший Александра Невского, словом — один из любимцев. Ведь это, право, утешительно⁶.

Какой это Самарин был у тебя? Ну, а Толстой? Про (...) Некрасова мне не сказал Тургенев ни слова. На беду, он его любит (...) Что ни говори, а лучший журналист у нас все-таки Краевский. Его «Отечественные записки» издаются отлично во всех отношениях. К тому ж у них есть цвет; нет глупых неосторожностей, но нет и бесполезных подлостей (последние встречались иногда; но я их называю паспортами, без которых не пропускают).

О Раупахе⁷ постараюсь узнать; только между знакомыми русскими нет у меня военных.

Моя первая статья о французах напечатана в «Русском вестнике», только выписка из «Звезды» и несколько строк об тебе, как писателе, выкинуты⁸. Достаточно очень! Краевский отстоял бы и то и другое. Ну, уж и достанется мне за эту статью! Как, против французов! Что за мрачная картина! Да неужели такова Франция и Европа?

* он смирился (франц.).

КАРИКАТУРА
НА КРЕПОСТНИКОВ«Искра», № 50 от 30 декабря
1862 г.

Теперь пишу вторую статью. Краевский вербует меня в парижские корреспонденты на следующую зиму⁹. Между тем оканчиваю для него повесть¹⁰.

Кстати или некстати: что же, напечатается ли что-нибудь из статей Ижицы?¹¹

Представь, какая досада — читаю на днях в «Badeblatt»¹²: Professor Cavelin. Я — в отель; мне говорят: вчера приехал поздно вечером, сегодня в восьмом часу уехал в Франкфурт. Я уверен, что если б он знал, что я здесь, то пришел бы ко мне. Видно, и моя записочка не дошла до него. Если ты его увидишь, то передай ему мое крайнее сожаление и скажи, что я в своей записочке предлагал ему остановиться у меня и в Гунценбахе, и в Париже¹³. Слух подтверждается, что он, по представлению Титова, назначен преподавателем русского права наследнику.

Однако пора кончить; много других писем. Кланяйся Огареву. Нетерпеливо жду твоего письма о сентябрьском сроке.

Присылай книг Марксам.

¹ Посетил ли Герцена сын Н. Ф. Павлова — установить не удалось.

² О свидании Герцена с И. С. Аксаковым см. в письме Герцена от 29 августа 1857 г. (IX, 14—15).

³ См. примеч. 8 к письму № 4.

⁴ М-г Stanislas — Станислав Тхоржевский. Он занимался сбытом изданий Вольной русской типографии.

⁵ Повидимому, Мельгунов имеет в виду ту главу «Былого и дум», в которой рассказана история «единоборства» Джемса Ротшильда и банкира Николая Романова. Герцен как раз в это время — в августе 1857 г. — подготовлял для «Полярной звезды» на 1858 год часть «Былого и дум» под названием «Запад». Глава о Ротшильде вошла в эту часть.

⁶ Возможно, что речь идет о Н. В. Всеволожском, аналогичный разговор с которым передает Мельгунов Герцену и в письме от 9 декабря 1857 г. (см. письмо № 27).

⁷ Данные об этом деле собрать не удалось.

⁸ См. примеч. 2 к письму № 8.

⁹ В 1859 г. в «Отечественных записках» были напечатаны четыре корреспонденции Мельгунова из Парижа: «Туристы вообще и особенно русские» (№ 3), «Голос русского в европейской распре» (№ 6), «Народности в истории» (№ 9), «Заметки русского в Париже» (№№ 9, 10 и 11).

¹⁰ Мельгунов писал, по договоренности с Краевским, для «Отеч. записок» повести «Фаворит» и «Сирая душа». Обе повести в печати неизвестны.

¹¹ Повидимому, «Ижица» — псевдоним Мельгунова. За такой подписью, однако, ничего в изданиях Вольвой русской типографии не появлялось. Нет ее и в «Колоколе». Возможно, что Ижица — условное имя Мельгунова для сношений с редакцией «Колокола».

¹² «*Badeblatt*» — курортная газета, в которой печатались списки приезжающих.

¹³ Свидание Мельгунова с К. Д. Кавелиным состоялось через несколько месяцев в Париже, причем тогда же выяснилось их полное политическое единомыслие. См. в приложении к настоящей публикации письмо К. Д. Кавелина к Герпену (с припиской Мельгунова).

26

11 ноября, (1857 г.) Баден. вечер ¹

Пишу к тебе лишь несколько строк, любезный Александр Иванович, чтоб известить тебя, что завтра утром я оставляю Баден и еду в Франкфурт-на-Майне, куда и пиши, коли хочешь, *poste restante*.

Еду по делам, еду затем, чтоб поскорее с тобою расплатиться.

Страшный денежный кризис в Европе и Америке, предстоящее освобождение крестьян в России производят повсюду такую сумятицу, что мои прежние виды на скорое получение денег рушились, и я должен искать средств извернуться иным образом.

Впрочем, не думай, что так вот я и останусь без денег. Об них хлопочут в Москве, кроме Павлова, Кошелев и Шевырев, сверх того, еще двое, которых ты не знаешь. Но это своим чередом, а Франкфурт — своим. Недели через две, много три, надеюсь выслать тебе оттуда часть своего долга, может — четверть или треть. Буду стараться: в этом можешь быть уверен. Теперь я *только о том и думаю*, как бы поскорей с тобою расплатиться.

Что тебе вздумалось учить меня экономической азбуке? Я думаю переслать к тебе деньги *по почте*, потому что это, особливо теперь, обойдется несравненно дешевле. Вот то-то и есть: учишь других, а сам порядком не знаешь дела.

Но уж это *моя* забота, как переслать деньги; только б были доставлены.

Ты бранишь за *небрежность*, что не выслал процентов. Да я думал все разом, и без переписки.

Девушки Маркс едут скоро в Лондон по книжным делам и взяли у меня твой адрес. Им хочется завести с тобой *прямые* (*honni soit qui mal y pense**) сношения. Это очень цирлихные и манирлихные старые девы; только об ветхом завете ты с ними лучше не говори. Твоя к ним присылка пришла слишком поздно; да в ней и было мало нового. Однако они оставляют ее до следующего лета. В нынешнем году требования на твои издания были страшные.

Не найду ли во Франкфурте последних номеров «Колокола»? Третью книжку «Голосов» приносил мне здешний мой доктор, который вздумал учиться по-русски. Ты того и гляди, что выучишь немцев даже и *honorit* по *russsky*.

Что, каково здоровье Огарева? Надеюсь, что операция оставила одни только добрые последствия. Пожалуйста, пару строк об Огареве ².

Твоя посылка дошла до меня благополучно. В этом номере мне особенно понравилась статейка по поводу книги Корфа ³. И дельно, и тепло.

А ведь в России много добрых начатков! Титов выбрал Кавелина и Бабста в учителя наследнику. Теперь того и гляди, что Кетчер попадет в дядьки, а ты — в законоучители.

* да устыдится заподозривший тут плохое (франц.).

Ну, а освобождение крестьян с землею; а печатные толки о необходимости ввести у нас суды присяжных и сословие адвокатов; а большие и большие размахи мысли?

В Петербурге будет издаваться какой-то русский «Шаривари»⁴. Что бы тебе записаться в сотрудники?

Прощайте, до скорой высылки.

М.

¹ Орывки из настоящего письма были опубликованы М. П. Драгомановым в журнале «Вольное слово», Женева, 1883, № 58 от 1 апреля.

² Огарева оперировали 15 октября 1857 г.

³ Статья Гердена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», напечатанная в «Колоколе», л. 4 от 1 октября 1857 г. (IX, 24—34).

⁴ «Шаривари» — французский юмористический журнал. Под русским «Шаривари» Мельгунов имеет в виду журнал «Весельчак», начавший выходить в 1858 г.

27

(Франкфурт на Майне.) 9 декабря (1857 г.)¹

Я исправно получил номер 5 и хоть дорого заплатил за него (42 крейцера), но все-таки весьма тебе благодарен. Спешу сообщить кое-что по этому поводу. Я показывал номер разным русским, из которых иные недавно из России. Они все подтвердили строгую точность известий². Разумеется, этот номер, который и без того показался мне самым интересным из всех, получает от достоверности известий двойную цену. Вообще, я вижу с радостью, что число твоих корреспондентов увеличивается и что ты все более и более находишь сочувствия в России. Давай-то бог! Великое дело настойчивости!

Не знаю, известно ли вам, как кончилась история студентов. В развязке есть и утешительное и горькое. Начну с последнего. Студентам дозволено было выбрать себе представителя при следствии. Они, как меня уверили, выбрали Баршева, который отлично выполнил свое дело. Следствие показало, что полиция кругом виновата. И что, ж? Сменен один частный пристав; на него одного свалили всю вину. В Москве были уверены, что Беринг не усидит, тем более, что попечитель горячо взял сторону студентов и расположил в пользу их государя. Но Закревский сказал, что если сменят Беринга, то и он подаст в отставку. А этого его величество не желает, ибо, по слухам, Орлов и прочие старики уверили его, будто Закревский необходим.

Вот скверная сторона; теперь отрадная. Ты знаешь, вероятно, что перебитые и перераненные студенты — поляки. До сих пор между польскими и русскими студентами в Москве существовало обоюдное отчуждение. Оно происходило от двух причин: от не совсем приятного чувства поляков к русским товарищам (но не наоборот) и от того, что поляки почти исключительно казеннокоштные, медики, бедны и не всегда-то порядочны. А с медиками да еще казенными прочие факультеты мало якшаются. Теперь же, после этой истории, как меня положительно уверяют, русские и поляки побратались, и дружба между ними страшная. Русские студенты горю стали за своих польских товарищей и при всяком случае наперерыв показывают, что и знать не хотят больше про племенное различие. *A quelque chose le malheur est bon* *; а это *quelque chose* ** отлично.

Теперь в России все и всё ждет эманципации. Самые рьяные из помещиков присмирели. При этом случае сообщу я свой вчерашний разговор с Никитой Всеволодским³, у которого несколько тысяч душ, который часто охотится с царем и что-то вроде гоф-маршала при дворе: «Крестьян освободят — прекрасно! Откладывать больше нельзя; стало,

* и несчастье на что-нибудь годится (франц.).

** что-нибудь (франц.).

чем скорей, тем лучше. Ну, а потом? Освобожденные мужики станут казенными; ну, а казенные? Останутся тем, чем были? Ну, а мы, дворяне? а купечество? Прекрасное, необходимое дело — эманципация; но этого мало. Для России и для нас всех нужны права, гарантии. Вот куда должен гнуть Герцен. Не Беринг и не Закревский главное; разумеется, это свиньи; кто ж у нас этого не знает? Главное то, что Беринг и Закревский возможны. А отчего возможны? Оттого, что нет общественного мнения. А отчего его нет? Оттого что мы все, и мужики, и дворяне, все живем в полном бесправии. Вот о чем Герцену следует долбить беспрестанно».

Передаю с дипломатической точностью. Пожалуй, можешь напечатать, не называя имен. Дела мои подвигаются; буду извещать тебя. Из кожи лезу. Огареву поклон.

М.

¹ Напечатано М. П. Драгомановым в журнале «Вольное слово» (Женева, 1883, № 58 от 1 апреля) с ошибочной датой: «2 декабря 1857».

² В л. 5 «Колокола» от 1 ноября 1858 г. напечатано несколько корреспонденций из Москвы и из других мест России, в частности о полицейской расправе со студентами (см. IX, 51—56).

³ Никита Всеволодович *Всеволожский* (в начертании Мельгунова — Всеволодский) (1799—1862) — камергер, ведавший придворной охотой, действительный статский советник, гофмейстер. В юности Всеволожский был близок к Союзу Благоденствия — основал общество «Зеленая лампа».

28

(Париж?) 3 февраля 58

Много воды утекло с тех пор, как я писал к тебе. Час спустя после отсылки последнего письма на почту я прочел в «Nord» знаменитые рескрипты и циркуляры об освобождении крестьян ¹. С тех пор дело идет вперед — в направлении, данном сверху. Хорошо оно или дурно — решит время; но дело начато, и, помимо самой задачи, поднятый вопрос дает повод к манифестациям, приучающим нас к политической жизни. Недарно был в Москве обед эманципаторов, с свечами и тостами за освобождение ². Даже за границей, в Париже, русские составляют митинги: ты, верно, читал речь профессора Капустина ³. Все это, право, недурно. С другой стороны, слух о восстании крестьян в Ярославской и других губерниях не подтверждается. Дело, кажется, обойдется мирно. Великое у нас дело — начин правительства. Несколько лет тому назад размежевание казалось у нас чем-то вроде квадратуры круга, а теперь почти вся Россия размежевалась ⁴. Авось не будет ли того же и с эманципацией. Тамбовское дворянство подало было голос о несвоевременности освобождения; царь, через Ланского, поморщился; и вот, то же тамбовское дворянство находит теперь, что освобождение своевременно ⁵. Дворянству польских губерний приятно видеть, что оно, став во главе движения, подало пример и русскому дворянству.

Что-то говорит обо всем этом «Колокол»? За декабрьский номер много спасибо; вышел ли январский? Жалею, что ничего не имею сообщить вам; русские, которых вижу, давно из России и ничего не знают нового.

А Беринга-таки отставили: *mieux (vaut) tard que jamais* *. По русским газетам, отставка сухая, в смысле: выброшен из службы. Стало, мнение в России начинает же иметь кое-какую силу **. Не последует ли за Берингом и Закревский? Этой веры русские, которых вижу ⁶.

Получаете ли вы журнал Евгения Корша? Я его еще не видал и знаю только оригинальное объявление о журнале, благородное, но не совсем ловкое ⁷. Я вдвойне рад этому журналу — и потому, что ожидаю видеть в нем дельный и благородный критический орган, и потому также, что

* лучше поздно, чем никогда (франц.).

** Не помог ли этой отставке «Колокол»? — *Примеч. Мельгунова.*

авось не даст ли он оседлости Коршу и его семейству. С Катковым же он не сварил бы пива. Представь, что Катков сделал со мною: прошлой зимою я написал, как ты знаешь, большую статью о Франции и о французах, которую отправил к нему в начале лета. Статья ему *очень* понравилась, и он хотел поместить ее в одной из июльских книжек. Я, между тем, принялся за вторую статью, которая наполовину написана. Но первая статья,

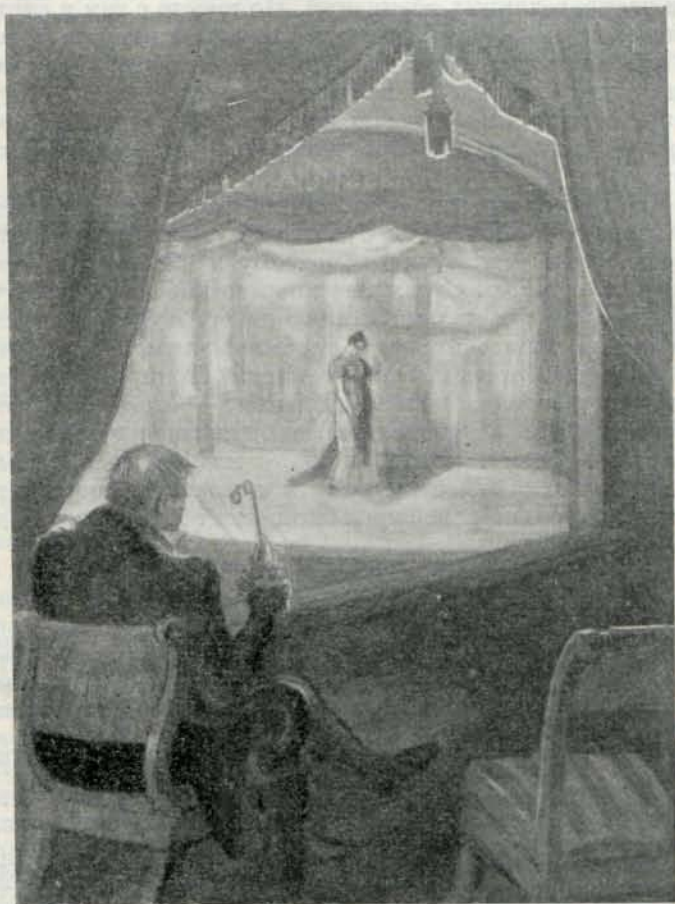

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «СОРОКА-ВОРОВКА»

Черная акварель В. Я. Тарасовой, 1951 г.

Литературный музей, Москва

сколько мне известно, еще не напечатана—знаешь ли почему? Потому что у Каткова такой беспорядок, что он статью мою *затерял*; а я написал ее набело, и другого экземпляра у меня нет. Каково это тебе покажется? Слышу, что подобные пропажи у Каткова не редкость. О, москвичи!

Это невольно наводит мою речь на Павлова. Я, кажется, еще не говорил тебе, откуда надеялся получить деньги для уплаты своего долга. У Павлова большая фабрика солдатских сукон. Еще в 49-м году я имел глупость, вместе с большим капиталом для покупки имения, дать, и довольно значительные, залоги для поставки сукон в казну. Справедливость требует сказать, что, со времени вторичного поступления Павлова в управление жениным имением, и поставка сукон в казну, и уплата мне процентов шли довольно исправно. Но пятимесячная остановка фабрики да еще

кое-какие грехи замедлили поставку, а через это и уплату процентов. Я надеялся, — и Павлов в каждом письме повторял тоже, — что в прошлом сентябре я получу непременно от четырех до пяти тысяч рублей серебром. Вот почему, рассчитывая на эту сумму, я и просил у Ротшильда отсрочки! Но поставка и до сих пор не сделана; стало, и деньги из департамента мануфактур еще не получены.

Я счел необходимым сообщить тебе эти подробности, во избежание недоумений и несправедливых обвинений. Но вместе с тем я считаю необходимым сообщить тебе и свои надежды: фабрика с августа идет, хоть еще и не совсем правильно; поставка подвигается вперед, и через месяц, много два, как мне пишут, деньги из департамента получатся. Могу покамест уверить в двух вещах: в настоящую минуту хлопочу прежде всего о том, как бы поскорей выслать тебе проценты; а потом буду заботиться и об уплате капитала.

Насчет этого скажу вот что: пока мне не пришлют денег, которые следуют из департамента, мне нельзя будет двинуться с места и того менее — ехать в Россию. Стало быть, уже и поэтому я не оставлю чужих краев, не расплатившись с тобою. Страх мне хочется побывать в Путнее; авось весною не привезу ли сам должных мною денег. Куда бы я был рад!

Покамест живем мы здесь тихо и скромно; злым языкам придаться, кажется, не к чему. Впрочем, что я говорю? Придаться всегда можно. Одна из напастей человека, который должен, — это право, которое присваивает себе встречный и поперечный, вмешиваться в чужие дела и комментировать их по-своему. Я этой напасти подвергаюсь в колоссальном размере; и уже она одна может заставить человека предпринять геркулесовы подвиги, чтоб только освободиться из-под общей и редко доброжелательной опеки.

Огареву дружеский поклон и рукожатие.

Кто автор книги «*La Russie il y a cent ans*»? *8

¹ Мельгунов имеет в виду рескрипты Александра II на имя виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора В. М. Назимова (от 20 ноября 1857 г.) и на имя петербургского военного генерал-губернатора П. Н. Игнатьева (от 5 декабря 1857 г.). После рассылки этих рескриптов началось образование губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу.

² *Обед эманципаторов* состоялся в Москве 28 декабря 1857 г. по поводу обнародования рескриптов от 20 ноября и 5 декабря. В нем приняло участие около 180 человек. На обеде с либеральными речами и тостами выступили М. Н. Катков, Н. Ф. Павлов, И. К. Бабст, К. Д. Кавелин и откупщик В. А. Кокорев (см. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I. Берлин, 1860, стр. 182—203).

³ Михаил Николаевич *Капустин* (1828—1899) — либеральный юрист, с 1850 г. профессор международного права в Московском университете, впоследствии попечитель дерптского и петербургского учебных округов. Автор статей по международному праву и его истории. Речь М. Н. Капустина, прочитанная Феофистовым на банкете, устроенном в честь «Татьянина дня» в Париже профессорами Московского и других университетов, была изложена в газете «*Nord*», № 30 от 30 января 1858 г.

⁴ Либеральный характер воззрений Мельгунова весьма ярко сказался в его восторгах по поводу «мирного» размежевания. «Размежевание», о котором он говорит, — так называемое «специальное межевание» владельческих земель (оставшихся неразграниченными при общем «генеральном межевании» XVIII—XIX вв.), которое вызывало большие споры и было в основном закончено в 50-х годах XIX в. при посредничестве правительства.

⁵ См. заметку Герцена «Тамбовское дворянство» (IX, 124) и стр. 518—519 настоящего тома.

⁶ В л. 6 «Колокола» от 1 декабря 1857 г., в заметке «Москва», сообщая о том, что А. А. Закревскому — московскому генерал-губернатору — удалось отстоять своего подручного, обер-полицеймейстера Беринга, Герцен писал: «Вот вам и либеральный император, вот вам и сила общественного мнения!» (IX, 64). На эту фразу и возражает Мельгунов.

⁷ Речь идет о журнале «Атеней», начавшем выходить в Москве под редакцией Е. Ф. Корша и Б. Н. Чичерина с января 1858 г. и просуществовавшем немногим более

* «Россия сто лет тому назад» (франц.).

года. В объявлении, составленном Е. Ф. Коршем, редактор, иронизируя над самим собой, писал: «Положение человека, который должен скромно протрубить на весь мир о надеждах на успех своего собственного предприятия, исполнено неподдельного комизма...» И дальше Корш заявлял: «...*сколько* *пусть* *всемирных* *предсказаний* *и* *обещаний*» («С.-Петербургские ведомости», № 250 от 16 ноября 1857 г., курсив наш.— Н. З.). Подчеркнутые слова легко могли быть восприняты как выпад против широковещательных посулов либеральничающего правительства. Это, повидимому, и назвал Мельгунов неловкостью в объявлении об «Атенеях».

* Мельгунов говорит о книге «La Cour de la Russie il y a cent ans, 1725—1783», выпущенной анонимно в Берлине в 1858 г. издателем Фердинандом Шнейдером. Книга представляет собой извлечения из депеш английского и французского послов при русском дворе. Она была подготовлена к печати А. И. Тургеневым.

29

(Гомбург.) 21 марта (1858 г.)

Для меня наступило время перелома, где решается вопрос, скоро ль и когда именно развяжусь я с долгами. Вот почему так долго не писал. Долго б было рассказывать тебе, как и что; дело очень сложное; скажу одно: если б у меня была тысяча франков в кармане, я съездил бы в Вену (!) * для ускорения уплат. Не то придется, может быть, ждать до мая. А куда бы как хотелось мне расплатиться со всеми поскорее, да воротиться в Россию, сколько потому, что в России теперь интересно жить, столько и затем, чтоб окончательно устроить дела и выручить свои капиталы. Ух, тяжело иметь долги, особливо вдали от места, где имеешь деньги; как ни хлопочи заочно, как ни переписывайся, все идет не так, как бы следовало.

Ты спросишь, зачем я поехал бы в Вену, если б у меня было 40 фунтов в кармане? Затем, чтоб обратиться к Александру Волконскому, сыну Зинаиды ¹, которого я знаю давно и коротко, который коротко знает Павловых и все наши отношения и, конечно, помог бы мне извернуться, чтоб дать возможность отправиться в Москву. Это было б тем необходимее, что и Каролина Карловна, которая проводит зиму в Дрездене, собирается в мае воссояси, и я страшно боюсь, как бы она опять чего не накуралесила ². Вот почему я и говорю, что для меня наступило время перелома.

Из этого, однако, бога ради, не заключай, чтоб твои деньги были в опасности; ничуть. Только я еще не вижу с ясностью, когда буду в состоянии расплатиться; а это-то меня и тревожит. Есть, правда, сильная надежда, что большая сумма, назначенная мною для уплаты долгов, выручится в течение первой половины этого года, но я бы хотел более, чем надеяться; я хотел бы быть *уверен* и в состоянии сказать кредиторам: тогда-то вы непременно получите свои деньги.

Не увеличивай упреками горечи моего положения и будь уверен, что я далеко не так виноват, как бы мог казаться. Если увижусь с вами нынешним летом, то ты в подробности узнаешь весь ход моих дел и уверишься, до какой степени фатализм участвует в них. Но я не унываю и продолжаю действовать настойчиво, без отдыха.

Давно собирался я сообщить вам кое-какие новости из России; теперь не знаю, новости ли это для вас.

Оппозиция дворян против освобождения заставляет опасаться, что дело скомкают, устроят кое-как для виду, чтоб потешить царя, и что, в сущности, будет хуже, особенно крестьянам. Вам известно, что в Петербурге устроен *Комитет по крестьянскому делу* (таков его официальный титул)³, в котором членами, под председательством самого царя: кн. Орлов (вице-президент), Константин Николаевич, Блудов, Панин, Брок, Ланской и пр. Трое из членов, очень крупные помещики, не имевшие ни копейки долгу, ни казенного, ни частного, заложили разом в ломбарде все свои имения. Их имена заслуживают перейти в потомство: князь

* Восклицательный знак в скобках поставлен самим Мельгуновым. — *Ред.*

(А. Ф.) Орлов, граф (В. Н.) Панин, граф (А. И.) Гудович⁴. Царь сильно на них рассердился; но так как дело было сделано, то посердился — и тем все кончилось. Но Константин Николаевич этого не позабыл. Один русский, приехавший на днях из Питера, рассказывал, что перед его отъездом весь город был занят следующим: Константин Николаевич, раздраженный помещичьей оппозицией, сказал в Комитете: «Если дворянство будет противиться этой правительственной мере, то правительство сумеет создать новое дворянство, более образованное, чем старое».

Услышав это, вице-президент встал и, закрывая заседание, сказал, что считает своей обязанностью довести слова великого (князя) *

¹ Александр Никитич Волконский — сын писательницы Зинаиды Александровны Волконской.

² Каролина Карловна — жена Павлова. Выражая опасения, что К. Р. Павлова опять «накуралесит», Мельгунов имеет в виду события в семье Павловых в 1853 г.: по жалобе Павловой, муж ее был арестован и выслан на полгода из Москвы.

³ Точное название: «Главный комитет по крестьянскому делу». Комитет этот был образован 8 января 1858 г. из прежнего (секретного) комитета; в него ввели гр. В. Н. Панина, министра юстиции; в остальном состав был утвержден прежний: кн. А. Ф. Орлов (с правом председательства в комитете в отсутствие Александра II), министр внутренних дел С. С. Ланской, гр. Д. Н. Блудов, министр финансов П. Ф. Брок, гр. В. Ф. Адлерберг, шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков, министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, главноуправляющий путями сообщения К. В. Чевкин, члены государственного совета — кн. П. П. Гагарин, бар. М. А. Корф и генерал-адъютант Я. И. Ростовцев. Летом 1857 г. в состав секретного комитета вошел также брат царя — в. кн. Константин Николаевич, оставшийся членом и Главного комитета.

⁴ См. следующее письмо и примечания к нему. Отметим, что гр. А. И. Гудович — его, по всей вероятности, и имеет в виду Мельгунов — членом Главного комитета не был. Он являлся предводителем московского дворянства.

30

(Конец апреля — начало мая 1858 г.)¹

** (о закладе) имений (А. Ф.) Орловым, (В. Н.) Паниным, (А. И.) Гудовичем, А. А. Закревским и многими другими, крупными и мелкими. Как же это вы не донесли печатно о таком факте? О нем уж и иностранные газеты говорили². Он лучше всего говорит о неохоте и о близорукости тех господ. Серг. Мих. Голицын, твой приятель, сказал на днях: «Прошу господа об одном только, чтоб позволил умереть до двенадцати лет»³.

А между тем, за исключением небольшого движения в Ковенской губернии, не было, со времени объявления правительством о своем намеренье, ни одного бунта, ни одного убийства; мужички наши ждут терпеливо и спокойно⁴.

Вот еще факт, на беду частый теперь, и о котором ваша обязанность сказать во всеуслышание громкую (...) мать. Нашлось множество мерзавцев-помещиков, которые, пользуясь остатками прежней власти, *принуждают* крестьян переносить свои усадьбы, огороды и конопляники с жирной земли на тощую, без порядочного водопоя, безо всяких удобств — затем только, чтоб завладеть удобренной землей, а крестьян заставить купить под свои новые усадьбы негодную землю, оборуш. От этого произошли не то что возмущения, а неудовольствия, упорство, которое, разумеется, перетолковывается в бунт и усмиряется en conséquence ***⁵.

Попечителем Московского университета назначен А. Н. Бахметев, женатый на Толстой, человек образованный и довольно либеральный.

Когда узнаю что еще, вас уведомя. А покамест прощайте.

* Конец письма не сохранился. — *Ред.*

** Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

*** соответственно (франц.).

Нельзя ли «Колокола» номер четырнадцатый и следующий? Все получил и за все спасибо. Многое мне очень нравится, между прочим, послание к Ростовичной⁶. Твои записки⁷, как и всегда, милы до крайности.

¹ Приблизительная дата письма устанавливается на том основании, что в тексте упомянут л. 14 «Колокола», вышедший 1 мая 1858 г. и еще не полученный Мельгуновым.

² О спешном закладе именей сановниками Мельгунов сообщал Герцену также и в письме от 21 марта 1858 г. (см. выше).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «СОРОКА-ВОРОВКА»

Черная акварель В. Я. Тарасовой, 1951 г.

Литературный музей, Москва

³ Слова С. М. Голицына были воспроизведены в «Колоколе» (л. 17 от 15 июня 1858 г., в заметке «Известный старичок...»), несомненно, на основании письма Мельгунова. Поскольку текст этой заметки М. К. Лемке не включил в Собр. соч. Герцена, воспроизводит его: «Известный старичок, князь Сергей Михайлович Голицын, скрывавший свою героическую натуру Сидя-ель-Компрадора лет около восьмидесяти, услышав об освобождении крестьян, сказал: „Прошу бога об одном только, чтоб позволил умереть до двенадцати лет...“ — ведь это *qu'il mourût!** Мы предлагаем поставить ему статую. Брут! Регул!» (Первоначально правительство предлагало сохранить «обязательные» отношения крестьян к помещикам в течение двенадцати лет.)

⁴ Герцен следил с громадным вниманием за крестьянским движением, в это время не только не затихавшим, как утверждает Мельгунов, но, напротив, разгоравшимся и нараставшим. Впрочем, и сам Мельгунов на той же странице, говоря о том, что кре-

* пусть умрет! (франц.; известное восклицание из трагедии Корнеля «Норкас», акт III, сцена 6-я).

стьянские «неудовольствия» перетолковываются в бунт и жестоко усмиряются — себя опровергает. Сообщение Мельгунова — плод лживой либеральной пропаганды, которую распространяли в это время его друзья — и Кавелин, и Чичерин, и Погодин и другие. 5 мая 1858 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «В Ковенской губернии крестьянское восстание» (IX, 230).

⁵ Сообщение Мельгуновым было использовано редакцией «Колокола» (вероятно Огаревым) в заметке «Правда ли, что множество помещиков (...) принуждают крестьян переносить свои усадьбы (...) с жирной земли на тощую...» («Колокол», л. 17 от 15 июня 1858 г.).

⁶ *Послание к Ростопчиной* — стихотворение Огарева «Отступнице (посвящено гр. Р...й)», напечатанное в «Полярной звезде» на 1858 год, стр. 302—304.

⁷ Главы из «Былого и дум», напечатанные в той же книжке «Полярной звезды»: «На могиле друга», «Наши», «Не наши», «Кончина моего отца», «Последняя поездка в Соколово», «Швейцария 1849», «Деньги, полиция», «Европейский комитет 1850—1851». Соответствующий текст в позднейшей редакции см. XIII, главы XXIX—XXXII и XXXIX—XLI.

31

Hombourg ès monts, près Francfort s./M. *.
18 июля (1858 г.) Hôtel de l'Europe

Твое поручение я выполнил, и самым отчетливым образом. Вчера я отправился в Франкфурт и осмотрел *четыре главные* книжные лавки; *езде* я нашел выставленными ваши издания и даже последний, восемнадцатый номер «Колокола». В самих же лавках лежат почти все новости, вторые издания Трюбнера и даже «Щербатов и Радищев», которых я еще не видал. Между этими книгопродавцами есть у меня приятель, который мне сообщил следующее.

Издания ваши составляют главный летний сбыт франкфуртских книгопродавцев: не проходит дня, чтоб они не продали ваших книг на несколько десятков гульденов. Сенат это знает и потому ни за что не поддается никаким требованиям посольства, если б оно и вздумало требовать запрещения¹. А через полицию в «вольном городе» сделать этого нельзя: необходимо согласие сената. Правда, посольство просило *полицию*, чтоб не продавали «Колокола» (и только его) на франкфуртских железных дорогах, для избежания огласки, ради высоких путешественников; и полиция запретила, помимо сената, потому что дебаркадеры в ведомстве полиции. Но и тут продажа «Колокола» продолжается, только под полойю: его прикрывают сюртуком или другими журналами; посольство же не преследует этого, довольствуясь лишь *наружным* запрещением, *для виду*. Сколько моему книгопродавцу известно, в Саксонии и в Пруссии запрещена публичная продажа одного только «Колокола», потому что не проходит дня, чтоб русские, приходящие за вашим журналом, не говорили ему: «То или другое у нас уже есть; мы эти книги купили вчера в Дрездене» или «третьего дня в Берлине». — «Поверьте мне, — продолжал умный книгопродавец, — *серьезно* никакое немецкое правительство не запретит продажи; для виду, в угоду русскому правительству, могут быть приняты кое-какие меры; но мы знаем, что они значат, и потому не обращаем на это большого внимания. Впрочем, не будь в „Колоколе“ выходок против прусского короля или старой императрицы, то и „Колокола“ бы не запретили».

Затем, книгопродавец изъявил свое сожаление о том, что цены на ваши книги слишком высоки и потому пугают многих русских. «В прошлом году, — сказал он мне, — книги Герцена продавались лучше, потому что сюда приезжали только богатые русские, аристократы; но в этом году русская публика переменялась: к нам приходит множество людей, которые едва по-французски говорят и которых решительно пугают высокие цены. Вот, например, „Радищев“: я не могу его продать ниже 7 гульденов (15 франков); „Звезду“ я продаю за 4 гульдена 48 крейцеров (10 франков

* Гомбург в предгорье, близ Франкфурта-на-Майне (франц.).

60 сантимов)». „Тюрьму и ссылку“, „С того берега“ и т. д. за ту же цену. „Колокол“ же мы продаем за 30 крейцеров (1 франк 20 сантимов) и при этом выручаем лишь свои деньги; барыш для нас только на книгах».

Передаю вам буквально его слова; делайте, как знаете ².

В Бадене журнал и книги, как слышу, продаются попрежнему.

Ляво пишет ко мне, что он предпринял «Русскую библиотеку», т. е. переводы, по три тома в год. Начинает он с военных рассказов гр. Толстого; потом перейдет к Ковалевскому, затем — к Герцену. Ляво хотел *начать* с тебя, но его книгопродавец побоялся ³.

Вчера видел я одного русского, прямо приехавшего из Петербурга; главная новость, привезенная им, та, что теперь *все* помещичьи губернии изъявили свое согласие: не осталось уже ни одной; и в Петербурге поговаривали о принятии *общей* меры освобождения, через которую вся Россия *к новому году* будет свободна ⁴. — Продаю за что купил.

Вчера же приехал сюда Пинто ⁵, который собирается отсюда в Лондон и поручает тебе кланяться. Ты ему писал, что переменяешь квартиру; сделай милость, сообщи, в таком случае, новый адрес.

Твоему Александру Александровичу я буду чрезвычайно рад ⁶ и вот что могу предложить ему: Гиссен, бывшая резиденция Либиха, в двух шагах отсюда, и химические традиции великого мастера еще там живы. Одним из лучших и любимых его учеников — D-г Корр, молодой про(фессор) *.

¹ Речь идет о запрещении, которому во многих городах Европы подвергались издания Герцена. Так, например, 30 мая 1858 г. Тургенев, отвечая на вопрос Герцена, писал ему, что затруднения для парижских книгопродавцев «произошли от некоторых северных *немецких* правительств, которые обратились к здешней полиции с указанием на мнимую опасность твоих изданий» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», цит. изд., стр. 117). Герцен в статье «Словобоязнь» перечисляет местности, в которых «Колокол» был запрещен: Пруссия, Саксония, Неаполь (см. «Колокол», л. 16 от 1 июня 1858 г. — IX, 241). Летом 1858 г. борьба с «Колоколом», подогреваемая III Отделением, усилилась, особенно в германских княжествах. Из письма Мельгунова явствует, что на вопросы Герцена он ответил успокоительными сообщениями. Но вскоре после 18 июля (даты комментируемого письма) «Колокол» был все же запрещен также и во Франкфурте-на-Майне. Герцен напечатал об этом запрещении заметку в л. 20 «Колокола» от 1 августа (см. IX, 289). К этому же листу прилагалось датированное 1 августа послание «Знаменитому Сенату вольного города Франкфурта-на-Майне» на французском языке (см. IX, 291—302), в котором Герцен заклеивал позорный акт франкфуртского правительства. Собирая материал для своего «послания», Герцен и расспрашивал Мельгунова о подробностях.

² Указание книгопродавца на расширение по сравнению с 1857 г. и демократизацию контингента русских покупателей изданий Герцена («множество людей, которые едва по-французски говорят и которых решительно пугают высокие цены») представляет значительный интерес. Повидимому, отмеченное книгопродавцем явление объясняется огромной популярностью, которую получил с конца 1857 г. «Колокол». Относительно цен на издания Вольной типографии Герцен в печати отвечал на аналогичный упрек в 1859 г.: «Что касается до цен, по которым продаются русские книги в Берлине, Париже и др., мы совсем не отвечаем: *эта надбавка совершенно противозаконна*» (X, 58).

³ Издание «Русской библиотеки», проектированной Делаво, не состоялось. В 1858 г. начала выходить серия переводов с русского под общим названием «Scènes de la vie russe» («Картины русской жизни»); вошли в эту серию главным образом произведения И. С. Тургенева в переводах Делаво, Кс. Мармье и Л. Виардо.

⁴ Речь идет об открытии губернских дворянских комитетов по крестьянскому делу, в большинстве тех губерний, которые ранее сопротивлялись подготовке крестьянской реформы. «Оптимистический» слух, сообщенный Мельгунову приезжим, почвы под собой не имел; в середине 1858 г. сопротивление помещиков-крепостников вновь возросло, и правительство, шедшее на поводу у реакционеров, снова предприняло меры к подавлению прогрессивной печати.

⁵ О Пинто см. примеч. 8 к письму № 2.

⁶ Сын Герцена, Александр Александрович, выехал из Дувра на континент 24 августа 1858 г., намереваясь, между прочим, посетить Мельгунова. Выполнял ли он это намерение, мы не знаем.

Гомбург. 9 сентября (1858 г.)

Я собирался писать к тебе на днях, чтоб поговорить о делах, и ждал для этого несколько дополнительных сведений, которые, вероятно, получу не позже последних чисел здешнего сентября. Скажу предварительно, что имею сильную надежду, что (К. К.) Павлова продаст в скором времени свое большое имение с фабрикой (то, которое бунтовало) и что этим она будет поставлена в возможность расплатиться со всеми своими долгами¹. Об этом пишет она сама и — что еще важнее — один из ее кредиторов, объясняющий мне подробно положение ее дел. Окончательный вывод тот, что:

со времени предположенного освобождения цены на многоземельные имения у нас значительно поднялись;

на имение Павловой уже много покупателей, дающих хорошие цены; но на снятие запрещения ей нужно девятнадцать тысяч рублей серебром, которые она ищет и, вероятно, скоро найдет.

Когда имение продается, она расплатится со мной до последней копейки; но так как она снова удалила мужа от управления, а я, в качестве главного кредитора, имею право на решающий голос да к тому ж пользуюсь ее доверием, то, говорят мне, мое возвращение в Москву необходимо.

Если так, то с ним, разумеется, связана и уплата моих долгов за границей. Мои главные кредиторы здесь убеждены в этом и дали на то свое согласие. Подтвердить это может, например, девица Héléne Wahl, живущая теперь в Париже, 58, Rue Caumartin. Мелких я и не буду спрашивать, потому что они могут не понять своих собственных интересов и наложить эмбарго на мою персону. Но ты другое дело — *тебя* я должен спросить: *permettez-moi de sortir* *, и спросить по двум причинам — как приятеля и кредитора, а также и как журналиста, публициста и прочего *иста* — го русского: не имеешь ли со мной какого поручения в Россию?

Все это хотел я тебе сказать позже, потому что совершенно положительно еще не знаю, поеду ли, и узнаю о том, как сказал, недели через две. Но так как к слову пришлось, то отзовись заблаговременно на мой запрос и скажи свое мнение. Оно должно также войти в мои соображения.

Ты спросишь меня после такого предисловия, зачем же я пишу к тебе теперь? Цель письма довольно курьезная. Начну рассказ сначала.

Я был все это время до того занят и так давно не был в Франкфурте, что лишь вчера прочел два последние номера «Колокола» (21-й, 22-й). А между тем мне прожужжали уши об нем, и — как бы ты думал кто? Фонтон². Надо тебе сказать, что я его знаю еще с Берлина — стало, лет восемнадцать. В обращении он человек любезный и простой; к тому ж вовсе не глуп. Познакомился он со мной во время оно, как с автором книги, изданной Кёнигом, и эта книга ему тогда понравилась. Из этой эпохи я удержал в памяти одну фразу: «Если в России наступит время, что двадцать миллионов пойдут против двухсот тысяч, то уж, конечно, я стану в ряды двадцати миллионов — не потому, что на их стороне сила, а потому, что на их стороне правда».

Такая фраза в устах русского дипломата (тогда он был советником посольства) расположила меня в его пользу. Не знаю, теперешний шестидесятилетний тайный советник пошел ли бы *против* двухсот тысяч; но я уверен, что он и теперь **

* позвольте выйти (франц.).

** Конец письма не сохранился. — *Ред.*

¹ Мельгунов изображал события в имении и на фабрике жены Н. Ф. Павлова, К. К. Павловой, в с. Мурмине Рязанской губ., в идиллическом тоне (см. письмо № 20). На самом деле, крестьяне и фабричные подверглись жестокой расправе, в которой принимал активное участие сам Н. Ф. Павлов. Об этой расправе, происходившей в июне 1857 г., появилась в «Колоколе» (л. 10 от 1 марта 1858 г.) статья «Прокламация губернатора П. Новосильцева и воз розог».

М. Е. Салтыков-Щедрин писал об этих событиях В. П. Безобразову 29 июня 1858 г.: «Гуманист Павлов, которого здесь подозревают в сообщении в № 10 „Колокола“ статьи о возмущении крестьян села Мурмино, оказывается человеком весьма сомнительным».

ВАРШАВСКО-ВЕНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Польская литография, 1852 г.

Исторический музей, Москва

Когда крестьяне эти (принадлежащие его жене) бунтовали, то он был при их усмирении и всех больше настаивал, чтоб строже секли, и заставил высечь семидесятипятiletнего старика. Вот и гуманист» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XVIII. М.—Л., 1937, стр. 137).

² В этом и двух следующих письмах речь идет о Феликсе Петровиче Фонтоне (1801—ок. 1865), русском посланнике во Франкфурте-на-Майне. В заметке «Захват „Колокола“ во Франкфурте» (см. «Колокол», л. 20 от 1 августа 1858 г.; см. также «Errata», л. 21 от 15 августа) Герцен задел Фонтон как участника полицейских преследований «Колокола». Еще резче он говорил о Фонтоне в сатирическом послании к «Знаменитому Сенату вольного города Франкфурта-на-Майне», где прямо указывал на Фонтон — исполнителя воли шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова (IX, 297). 18 сентября 1858 г. Герцен писал к М. К. Рейхель: «Фонтон извиняется и клянется, что он не виноват во франкфуртском запрещении» (IX, 337). Мельгунов, сообщая о том же Герцену, настойчиво просил напечатать заметку, оправдывающую Фонтон (см. письмо № 33). Герцен поместил такую заметку в л. 27 «Колокола» от 1 ноября 1858 г. и в ней «с искренним удовольствием» сообщил, что Фонтон с негодованием отвергает свое участие в запрещении «Колокола» (IX, 365). В письме № 34 речь идет, повидимому, о той же заметке.

Конечно, давню б пора в Россию, да грехи, т. е. долги, не пускали. Но теперь, с помощью доброго Титова, я могу сдвинуться с места. Жду только денег на дорогу. Сбираюсь в конце этого месяца, через Варшаву. Мне отсоветовали ехать морем. Равноденствие в Балтике бурно, и паро-

ходы страшно опаздывают. Таким образом, ты еще имеешь время известить меня:

1) Кому и как переслать к тебе мой долг из Москвы, когда добуду к тому средства? На имя парижского Ротшильда? Но ведь в письме к нему нельзя мне будет сказать, что деньги *твои*: ведь письма у нас читаются, и — как знать — их, пожалуй, задержат. Не отправить ли лучше на имя Рейхеля в Дрезден? Я, проездом, бываю у Рейхелей и предупрежду их.

2) Сколько процентов прикажешь считать? У тебя, верно, записаны числа займов; я знаю только суммы; но сроки были записаны мною в тетради, которая осталась в Париже и которую до сих пор не могут найти.

Поздравляю Огарева с дочерью¹. Шампанским здоровья пить не могу: настоящее здесь дорого и, стало, не по карману; водою, простою, пить не хочу, а стакан шипучки из Elisabethsquelle * выпью залпом.

Гедерштрёма², кажется, я знаю. Не был ли он начальником отделения при Дубельте по части паспортов и цензуры? Он швед, камергер и женат на богатой русской купчихе, поелику *bel homme* ** и его превосходительство. Я с ним имел дело, когда уезжал из России, потому что тогда я был под тайным надзором (теперь не знаю). Этот господин вам не опасен, но он может быть опасен для тех, кто приезжает к вам или с вами в переписке. Против него одно средство — контр-полицию, и все, что откroется — в «Колокол»! А между тем — подвергните прислугу строгому контролю. Я думаю, в Англии нетрудно найти слуг с благородными принципами.

Теперь о Von-ton³. Он страшно скучает в Франкфурте, рыскает по водам, где пьет шампанское, и его теперь с собаками не найдешь. Поэтому мое мнение следующее: напечатай, как знаешь, чтоб только не было для него компрометантно. Не лучше ли так начать: «Дошло до нашего сведения, что письмо наше к Франкфуртскому сенату, относительно г. Фонтонна, основано на неверных предположениях, потому-то и потому-то; и что г. Фонтон благородно протестует против наших обвинений», и пр.

Впрочем, как знаешь; только вспомни чье-то предостережение: ваша похвала может в России нанести вред. В этом смысле Титов был очень доволен деликатным намеком об нем: *ni trop, ni trop peu* ***.

Фонтон ни на минуту не считал себя оскорбленным как частное лицо: он говорил мне об себе, как о лице официальном — не больше, без малейшей желчи или озлобления, но отклоняя от себя незаслуженную честь командовать Сенатом и городом.

Курьезное мое положение! В эту минуту пишу я к выходцу о посланнике и к посланнику о выходце. Когда увидишь Пинто, скажи ему, пожалуйста, что я перешлю к нему на днях письмо Титова, которому я сказал, что Пинто желает его иметь для торговых предприятий.

Засим — жму вам руки и кланяюсь.

¹ 4 сентября 1858 г. у Н. А. Огаревой родилась дочь Лиза.

² Александр Карлович Гедерштерн (Мельгунов неправильно пишет его фамилию) — чиновник III Отделения. 18 сентября 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «III Отдел(ение) прислало сюда стат(ского) совет(ника) Гедерштерна присмотреть, как бы подкузьмить „Колокол“, и узнать, кто доставляет вести. Я о его приезде напечатал» (IX, 337). Предупреждение о приезде Гедерштерна в Лондон Герцен напечатал в л. 23-24 «Колокола» от 15 сентября 1858 г. (IX, 341).

³ О Фонтоне см. примеч. 2 к предыдущему письму. Реабилитирующую заметку о Фонтоне Герцен напечатал лишь через полтора месяца — в «Колоколе» л. 27 от 1 ноября 1858 г. (см. IX, 592, к № 1135).

* Елизаветинского источника (нем.).

** красавец-мужчина (франц.).

*** ни слишком много, ни слишком мало (франц.)

Гомбург. 10 октября (1858 г.)

Я еще здесь и потому прочел твое письмо до конца. Ты спросишь, почему я здесь? Жду субсидий, без которых не могу двинуться, а также и писем о моих делах в России. Не беспокойся; я не упускаю ничего из виду, и если не останусь без нужды, то и не уеду без нужды. — Николай Филиппович (Павлов) совершенно отстранен от дел, и теперь всё, или почти всё зависит от того, кому его жена поручит управление. Если она примет человека, которого я ей предлагаю, тогда наши дела пойдут хорошо, и мне возвращаться на зиму не понадобится. Если ж нет, тогда — нечего делать — придется ехать, несмотря на продолжающиеся невралгические боли в глазу и на то, что не знаю, чем бы я покамест стал жить в Москве. Здесь жизнь дешева, обзаводиться домом нечего, меня знают и мне верят, проживу легко в кредит до весны, тем более, что никому больше не должен; стал бы работать и окончил бы разные начатые вещи. В Москве же медвежий климат, бог знает какая квартира, может — сырая и холодная, и все дорого, и за все плати тотчас.

Я рассказываю про это затем, чтоб объяснить тебе, почему я наперед счел нужным навести разного рода справки в Москве и жду ответа. На авось не поеду, но и на небось не останусь.

Ни в каком случае не уеду отсюда, не известив вас.

Спасибо за присылку двойного номера ¹ и спасибо за печатное предостережение ². Я и сам им воспользуюсь и других предостерегаю. После всего, что доходит, тяжело жить в России; добро б можно было бороться, добро б борьба б вела к чему... Хорошо одно: понемногу, исподволь, а мнение все-таки образуется. Оно вырастет, а николаевские люди помрут. Конечно, ждать долго: живущи проклятые; да что же делать? Не отравишь. Даже и выходы «Колокола» им ни почем. Вот *exempli gratia* * Гедеонов: был на днях здесь, уже после рассказа о Клевенском — ничего. Играет себе как ни в чем не бывало ³. И вот на что идут двенадцать тысяч пенсий! Третью или четверть, конечно, перешли в руки к Блану. Ты знаешь здешний каламбур? «*Vous avez beau jouer à rouge ou à noir c'est Blanc (содержатель банка) qui gagne*» **.

Что же объяснительная статейка о Фонтоне? ⁴ Октябрьского номера еще нет в Франкфурте. Пришли, пожалуйста.

Две старые новости, вероятно, уже известные: царь иногда спрашивает своих приближенных: «Читал ты восьмой номер? Читал ты десятый? и т. д.». Уж так и знают, что речь о «Колоколе». Это вроде того, как Татьяна Васильевна спрашивала у своего мужа, Дмитрия Владимировича Голицына ⁵: «*Tu as été?*» *** Подразумевалось: был ты у любовницы? Рыцарь Дмитрий Владимирович, который никогда не лгал, обыкновенно отвечал: «*Oui, j'y ai été*» ****. Много ль таких рыцарей при дворе — не знаю.

Другая старина та, что Корф ⁶, прочитав вашу книгу, упал в обморок — буквально упал. Признаюсь, это падение подняло его в моих глазах.

А каково досталось от царя московскому дворянству? ⁷ И «Nord», напечатавший все остальные речи, этой не поместил. Напечатайте-ка!

Adieu.

¹ Двойной (23-24) лист «Колокола» вышел 15 сентября 1858 г.

² «Предостережение» Герцена, напечатанное в л. 23-24 «Колокола», сообщало читателям, что «Закревский доставил в таможенную список лиц с строжайшим предписанием

* например (лат.).

** Все равно, ставите ли вы на красное или на черное — выигрывает Блан (игра слов: blanc — белый) (франц.).

*** Ты был? (франц.).

**** Да, я там был (франц.).

по возвращении в Россию обыскать их и доставить их письма и бумаги в *Третье отделение* (IX, 340).

³ Речь идет об А. М. Гедеонове (1791—1867), директоре императорских театров. Герцен в статье «1 июля 1858 г.», напечатанной в л. 18 «Колокола» от того же числа мимоходом упомянул Гедеонова: «Снявши цензурную колодку, можно закрыть и *Третье отделение* (...) Тимашева можно сделать на место Гедеонова директором театров и царских увеселений...» (IX, 266). Намек, заключавшийся в этих строчках, был вполне раскрыт в анонимной заметке «*Inter pares amicitia*», помещенной в л. 23-24 «Колокола». Здесь рассказывалось, как в «светском» игорном притоне, состоявшем под особым покровительством III Отделения, Гедеонов, Дубельт, Болотников — друг и приятель Дубельта — и петербургский полицеймейстер Трубочев обыграли в карты чиновника Клевенского. Он проиграл крупную сумму казенных денег, перешедшую в карманы его сановных партнеров, в первую очередь Гедеонова. По приговору суда Клевенский должен был отбывать каторгу, замененную ему арестантскими ротами, но вскоре умер. Эта история произошла в сороковых годах и, как свидетельствует автор заметки, получила широкую огласку.

⁴ См. письма 32 и 33.

⁵ Д. В. Голицын — генерал-губернатор Москвы с 1820 по 1844 г.

⁶ Модест Андреевич Корф — автор верноподданнической книжки «О восшествии на престол императора Николая I». Опровержению этой лживой книжки был посвящен специальный сборник «14 декабря 1825 и император Николай», изданный Герценом и Огаревым. Об отношении Корфа к статьям Герцена и Огарева см. в комментарии М. К. Лемке (IX, 606—608).

⁷ Речь Александра II, обращенная к московскому дворянству, была произнесена в Кремле 31 августа 1858 г. во время приема дворянской депутации. Речь носила укоризненный характер: московские помещики по сравнению с другими губерниями сильно запаздывали с образованием комитета по «освобождению» крестьян (см. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I. Берлин, 1860, гл. VIII).

35

ОГАРЕВУ

Гомбург. 19 марта 60 г.

Помилуй, душа моя Огарев, как мог ты вообразить, что я на тебя сержусь ¹ — и за что же? За то, что не пишешь. Вы меня, право, считаете каким-то страшно обидчивым... Но ведь и ты вправе б на меня сердиться за то же самое.

Дело в том, что я *письменного* ответа на мои дополнительные письма и не жду. Ты хотел отвечать на мою статью; в предварительных ответах было много недоразумений; я передал тебе добросовестно то, чего, по объему статьи, не мог в ней высказать, в надежде, что это уяснит и упростит наш спор. Ты принял к сведению, и прекрасно! ²

Молчали же мы оба потому, что если *вы* заняты, в особенности ты, как лондонский член редакционной комиссии, то и я занят: пишу предлиннейший роман, который хотелось бы поскорее кончить: 1) Потому, что в нем я касаюсь разных вопросов русской жизни, а теперь, того и гляди, что нахлынет реакция, и тогда — прощай мой труд! ³ 2) Потому, что я никак не могу отвыкнуть от еды и питья, хоть и отвыкаю от одёжи, а мой роман — самая ближайшая надежда на пропитание.

Кстати: напрасно ты так решительно злоещаешь мне. Хочешь об заклад, что Н. Ф. расплатится? Я только предложу тебе заклад навыворот: коли я с него получу — за мной бутылка шампанского до первого свидания; не получу — так *ты* заплатишь, ибо если не получу, придется не о шампанском думать, а о чистой воде.

Для уяснения, вот что вам скажу: продажа Мурмина связана с успехом журнала, ибо тогда только можно продать сколько-нибудь выгодно, когда Н. Ф. войдет в предварительные сделки с некоторыми задористыми кредиторами — Спиридоновым и пр. А для этого нужны деньги, а деньги он всего скорей может добыть через журнал. Впрочем, у меня в Москве два отличных ходатая, которые не дают Николаю Филипповичу покоя: Кошелев и Шевырев, последний в качестве мордашки: он в него впился

и не выпускает. Надо вам сказать, что Шевырев лично заинтересован в успешной расплате. Не помню, писал ли я вам, что сам Н. Ф. взялся, наконец, за продажу и недавно объявил мне через Кошелева и Шевырева (прямо мы не переписываемся), что нашел весьма серьезного покупателя. Жду теперь развязки. А его журнал идет хорошо: до появления было уже более двух тысяч подписчиков.

Как я в первый раз услышал (еще прежде всех газет) об Панине, со мною чуть не сделалось дурно⁴. Русский, привезший новость прямо из Питера, засмеялся: все перемелется, сказал он. Мне самому сдается, что народный жернов перемелет и эту жердь. Мукá будет похуже, грязненька, но все-таки мукá. Авось! Авось уже поздно нагадить.

Не франкирую письма, ибо нечем; но и вы не франкируйте: я получаю на мелок.

Получили ль вы «Народное чтение»?⁵ О личной собственности малороссийских казаков. Заметки карандашом мои, а прочие переслали из Петербурга.

Премного вам спасибо за все присылки; приходят аккуратно.

¹ Письмо Огарева к Мельгунову неизвестно.

² Подчеркивая, что он не ждет *письменного* ответа, Мельгунов тем самым намекал, что ждет ответа в печати. В нашем распоряжении нет достаточных данных для того,

Невброшенная новость о назначении Панина на место Ростовцова, подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакции — поставлен главою освобождения крестьян. С глубокой горестью узнали мы об этом. Но горевать недостаточно, наше время слишком бойко. Это вызов, это дерзость, это обдуманное оскорбление общественного мнения и уступка плантаторской партии. Тонь царствования измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставляютъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобы имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Ошибаться нечего, длинная фигура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобы пугать, но она слишкомъ узка, чтобы застѣть собою черты Николая втораго. Мы недавно советовали государю сорвать маски съ своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это не такъ дурно! *Истина прежде всего*, истина какая бы она ни была!

Что касается до насъ, наша дорога ясна, объ ней мы поговоримъ въ другое время.

СООБЩЕНИЕ В «КОЛОКОЛЕ»
О НАЗНАЧЕНИИ В. Н. ПАНИНА
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМЪ РЕДАКЦИОН-
НЫХЪ КОМИССИЙ

Напечатано Герценомъ в траурной
рамке

«Колоколъ», л. 65-66 от 15 марта 1860 г.

чтобы разъяснить, какая статья Мельгунова вызвала или должна была вызвать ответ Огарева и были ли какие-либо части этой дискуссии напечатаны. Возможно, что речь идет о том «мотивированном протесте» против статьи Герцена «Русские немцы и немецкие русские», который Мельгунов направил в конце 1859 г. в «Колокол» и который редакция отказалась напечатать (см. во вступительной статье отрывок из письма Мельгунова к Б. Чичерину от 3/15 января 1860 г.).

³ Роман Мельгунова остался ненапечатанным. Чичерин, читавший его в рукописи, отозвался о нем с иронией (см. «Москва 40-х годов», цит. изд. стр. 171).

⁴ Речь идет о назначении В. Н. Панина председателем редакционных комиссий Комитета по крестьянскому делу вместо умершего Ростовцева.

⁵ «Народное чтение» — журнал, издававшийся в 1859—1862 гг. в Петербурге. Редакторами-издателями его были Александр Оболенский и Григорий Щербачев (в 1859—1860 гг.). Во 2-й книге журнала за 1860 г. (ценз. разреш. 2 марта) была помещена статья П. А. Кулиша «Потомки заднепровских гайдамак (из воспоминаний моего приятеля)»; эту статью и имеет в виду Мельгунов. Присланные им замечания, вероятно, вызваны были появлением в «Колоколе» (л. 57-58 от 1 декабря 1859 г.) полемики под названием «Письмо и ответ». «Письмо» принадлежало некоему «малороссийскому помещику», а «Ответ» — Огареву. В «Письме» утверждалось, что общинное владение украинскому населению не свойственно.

Москва. 17 апреля 62 г. ¹

Любезный друг, Александр Иванович, в самое Благовещение получил я твое благовестие (без числа), пролежавшее, как после оказалось, месяца три в руках твоего приятеля. Доставил мне твое письмо другой, впрочем, тоже твой знакомый. Он же берется переслать и этот ответ.

Увы! ответ, еще вовсе не удовлетворительный... Для того, чтоб получить мне свои деньги с Каролины Карловны, от которой, впрочем, у меня две неограниченные доверенности, есть только одно средство: войдя в откупную сделку с крестьянами, продать потом все, что останется от выдела. Так как остаток будет состоять из «значительной» фабрики, паровой машины, тысяч около четырех десятин земли с заливными лугами и лесом, то частные долги непременно бы покрылись, и с лихвою, в пользу владелицы, если бы только... — *mais c'est là le pis* * — можно было все это превратить в деньги. В настоящую минуту об этом еще нельзя почти и думать, ибо при шатких, неустановившихся обстоятельствах, да к тому ж и безденежье, кому охота покупать? Приходится поневоле ждать, не переставая, однако, искать покупателей. Моя надежда пуше всего на купцов. Имение фабричное, денег у купцов много. Но теперь и они неподатливы.

Вот в коротких словах причина, почему я, при всем искреннем желании, не могу, в настоящую минуту, выполнить твое желание. Поверь мне, что при первой возможности, я сам, без твоего вызова и напоминания, поспешу рассчитаться с тобою. Это долг архисвятой в моих глазах; к тому ж, ух, как тяжело лежит он на сердце! Я собирался и без того писать обо всем этом Марье Каспаровне. Только поджидал дальнейших результатов выкупной операции. По просухе поедет от меня в обе деревни землемер. Дело это может еще протянуться месяца два-три.

Очень думаю я о том, как бы добыть средств для нашего Улисса (которому, прошу тебя, пожми крепко руку и вырази мою глубокую радость об успехе его предприятия) ². Но Москва решительно не за вас ³; скорее Петербург, Тверь... Москва вам не сочувствует, напротив. Мы все здесь, к какой бы партии ни принадлежали, люди исторические, за почву историческую, и радикализма мы переварить не можем. Не думай, чтоб я говорил про од(ин) ** какой-либо кружок; нет, я говор(ю обо) ** всех — исключая, разумеется, небольшой част(и) мо/лодежи **. У нас уважают искренность твоих убеждений, пользу от

* но в этом-то и заключается самое худшее (франц.).

** Письмо повреждено. — *Ред.*

большей части сообщаемых тобою известий, и об тебе говорят не иначе, как с любовью... Но на этом и останавливается сочувствие.

Впрочем, авось-либо мы с тобой скоро увидимся — здесь. Свербеев говорит своим жирным голосом: «Au train que nous menons *, я надеюсь через два годажать руку Александру Ивановичу в Москве». На первый раз нам обещают новое издание твоих сочинений, с полным твоим именем ⁴. Пожми от меня руку Николаю Платоновичу.

¹ Орывок из этого письма был напечатан М. П. Драгомановым в «Вольном слове» № 58 от 1 апреля 1883 г.

² Улисс — М. А. Бакунин. Успех его предприятия — удачный побег из Сибири. Бакунин прибыл в Лондон 27 декабря 1861 г. Герцен обратился к И. С. Тургеневу и другим с просьбой оказать Бакунину материальную поддержку.

³ Утверждение Мельгунова «Москва решительно не за вас» послужило поводом для выступления Герцена в «Колоколе» (л. 135 от 1 июня 1862 г.) с резкой заметкой «Москва нам не сочувствует» (XV, 183). См. об этом во вступительной статье.

⁴ О предполагавшемся в 1862 г. в Петербурге издании сочинений Герцена см. публикуемое в настоящем томе письмо издателя Кожанчикова к Герцену.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К. Д. КАВЕЛИН — ГЕРЦЕНУ

Печатаемое письмо было опубликовано в «Вольном слове» М. П. Драгомановым (№ 58 от 1 апреля 1883 г.) в качестве письма неизвестного. К этому письму, как указал М. П. Драгоманов, Н. А. Мельгунов сделал краткую приписку. До сих пор в литературе принято было считать, что это письмо, ярко характеризующее отношение либералов к деятельности Герцена, принадлежит Мельгунову (см., например, IX, 243—244). В настоящее время подлинник письма, обнаруженный в бумагах Герцена, позволяет точно установить, что действительным автором его был К. Д. Кавелин.

Письмо публикуется по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 92). Ошибки прежней публикации исправлены без оговорок.

(Начало 1858 г.)

Пишу тебе под влиянием последних событий: начала освобождения крестьян, начала освобождения от цензуры **, начала освобождения раскольников в признании их браков. Вера в успех, в развитие видимо растет и крепнет. Те, которые считали Александра Николаевича дураком, начинают говорить иначе; ненависть и любовь к нему растут по мере того, как он более и более высказывается в смысле добра и успеха. Посреди такого положения, роль твоя, друг, велика и благотворна. Влияние твое *безмерно*. H(erzen) est une puissance *** , сказал недавно кн. Долгоруков за обедом, у себя. Прежние враги твои по литературе исчезли. Все думающее, пишущее, желющее добра — твои друзья и более или менее твои почитатели. Молодежь на тебя молится, добывает твои портреты, — даже не бранит того и тех, кого ты, очевидно с умыслом, не бранишь. Словом, в твоих руках огромная власть, и заметно, как ты зреешь не по дням, а по часам. Твое последнее письмо к императору по поводу книги Корфа циркулирует в списках и производит неописанное действие. Ничего подобного наша литература действительно не представляла.

* Судя по тому, как идут наши дела (франц.).

** Московского цензора Крузе III Отделение представило как умышленного нарушителя высочайшей воли. Резолюция—III Отделению не мешаться в дела цензуры. — *Примеч. Кавелина.*

*** Герцен — это сила (франц.).

Но, имея такое огромное значение, помни, что ты им обязан *исключительно* той роли, которую ты так благородно и самоотверженно принял в последнее время, — быть возвестителем не только миру — это бы еще ничего, — а нам и Александру II нашей гнили и мерзости. По твоим статьям поднимаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим «Колоколом» грозят властям. Что скажет «Колокол», как отзовется «Колокол»? Вот вопрос, который задают себе все, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всех классов. Теперешний государь — лучший и самый порядочный из всех принимающих участие в правлении. Благонамеренность его не подлежит ни малейшему сомнению; вместе — и это начинают тоже понимать мало-помалу все — он человек очень хитрый и ловкий, который ведет свои дела крайне искусно. Не думай, чтоб лезть руководила моим пером. Я говорю тебе правду. Государь дурно приговорен к делу правления, не счастлив в выборе людей, но по всем видимостям не находится в их руках, не доверяет своему антуражу, да и к себе недоверчив. Один поляк, мой приятель, рассказывал мне, что он видел сон, будто бы государь благодарил тебя письмом за твои публикации, за помощь и содействие, которые ты ему оказываешь ими, и просил продолжать в том же тоне. Это имеет глубокий смысл. Сон в руку. Это — твоя роль, твое назначение. Тебя оскорбила, кажется, фраза во введении к «Голосам из России», что гнусная, непроницаемая среда отделяет царя от народа и что для восстановления сношений между ними нужны публикации за границей. На деле это истинная правда. Послушай же, что я говорю тебе от имени всех друзей, всех почитателей, всех благомыслящих людей в России: делай то, что ты теперь делаешь, только в еще сильнейшей степени — печатай все гнусности, глупости и злодеяния, казни их беспощадно, с лицами, именами и проч., но обходишься *еще* осторожнее с императорской фамилией, тем более, что теперь она, положила руку на сердце, далеко не самое гнусное, что есть в России. Щади их, не печатай об них статей, вроде тех, как ты напечатал о старухе¹, и поверь, ты еще сильнее будешь действовать. Вы скоро можете, не краснея, подать друг другу руку с Александром II и считать друг друга союзниками на благо и счастье России. Кстати, его же ругают твоим именем, спрашивают новых календарей, чтоб посмотреть, не представлен ли он в бороде, и говорят, что если б ты царствовал в России, то было бы не хуже. При таких обстоятельствах вся литература должна щадить лица, но зато тем беспощаднее должна бить мерзости и гадости, *en principes somme en faits* *. Вспомни, друг, что ты теперь выборный Русской земли, единственный свободный русский. Говори же с властью тем языком, каким бы мы с нею говорили. Можешь ругать дела и людей минувшего царствования, но перестань бранить покойника, чтоб не ставить сына в ложное положение, — как ни был гадок и преступен прежний царь. Деятельность твоя так мужает, силы твои так растут, что ты уже можешь и *должен* взвешивать каждое свое слово, измерять каждый свой поступок. Немногим выпадает такая достойная и высокая роль в жизни, как тебе, друг! Сравнивая тебя с Курбским, нельзя не порадоваться и тому, насколько мы нравственно выросли в этот промежуток времени.

Будь же выборным Русской земли, пусть благовест твоего «Колокола» широко раздастся в ней, пробуждая мертвых и живых на общее дело. Ты стал осторожен: спасибо тебе за это. Ты стал недоверчив. Это избавит тебя от тысячи промахов, которые повредили бы делу. Роль твоя политическая и громадная. Войди в нее с головою и ногами.

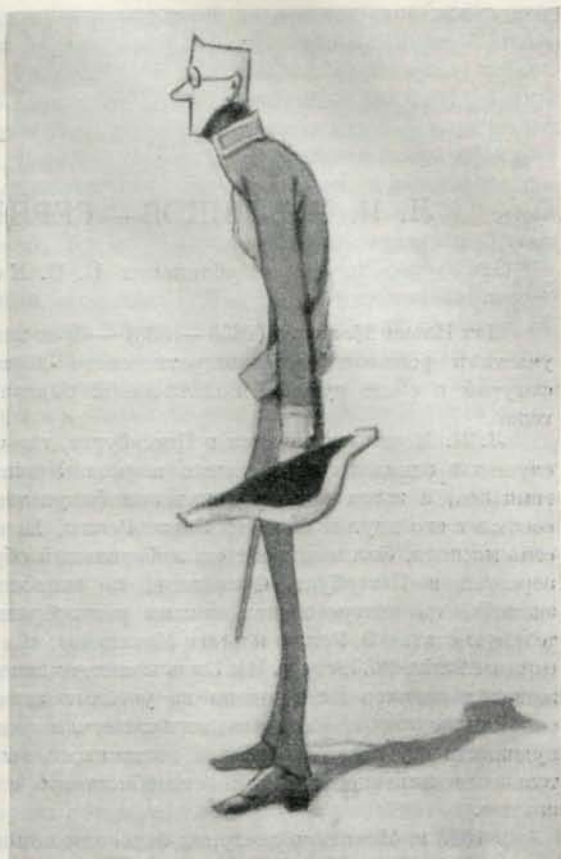
Вот, в заключение, несколько известий об Александре Николаиче, герсе теперешних событий. По московской студенческой истории он велел

* как в принципах, так и в поступках (франц.).

В. Н. ПАНИН

Карикатура из альбома
1860—1870-х гг.

Исторический музей, Москва

отдать под суд полицейских чиновников — частного пристава, квартального надзирателя и поручика; студента же Ганусевича освободить от суда, так как он совершил нарушение закона вследствие необходимой обороны. По вопросу об эманципации он подкован крепко. На предупреждение министра внутренних дел, чтоб он не внимал клеветам и лжи, необходимым последствиям сделанных по эманципации распоряжений, государь поклонился Ланскому и сказал: «Будьте благонадежны». Он готов на беспорядки крестьянские; недавно у него вырвалась фраза: «Эманципации хочу непременно, во что бы ни стало, хоть бы пришлось поплатиться жизнью».

Посылаем тебе дружеский, сердечный привет.

Рукою Н. А. Мельгунова:

Вполне соглашаюсь со всем вышеписанным и прошу внять оному. Обнимаю тебя от деду и детей твоих.

¹ Под «статьей о старухе» Кавелин имеет в виду статью Герцена «Августейшие путешественники. I.», в которой он беспощадно высмеял вдову Николая I—Александру Федоровну (VIII, 542—547).